

ХОЛМИ БЛЭК

САМАЯ ТЕМНАЯ ЧАША

18+

ХОМЛИ БЛЭЖ

ХОЛМИ БЛЭЖ

САМАЯ ТЕМНАЯ ЧАША

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое)

Б70

Holly Black

THE DARKEST PART OF THE FOREST

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International¹, Inc. и Nova Littera SIA*

Б70 Блэк, Холли.

Самая темная чаща: роман / Холли Блэк; пер с англ.
М. Фетисовой. — Москва : Издательство АСТ, 2017. —
384 с. — (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-982491-6

*«Если пойти тропинкой, ведущей в темный лес, — мимо ручья и по-
валенного дерева, кишящего мокрицами и термитами, — то придешь
к стеклянному гробу. Он стоит прямо на земле, а в нем спит мальчик —
с рогами и острыми, как ножи, ушами.»* — в детстве Хейзел думала, что этот
мальчик — принц, и мечтала, что однажды он проснется, и будет мудро
и справедливо править своим царством, и не будет таким жестоким и ко-
варным, как многие феи и эльфы.

Хейзел выросла и забыла истории, которые сочиняла о рогатом мальчи-
ке. Всем известно, что он никогда не проснется. Но однажды это все-таки
произошло...

Весь мир перевернулся вверх дном. И Хейзел ждет все, что полагается
в таких случаях: любовь, предательство и подвиги.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое)

Copyright © Holly Black, 2015

© М. Фетисова, перевод на

русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-982491-6

*Саре Риз Бреннан,
другу и вдохновителю*

*Ты что, дитя, считаешь, будто мы, за-
мыслив зло, таились бы здесь, — вблизи
тропы, ведущей в темный лес?*

Кеннет Пэтчен

ГЛАВА 1

Если пойти тропинкой, ведущей в темный лес — мимо ручья и поваленного дерева, кишащего мокрицами и термитами, — то придешь к стеклянному гробу. Он стоит прямо на земле, а в нем спит мальчик — с рогами и острыми, как ножи, ушами.

Он всегда был там. Хэйзел Эванс узнала об этом от своих родителей, а те — от своих. И что бы кто ни делал — мальчик никогда, никогда не просыпался.

Хэйзел и ее брат Бен провели не одно долгое лето, растянувшись на крышке гроба: рассматривали спящего сквозь хрустальное стекло и, затуманивая его своим дыханием, строили великие планы — но и тогда мальчик ни разу не проснулся. Не просыпался он, и когда на него приходили поглазеть туристы, а разрушители легенд пытались доказать, что он ненастоящий. Он проспал все осенние выходные, когда девушки, вихляясь под звуки, скрежещущие из динамика телефона, танцевали прямо над ним, и не заметил, как Леони Уоллес подняла пиво высоко над головой, будто салютуя лесным призракам. Он

даже не пошевелился, когда лучший друг Бена Джек Гордон накарябал на гробе нестираемым маркером: «В ЭКСТРЕННОМ СЛУЧАЕ РАЗБИТЬ СТЕКЛО», а Ллойд Линдблад схватился за кувалду, чтобы и в самом деле попробовать. Неважно, сколько вечеринок проходило вокруг рогатого мальчика. Одно поколение гуляк сменялось другим, в траве сверкали осколки десятков зеленых и янтарных бутылок, в кустах поблескивали раздавленные алюминиевые банки: серебристые, золотистые и ржавые; неважно, что случилось на этих вечеринках, — ничто не могло разбудить мальчика в стеклянном гробу.

Когда Бен и Хэйзел были совсем маленькими, они плели мальчику цветочные короны и рассказывали, как спасут его. Тогда они мечтали спасти всех жителей Фэйрфолда, которые в этом нуждались. Повзрослев, Хэйзел стала приходить к гробу только по ночам, в компании, но, глядя на неподвижное и прекрасное лицо мальчика, по-прежнему чувствовала, как сжимается что-то в груди.

Она не спасла его. И никого в Фэйрфолде не спасла.

— Эй, Хэйзел! — позвала Леони.

Не прекращая танцевать, девушка сделала пару шагов в сторону, чтобы на крышке гроба хватило места и Хэйзел — если та захочет присоединиться. Дорис Альваро, все еще в форме болельщицы — накануне вечером их школьная команда потерпела поражение, — уже стояла там: в воздухе мелькали ее блестящие каштановые волосы, собранные в

хвост. Разгоряченные выпивкой, обе пребывали в прекрасном настроении.

Хэйзел приветственно помахала Леони, но преодолела искушение залезть на гроб и смешалась с толпой.

Средняя школа Фэйрфолда была совсем небольшой, но ребята все равно делились на группировки (некоторые даже состояли из одного человека: например, Меган Рохас была единственным представителем сообщества готов). Однако на вечеринки собирались все — иначе никаких вечеринок бы не получалось. Впрочем, совместные гулянки отнюдь не делали их друзьями. Всего месяц назад Хэйзел была в девичьей банде, члены которой являлись в школу с густо подведенными глазами и в длинных сверкающих сережках, таких же ослепительных, как и их улыбки. Они поклялись друг другу в вечной дружбе и скрепили клятву липкой яркой кровью, высосанной из больших пальцев. Хэйзел отстранилась от них после того, как Молли Липскомб попросила ее поцеловать, а потом послать своего бывшего — но пришла в ярость, когда Хэйзел действительно это сделала.

Оказалось, что те, кого она считала подругами, хотели дружить только с Молли. Замысел Молли был всем хорошо известен, но они притворялись, что ничего не знали, и делали вид, будто это Хэйзел во всем виновата, будто она намеренно причинила Молли боль.

Хэйзел целовалась с парнями по сотне разных причин: они были милыми; она была слегка пьяна; ей было скучно; они ничего не имели против; это казалось забавным; они выглядели такими одинокими; на некоторое время это избавляло ее от всех страхов — она уже со счета сбилась, сколько поцелуев подарила. Но мальчика, который принадлежал кому-то еще, она поцеловала лишь однажды и больше не собиралась — ни при каких обстоятельствах.

Хорошо, что у нее есть брат, на которого всегда можно рассчитывать, хотя сейчас его и нет рядом: сегодня он в городе, на свидании с каким-то парнем, с которым познакомился в Сети. Еще у нее есть Джек — лучший друг Бена; правда, временами он сводит ее с ума. И Леони.

Полно друзей. Даже слишком много — учитывая, что, вероятно, не сегодня-завтра она исчезнет и покинет их всех.

Взвинченная этой мыслью, сегодня она не попросила никого подвезти ее на вечеринку, хотя это значило идти всю дорогу пешком: краем леса, мимо ферм и старых сараев для сушки табака, а потом — в самую чащу.

Стояла одна из тех ночей ранней осени, когда воздух пахнет лесным туманом вперемешку со сладким душком подгнивающих листьев, и все кажется возможным. На Хэйзел был новый зеленый свитер, любимые коричневые ботинки и дешевые серьги-

кольца, покрытые зеленой эмалью. Распущенные рыжие кудри все еще отливали летним золотом, а когда она посмотрелась в зеркало, чтобы перед выходом подкрасить губы, то подумала, что и в самом деле выглядит очень даже ничего.

Лиз отвечала за музыку: она так гроыхала из телефона девушки, подключенного к колонкам ее старенького «Фиата», что деревья дрожали. Мартин Сильвер клеил Намию и Лурдес, явно надеясь на многообещающее продолжение, чему никогда — никогда, *никогда* — не суждено было сбыться. Молли смеялась в окружении подружек. Стивен, в забрызганной краской рубашке, сидел в своем грузовичке со включенными фарами и пил из фляги сивуху папы Франклина. Парень был слишком увлечен утолением печалей, чтобы бояться ослепнуть от этой дряни. Джек сидел со своим братом (*вроде как* братом) Картером, футбольным защитником, на бревне рядом с гробом. Они смеялись, и Хэйзел вдруг захотелось подойти и рассмеяться вместе с ними. Впрочем, еще ей хотелось танцевать и... не разбирая дороги, бежать домой.

— Хэйзел, — позвал кто-то.

Обернувшись, девушка увидела Робби Дельмонико. Улыбка застыла на ее лице.

— Никак не мог тебя найти. Хорошо выглядишь. — Казалось, его это обидело.

— Спасибо.

Робби *знал*, что она его избегала, отчего чувствовала себя ужасно — но с тех пор, как они поцело-

вались на той вечеринке, он таскался за нею с печатью скорби на лице, и от этого становилось еще хуже. Она его даже не бросала, ничего подобного, — Робби ведь никогда не предлагал ей встречаться. Просто грустно на нее пялился и задавал дурацкие наводящие вопросы вроде: «Что ты делаешь после школы?» А когда Хэйзел отвечала: «Да так, просто болтаюсь без дела», никогда ничего не предлагал и не намекал, что был бы не прочь заглянуть в гости.

Вот почему все вокруг думали, что Хэйзел пойдет с кем угодно, — из-за поцелуев с парнями вроде Робби Дельмонико.

Но тогда это казалось неплохой идеей.

— Спасибо, — чуть громче повторила она, кивая, и собралась отвернуться.

— У тебя новый свитер? — Унылая улыбка Робби как будто говорила: он знает, как это мило, что он заметил обновку, и что последнее слово всегда остается за «хорошим парнем».

Смешно, но Роб не проявлял к ней абсолютно никакого интереса, пока она сама его не подцепила. Как будто, соединив свои губы с его — и окей, проявив в этом определенное мастерство, — она превратилась в какую-то жестокую богиню любви.

— Новый, — вновь кивнула она. Рядом с Робби Хэйзел чувствовала себя бессердечной, и он явно был о ней такого же мнения. — Ладно, увидимся.

— Ага, — протянул он.

И тут — в тот миг, когда еще можно было просто уйти — девушку захлестнуло чувство вины, и она сказала то, чего не должна была говорить и за что упрекала себя всю оставшуюся ночь:

— Может, попозже встретимся.

В его глазах зажглась надежда, и Хэйзел слишком поздно поняла, что ее слова прозвучали для парня как обещание. Но теперь единственное, что она смогла придумать — это удрать к Джеку и Картеру.

Джек — ее детское, наивное увлечение — явно удивился, когда она к ним примчалась. Это было странно, ведь его почти никогда не удавалось застать врасплох. Как однажды сказала мама Джека: он слышит гром раньше, чем сверкнет молния.

— У нашей милой Хэйзел, как омуты, глаза. Лишь парня поцелует — и он сойдет с ума, — пропел Картер. Иногда он вел себя, как редкостный придурок.

Картер и Джек выглядели почти одинаково: черные вьющиеся волосы, янтарные глаза, темно-коричневая кожа, пухлые губы и широкие скулы, которым завидовали все без исключения девушки города. Однако близнецами они не были. Джек был подменышем — подменышем Картера, — которого оставили укравшие его феи.

Фэйрфорд — странное место. Он расположен точно в центре Карлингского леса, кишящего существами, которых дедушка Хэйзел называл *Зеленушками*, а мама — *Этими Самыми* или *Воздушным Народцем*. Встретить здесь черного зайца, плаваю-

щего в ручье (хотя, как правило, зайцы — не большие охотники до купания), или олениху, на бегу превращающуюся в девушку, — обычное дело. Каждую осень местные оставляют часть урожая яблок жестокому и своенравному Ольховому королю. А каждую весну для него плетут цветочные гирлянды. Горожане знают, что в самом сердце леса таится чудовище: оно заманивает чужестранцев криками, похожими на женский плач. Пальцы его — словно ветки, а волосы — мох. Оно питается горем и несет погибель. Выманить его можно, спев особую песню: хорошие девочки отваживаются шептаться об этом, лишь когда идут друг к другу с ночевкой. А еще в кольце камней, где растет боярышник, можно поторговаться за сокровенное желание: в полнолуние повязать клочок своей одежды на ветку и подождать кого-нибудь из Народа. В прошлом году Джени Эйхман отправилась туда и пожелала поступить в Принстон, пообещав феям заплатить любую цену. Желание исполнилось, но ее маму разбил инсульт, и она умерла в тот же день, когда из университета пришло письмо.

Вот почему — из-за исполнения желаний, рогатого мальчика и других странных вещей — городок посещают так много туристов, хотя сам он до того мал, что начальная и старшая школы расположены в одном здании, а чтобы купить новую стиральную машинку или прогуляться по торговому центру, приходится ехать за тридевять земель. Другие горо-

да могут похвастаться огромным мотком бечевки, гигантской головкой сыра или исполинским стулом. Где-то есть живописные водопады, мерцающие сталактитовые пещеры или летучие мыши, спящие под мостом*. А в Фэйрфолде — мальчик в стеклянном гробу. И Воздушный Народец.

Для которого туристы становятся легкой добычей.

Возможно, феи решили, что родители Картера из туристов. Его отец действительно был родом из другого города, а вот мать — нет. Она поняла, что ее ребенок украден, в ту же ночь, но прекрасно знала, что делать: на сутки отослала мужа из дома и пригласила соседок. Они испекли хлеб, накололи дров и наполнили старую глиняную миску солью. Затем, когда все было готово, мама Картера нагрела в очаге кочергу.

Та накалилась докрасна, но этого было мало. Лишь когда металл побелел от жара, мать Картера прижала самый кончик кочерги к плечу подмышца.

Младенец завопил от боли — так громко и пронзительно, что в окнах на кухне лопнули стекла.

Запах был, как будто в костер бросили пучок свежей травы; на коже ребенка вздулись красные волдыри. С тех пор у него остался шрам — Хэйзел видела его прошлым летом, когда они с Джеком, Бе-

* Имеется в виду город Остин в Техасе, «столица летучих мышей»
Здесь и далее прим переводчика

ном и Картером пошли купаться. Рубец, правда, вытянулся, но никуда не делся.

Обожженный подменыш звал свою мать. Через секунду на пороге возникла женщина со свертком в руках. По рассказам, она была худой и высокой, с коричневыми, как осенние листья, волосами, кожей цвета древесной коры и глазами, то похожими на расплавленное серебро, то желтыми, словно у совы, то тускло-серыми, будто камни. Принять ее за человека было невозможно.

— Вы не смеете забирать наших детей, — сказала мама Картера — по крайней мере, так рассказывали, а Хэйзел слышала эту историю бесчисленное множество раз. — Не смеете похищать нас или насылать на нас болезни. Так было не один десяток лет, так должно оставаться и впредь.

Фея даже немного отступила и молча протянула украденного ребенка — тот мирно спал, завернутый в одеяло, словно и не покидал своей колыбели.

— Возьми, — только и сказала фея.

Мама прижала Картера к груди, жадно вдыхая его кисловато-молочный запах: она рассказывала, что одного Воздушный Народец подделать не может — другой ребенок пах не так, как Картер.

Фея протянула руки — забрать свое плачущее дитя, но соседка, державшая его, отступила назад.

Мать Картера преградила ей дорогу.

— Ты не получишь его, — возразила она, передавая своего ребенка сестре и беря железные опил-

ки, бузину и соль, чтобы защититься от магии феи. — Если ты обменяла его, пусть даже и на час, то не достойна называться его матерью. Я воспитаю их обоих, и пусть это послужит вам наказанием за нарушение данной нам клятвы.

На это фея ответила голосом, подобным ветру, и дождю, и шуршанию сухих листьев под ногами.

— Не вам нас поучать: у вас нет ни власти, ни права. Отдайте моего ребенка, и я благословлю ваш дом, а если ослушаетесь...

— Катись к чертям со своими угрозами! — ответила мама Картера, как утверждает всякий, кто когда-либо рассказывал эту историю. — Проваливай подобру-поздорову!

Вот так, несмотря на то, что кое-кто из соседак ворчал — мол, женщина напрашивается на неприязности, — Джек вошел в семью Картера, стал его братом, а потом лучшим другом Бена. Все так привыкли к Джеку, что никто больше не удивлялся его остроконечным ушам, глазам, порой сияющим серебром, и умению предсказывать погоду лучше любого метеоролога.

— Как думаете, Бен там похлепче нашего веселится? — спросил Джек, отвлекая Хэйзел от мыслей о его происхождении, шраме и красивом лице.

Если Хэйзел относилась к поцелуям более чем легкомысленно, то Бен подходил к этому вопросу крайне серьезно. Он хотел настоящей любви и был готов все за нее отдать. Бен никогда себе не изменял:

даже когда это стоило ему дороже, чем она могла предположить.

Однако его знакомства в Сети редко оказывались удачными.

— Боюсь, его избранник окажется скучным, — и Хэйзел, взяв из рук Джека банку, сделала большой глоток пива. *Какая кислятина.* — Они все скучные, даже лжецы. Особенно лжецы. Не понимаю, зачем он это делает?

— Ради секса? — пожал плечами Картер.

— Он любит истории, — предположил Джек и заговорщицки ей улыбнулся.

Хэйзел слизнула пену с верхней губы. К ней потихоньку начало возвращаться хорошее настроение:

— Ага, наверно.

Картер встал, пожирая глазами только что приехавшую Меган Рохас: яркие пурпурные волосы, бутылка коричневого шнапса в руках, острые каблучки ботинок с вышитой на них паутиной утопают в мягкой земле.

— Пойду раздобуду еще пива. Вам принести?

— Мою банку Хэйзел украла, — пожаловался Джек, кивая в ее сторону. Толстые серебряные колечки в его ушах поблескивали в лунном свете. — Захвати нам по одной.

— Постарайся не разбить никому сердце, пока меня не будет, — как будто в шутку попросил Хэйзел Картер, но его голос прозвучал не слишком дружелюбно.

Девушка села на освободившийся край бревна и стала разглядывать танцующих и веселящихся ребят, чувствуя себя невероятно чужой, бесполезной и потерянной. Когда-то она жила игрой, за которую все была готова отдать. Но оказалось, бывают игры, в которых мало просто чем-то пожертвовать.

— Не слушай его, — посоветовал Джек, как только Картер, обогнув гроб, оказался вне зоны слышимости. — Ты ни в чем не виновата перед Робом. Тот, кто преподносит свое сердце на серебряном блюде, сам виноват в том, что получает.

Хэйзел тут же подумала о Бене: а вдруг Джек прав?

— Вечно я наступаю на одни и те же грабли, — вздохнула она. — Отправляюсь на вечеринку и целую какого-нибудь парня, которого никогда бы не стала целовать в школе. Парня, который мне даже не нравится. Как будто здесь, в лесу, они могут раскрыться передо мной с совсем другой стороны. Но они всегда одинаковые.

— Это просто поцелуи, — он улыбнулся одним краешком губ, и что-то заставило ее улыбнуться в ответ. Джек с Картером улыбались совсем по-разному. — Смешно тебя упрекать. Ты никому не делаешь зла. Ты же не *нападаешь* на парней просто для того, чтобы здесь хоть что-то происходило!

Как ни странно, его слова рассмешили девушку:

— Скажи это Картеру.

Она, конечно, не стала объяснять, что не столько хочет, чтобы здесь хоть что-то происходило, сколько боится оставаться наедине со своей тайной.

Джек закинул руку ей на плечо, притворяясь, будто флиртует. Получилось безобидно, но забавно:

— Картер мой брат, так что могу с уверенностью тебе сказать — он идиот. Признайся, для тебя все эти фэйрфордские простачки — всего лишь развлечение.

Она улыбнулась и, покачав головой, повернулась к нему. Парень замолчал, и Хэйзел только тогда поняла, как близко оказались их лица.

Настолько близко, что она могла почувствовать на своей щеке его теплое дыхание, разглядеть багровому ресниц, на свету отливающих золотом, и плавный изгиб губ.

Сердце Хэйзел отчаянно забилося: казалось, давно позабытое чувство десятилетней девочки вспыхнуло с удвоенной силой, заставив ее почувствовать себя такой же уязвимой и глупой, как в те далекие дни. Девушка ненавидела это ощущение. Теперь *она* разбивает сердца, а не наоборот!

Тот, кто преподносит свое сердце на серебряном блюде, сам виноват в том, что получает.

Был только один способ перестать страдать по парню. Тот, что всегда срабатывал.

Глаза Джека были слегка затуманены, губы — слегка приоткрыты. Преодолеть оставшееся между ними расстояние, закрыть глаза и прижаться губа-

ми к его губам казалось таким правильным. Джек ответил на поцелуй тепло и нежно.

Затем, часто моргая, отстранился.

— Хэйзел, я не хотел...

— Нет, — ответила она, вскакивая. Ее щеки горели. Он был ее другом и *лучшим* другом ее брата. И он не был чужим. В любом случае, целовать его — неправильно, даже если он тоже этого желал. Хотя ясно понять этого не дал, что делало случившееся еще хуже. — Конечно, нет. Извини. Извини! Я же говорила, что не должна целовать всех подряд, и вот сделала это снова.

Она попятилась.

— Подожди! — начал было он, потянувшись к ее руке и подбирая слова, которые бы ее успокоили — но она не далась.

Хэйзел сбежала, опустив голову, чтобы не видеть пронизательный «я-же-тебе-говорил» взгляд Картера. Она чувствовала себя глупой и, что еще хуже, вполне заслуживающей того, чтобы ее отвергли. Как будто она получила по заслугам. Словно восстановилась кармическая справедливость — чего, конечно, в реальности не случается. По крайней мере, не так быстро.

Хэйзел отправилась напрямик к Франклину.

— Можно угоститься? — спросила она, кивая на флягу.

Тот глянул на девушку мутными, налитыми кровью глазами, но флягу протянул:

— Тебе не понравится.

Ей и правда не понравилось. Сивуха обожгла горло. Но Хейзел, хоть и с трудом, сделала еще пару глотков, надеясь позабыть все, что произошло с той минуты, как она пришла на вечеринку. Надеюсь, что Джек никогда не расскажет Бену, что она сделала. Надеюсь, что Джек притворится, будто ничего не произошло. Как же ей хотелось повернуть время вспять, распуштить его, как плохо связанный свитер...

Тем временем Том Маллинс, полузащитник и известный злобололик, пересек поляну, освещенную фарами грузовичка Стивена, и резко запрыгнул на стеклянный гроб, согнав с него девушек. Парень выглядел совершенно одуревшим от выпивки: покрасневшее лицо, всклокоченные, пропотевшие волосы.

— Эй! — заорал он, подпрыгивая и топая так, как будто хотел расколоть стекло. — Вставай, вставай, дружок! С постели — на горшок. Вставай, вставай, порточки надевай!

— Перестань! — крикнул Мартин и принялся махать Тому, чтобы тот спускался. — Забыл, что случилось с Ллойдом?

Ллойд был отъявленным хулиганом: устраивал поджоги и ходил в школу с ножом. Когда учителя заполняли бланки посещаемости, им приходилось серьезно морщить лбы, припоминая, почему его не было: прогуливал или сидел под домашним арестом.

Однажды ночью, прошлой весной, Ллойд взял кувалду и отправился к стеклянному гробу. Разбить его он не смог, зато позже, устраивая очередной поджог, так обгорел, что до сих пор лежал в больнице Филадельфии — ему там делали пересадку кожи с ягодич на лицо.

Некоторые утверждали, что Ллойд отомстил рогатый мальчик, которому не понравились эти шутки с гробом. Другие заявляли, что заколдовавший рогатого мальчика заколдовал и стекло, поэтому тот, кто пытается его разбить, навлекает на себя беду. Том Маллинс прекрасно об этом знал, но ему, казалось, было все равно.

Хэйзел отлично понимала, что он чувствует.

— Поднимайся! — вопил он, пиная стекло, топая и прыгая на нем. — Эй, бездельник, пора встава-а-а-а-ать!

Картер схватил его за руку:

— Том, хорош. Мы собираемся накатить еще по одной. Ты же не хочешь это пропустить?

Том явно колебался.

— Давай, Том, — продолжил Картер. — Если, конечно, ты еще не слишком надрался...

— Ага, — поддержал его Мартин, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. — По ходу, ты уже и стакан удержать не сможешь.

Это сработало. Том протестующе кинулся вниз, попутно свалившись с гроба: да он один выпьет больше, чем они оба вместе взятые!

— Ну вот, — пробормотал Франклин Хэйзел. — Еще одна тупая ночь в Фэйрфолде, где можно быть или свихнутым, или эльфом.

Девушка сделала глоток из серебристой фляги, начиная привыкать к ощущению огня в желудке:

— Пожалуй.

Он усмехнулся, и в его покрасневших глазах заплясали чертики:

— Хочешь пообжиматься?

На вид он был таким же несчастным, как и Хэйзел. Франклин, который в начальной школе едва говорил и про которого только ленивый не болтал, что время от времени он ужинает сбитыми на шоссе зверьками. Франклин, который не оценил бы, поинтересуясь она его печалью — хотя у него явно найдется немало такого, о чем он хотел бы забыть.

Хэйзел почувствовала себя немного сумасшедшей.

— Давай.

По пути в лес она оглянулась. Джек смотрел на нее с выражением, которое она не смогла прочитывать. Девушка поспешила отвести глаза. Когда они с Франклином, держась за руки, проходили под дубом, ей показалось, что ветки сомкнулись над ее головой, будто пальцы, но, взглянув наверх, Хэйзел разглядела только тени.

ГЛАВА 2

Как-то летом, когда Бен был еще совсем крохой, а Хэйзел даже не появилась на свет, их мама отправилась на лесную поляну порисовать. Расстелила на траве одеяло, усадила Бена, намазав его солнцезащитным кремом, и дала пососать кусочек сухарика — а сама взялась за холст, накладывая на него оранжевые и красные мазки. Она рисовала уже добрый час, когда заметила женщину, наблюдавшую за ней из тени раскидистых деревьев.

Каптановые волосы незнакомки, как вспоминала мама, рассказывая эту историю, были перевязаны косынкой, а в руках та держала корзину молодых зеленых яблочек.

— Ты истинная художница, — сказала она маме, поклонившись и восхищенно улыбаясь. Только тогда мама заметила, что прекрасное свободное платье незнакомки соткано на ручном станке. На мгновение она подумала, что женщина — одна из тех, кто живет своим хозяйством: делает домашние заготовки, держит кур и сама шьет одежду. Но потом увидела длинные заостренные уши и догада-

лась: она из Воздушного Народца, а значит, хитра и опасна.

Но мама — и это беда большинства художников — была больше очарована, чем напугана.

Она выросла в Фэйрфолде и слышала множество рассказов о Народце; знала о логове красных колпаков, что пропитывают свои шляпы свежей человеческой кровью и, по слухам, живут возле старой пещеры на окраине города; слышала о женщине-змее, которая в прохладные вечера иногда встречается близ лесных опушек. Знала и о ведьме из сухих веток, коры, грязи и мха, которая одним лишь прикосновением превращает кровь жертвы в воду.

Мама вспомнила песенку, которую пела в детстве, прыгая через веревочку:

*В темной чаще ведьма есть,
Она может тебя съесть,
Обглодает твой скелет —
Вот ты был, а вот уж нет
Непослушный и плохой,
Не вернешься ты.*

Они с подружками с ликованием горланили ее, но никогда не произносили последнего слова. Ведь иначе явилось бы чудовище: в конце концов, заклинание предназначалось именно для этого. Однако, если не петь до конца, магия не работает.

Но не все истории были страшными. Щедрость Народца была столь же безграничной, как и его жестокость. В детсадовской группе Бена была девочка, у которой русалка украла куклу. Неделю спустя эта самая девочка проснулась в своей кроватке с ниткой великолепного речного жемчуга на шее. Вот почему Фэйрфолд считался особенным местом — из-за магии. Опасной, но все же магии.

Еда в Фэйрфолде была вкуснее, чем где бы то ни было — поговаривали, будто она приправлена волшебством. Сны — ярче. Творцы — вдохновеннее, а их творения — прекраснее. Любовь захватывала людей сильнее, музыка звучала приятнее, а озарения посещали ученых чаще, чем в любых других местах.

— Позвольте нарисовать вас, — попросила мама, вытаскивая из сумки альбом и угольки. Она считала, что рисует лучше всех в Фэйрфолде.

— Нарисуй лучше мои прекрасные яблоки, — возразила женщина. — Им суждено сгнить, а я навечно останусь неизменной.

От этих слов по маминой спине побежали мурашки.

Заметив выражение ее лица, женщина рассмеялась.

— О да, я видела желудь прежде дуба. Видела яйцо прежде курицы. И увижу все это вновь.

Мама собралась с духом и попыталась снова:

— Если разрешите сделать ваш портрет, я отдам вам рисунок, когда закончу.

Несколько бесконечных мгновений эльфийка размышляла над мамиными словами:

— Я получу его в подарок?

Мама кивнула. Тогда женщина согласилась, и художница приступила к работе. Пока мама рисовала, они неспешно беседовали. Эльфийка поведала, что некогда принадлежала к королевскому двору, но последовала за одним эльфом в добровольное изгнание. Рассказала, как полюбила лесную чащу, хотя и тосковала по прежней жизни. В свою очередь, мама поделилась с ней страхами, связанными с первенцем, который уже хныкал и вертелся на одеяле, требуя сменить подгузник. Вдруг Бен вырастет совершенно непохожим на нее — серым и обычным, и не будет интересоваться искусством? Например, ее собственные родители разочаровались в ней, потому что она ни капельки на них не походила. А что, если она так же разочаруется в Бене?

Когда мама закончила рисунок, эльфийка, залюбовавшись, затаила дыхание. Потом опустила на колени рядом с ребенком и поднесла палец к его лбу. Малыш тут же заревел.

Мама попыталась остановить женщину.

— Что вы делаете? — закричала она.

На лбу ее сына проступило красное пятно, повторяющее очертания пальца.

— Хочу отплатить за рисунок, — женщина поднялась и вдруг стала выше, чем казалась до этого. Мама прижала к себе плачущего Бена. — Я не мо-

гу изменить его природу, но могу преподнести в дар музыку, несущую магию фей. Он будет играть такие сладкие мелодии, что, услышав их, никто не сможет думать ни о чем другом. Музыка будет волновать твоего сына, менять и сделает творцом, что бы он сам для себя ни выбрал. Каждому ребенку нужна трагедия, чтобы стать действительно интересным. Вот мой подарок тебе — он будет заниматься искусством, понравится ему это или нет.

С этими словами эльфийка взяла рисунок и покинула маму, которая, съезжившись на одеяле, плакала и обнимала Бена, не в силах понять, проклят ее сын или благословлен.

Оказалось, он получил и проклятие, и благословение.

А Хэйзел, которая только готовилась появиться на свет, не досталось ни того, ни другого. Ее драма, если можно так выразиться, заключалась в том, чтобы стать самым что ни на есть обычным и нормальным ребенком.

ГЛАВА 3

Хэйзел вернулась домой далеко за полночь и застала Бена за кухонным столом, доедающим хлопья: он возил ложкой в молоке, пытаясь выловить последние крошки. Родители тоже не спали — работали. Из окон студии на заднем дворе лился свет. Иногда, если находило вдохновение или поджимали сроки, они там даже ночевали.

Хэйзел не возражала. Девушке нравилось, что ее родители отличаются от остальных взрослых: они сами так ее воспитали. «Нормальные люди, — говорили Эвансы с содроганием. — Нормальные люди мнят себя счастливыми, ведь они слишком глупы, чтобы мыслить другими категориями. Лучше быть несчастным, но увлеченным. Правда, детка?» А потом смеялись. Хотя иногда, слоняясь по студии и вдыхая знакомые запахи скипидара, лака и свежей краски, Хэйзел задумывалась, каково это — иметь счастливых, нормальных, глупых родителей, а потом корила себя за подобные мысли.

Бен посмотрел на сестру васильково-синими, как и у нее, глазами из-под темных бровей. Его рыжие

волосы выглядели неопрятнее обычного: в растрепанных кудрях даже листик торчал.

Хэйзел, ухмыльнувшись, вытащила его. Перед глазами все плыло: она была пьяна, губы немного припухли — Франклин слишком жадно в них впивался. Побыстрей бы обо всем этом забыть. Не помнить ни Джека, ни как по-идиотски она себя вела, ничего. Она представила огромный сундук и сложила в него все воспоминания: щелкнул навесной замок, и сундук, погрузившись в море, осел на самое дно.

— Как свидание? — спросила Хэйзел.

Бен, тяжело вздохнув, оттолкнул миску, и она заскользила по потертой скатерти.

— По правде говоря, ужасно.

Хэйзел, глядя на него, положила голову на стол.

С такого ракурса брат казался иллюзорным, как будто стоило ей прищуриться, и она смогла бы посмотреть сквозь него.

— Он был одет в резиновый скафандр? Костюм клоуна? Резиновый костюм клоуна?

— Нет, — Бен не засмеялся, только немного напряженно улыбнулся.

Хэйзел нахмурилась:

— Все хорошо? Что-то слу...

— Нет, ничего такого, — поспешил успокоить ее Бен. — Просто мы пришли к нему, а там его бывший. В смысле, они по-прежнему живут вместе.

Это даже звучало ужасно — девушка едва подавила стон.

— Серьезно? И он не потрудился тебя предупредить?

— Он сказал, что с бывшим у него все кончено. У всех есть бывшие! Даже у меня! А у тебя их вообще миллион! — он улыбнулся, и Хэйзел поняла, что брат шутит.

Но сейчас шутить на эту тему ей совсем не хотелось.

— У тех, кто не ходит на свидания, нет никаких бывших, — возразила она.

— Короче, когда мы вошли, этот парень сидел перед телевизором, и у него был такой убитый вид... Ясное дело, он не пришел в восторг, когда меня увидел. Да и вообще не был готов к чему-то подобному. Представляешь, мой «возлюбленный» сказал: его бывший такой клевый, что готов поспать на диване, а мы можем зависнуть в спальне. Так я узнал, что в квартире всего одна кровать. И тут же решил отсюда сматываться. Но как было это сделать? Я не мог ничего сказать, потому что это было бы невежливо. Совместное конструирование реальности, общественный договор и все такое. Я просто не мог.

Хэйзел фыркнула, но Бен не обратил на это внимания.

— Я сказал, что мне надо в ванную, спрятался там и попытался взять себя в руки. Потом глубоко вдохнул, вышел в коридор и шел до тех пор, пока не оказался за дверью и не спустился по лестнице.

Можешь мне не верить, но я выдохнул только на улице!

Хэйзел рассмеялась, представив, как брат воплощал свой не слишком-то изысканный план.

— Хочешь сказать, что сбежать — не невежливо?

Бен торжественно покачал головой:

— Не так неловко.

Она рассмеялась еще громче:

— А ты почту проверял? Он ведь наверняка напишет тебе и спросит, куда ты делся. Это не будет неловким?

— Издеваешься? Я больше никогда не стану проверять почту, — с чувством заявил Бен.

— Отлично, — вздохнула Хэйзел. — Значит, парни из Интернета — вруны.

— Все парни вруны, — уточнил Бен. — И девушки тоже. И мы с тобой. Только не говори, что никогда не врешь.

Хэйзел не ответила — брат был прав. Она врала. Много врала, особенно ему.

— А что у тебя? Как наш принц? — поинтересовался Бен.

За эти годы Хэйзел и Бен напридумывали тьму историй о рогатом мальчике. Они бесчисленное множество раз рисовали его красивое лицо и изогнутые рога папиными фломастерами, мамиными угольками, а до этого — своими мелками. Хэйзел могла вызвать в памяти его образ, просто закрыв глаза: синий камзол, расшитый золотыми феникса-

ми, грифонами и драконами; бледные, перекрещенные на груди руки; пальцы, униженные сверкающими перстнями; необыкновенно длинные заостренные ногти; доходящие до икр сапоги из кожи цвета слоновой кости; и лицо с идеальными чертами, столь прекрасное, что, если долго на него смотреть, начинает казаться, будто все остальное, виденное тобой, невообразимо убого.

Наверное, это принц, решил Бен, когда они впервые его увидели: вроде тех, что бывают в сказках, с проклятием, которое можно разрушить только поцелуем истинной любви. В те времена Хэйзел была уверена, что его разбудит именно она.

— Принц такой же, как всегда, — пробормотала Хэйзел, не желая ни говорить об этой ночи, ни выдать свое нежелание. — Все как всегда. И все как всегда.

Девушка знала: Бен не виноват в том, как неудачно складывается ее жизнь. Она сама заключила сделку. Без толку теперь сожалеть о ней, а уж тем более обижаться на брата.

Они еще сидели на кухне, когда папа, словно сомнамбула, выплыл из студии, чтобы заварить чай и прогнать их спать. Горели сроки: иллюстрации, над которыми он работал, нужно отвезти в город уже в понедельник. Похоже, этой ночью спать он не ляжет — а значит, заметит, если и они не отправятся по кроватям.

Мама, вероятно, решила составить ему компанию. Родители начали встречаться в Школе изобра-

зительных искусств в Филадельфии: их объединила любовь к детским книгам. В итоге Бен и Хэйзел — как ни унижительно — получили имена в честь сказочных кроликов. Вскоре после окончания Школы мама с папой вернулись в Фэйрфолд: без гроша в кармане, по уши в беременности и готовые пожениться, если семья отца позволит им бесплатно жить в доме его двоюродной бабки. Папа переоборудовал сарай на заднем дворе в студию и стал использовать свою половину, чтобы рисовать иллюстрации к книгам, а мама писала пейзажи Карлингского леса, которые продавала в городе — в основном туристам.

Весной и летом туристы буквально наводняют Фэйрфолд: поедают блинчики с кленовым сиропом в придорожном ресторане; расхватывают в сувенирной лавке футболки и пресс-папье с запаянным в смолу четырехлистным клевером; валом валят в шатер предсказаний узнавать свою судьбу; фотографируются на стеклянном гробе; устраивают пикники у озера Уайт или прогуливаются рука об руку по улицам и ведут себя соответствующе — будто Фэйрфолд самое странное и сумасшедшее место, которое им когда-либо доводилось посещать.

Каждый год кто-нибудь из туристов исчезает.

Кого водные ведьмы утаскивают в озеро Уайт: раздувшиеся трупы, пробившись сквозь плотный занавес водорослей, потом всплывают сквозь ряску. Кого насмерть давят лошади, несущиеся в сумерках

под звон бубенчиков в гриве, с блистательными се-
доками из Народеца на спинах. Кого находят под-
вешенными вверх ногами на деревьях, истекшими
кровью и обглоданными. Кого обнаруживают на
скамейках в парках с гримасами ужаса, застывши-
ми на лицах, — явно умершими от страха. А не-
которые просто пропадают.

Не много. Один или двое каждый сезон. Но до-
статочно, чтобы за пределами Фэйрфолда это заме-
чали. Достаточно, чтобы появлялись предупрежде-
ния, памятки и тому подобное. Достаточно, чтобы
туристы перестали приезжать. Но они не переста-
вали.

Когда-то Народец был осторожнее. А их продел-
ки — гораздо безобидней. Шальной ветер мог под-
хватить праздного туриста, поднять в воздух и от-
нести на добрую милю в сторону. Или приезжие,
загуляв допоздна, могли вернуться в гостиницу и
обнаружить, что прошло уже целых полгода. Ино-
гда, проснувшись, они обнаруживали узелки в во-
лосах. В карманах — вместо пропавших из них ве-
щей — находилось нечто совершенно непредсказуе-
мое. Масло, только что положенное на тарелку,
слизывали невидимые языки. Деньги превращались
в листья. Шнурки никак не развязывались, а тени
выглядели немного растрепанными, как будто жили
своей собственной жизнью.

В те времена люди почти не гибли по вине На-
родца.

Туписты, как с насмешкой говорили местные. И до сих пор говорят. Потому что все верят — не могут не верить: туристы сами тупят, потому и погибают. И если кто-то из Фэйрфолда пропадает без вести, считается, что он вел себя глупо, как *тупист*. Надо быть осмотрительнее. Жители Фэйрфолда привыкли думать о Народце как о неизбежном зле, стихийном бедствии, вроде бури с градом или течения, уносящего в море.

Настоящее раздвоение сознания.

Жители Фэйрфолда должны относиться к Народцу уважительно, но не бояться. Бояться — удел туристов.

Когда Хэйзел с Беном жили в Филадельфии, никто не верил их историям. Это были очень необычные два года. Брату с сестрой пришлось научиться скрывать свои странности. Но и возвращаться домой оказалось нелегко — ведь теперь они знали, каким нелепым Фэйрфолд был по сравнению со всеми остальными городами. Именно поэтому Бен надумал отказаться от своей магии — и своей музыки — совсем.

А это значило, что он понятия не имел, какую цену сестра заплатила за их поездку. Но, в конце концов, она не была туристом. Ей следовало быть осмотрительней. Хотя иногда, по ночам вроде этой, она мечтала рассказать свой секрет хоть кому-нибудь. Ей так надоело все время быть одной.

Той ночью, после того, как они с Беном отправились по кроватям, когда она скинула одежду и на-

дела пижаму, почистила зубы и на всякий случай проверила, что кучка соленого толокна — от проделок фей — все еще лежит под подушкой, Хэйзел уже ничто не могло отвлечь от воспоминаний о том головокружительном мгновении, когда ее губы встретились с губами Джека.

Но во сне на месте Джека почему-то оказался рогатый мальчик. Его глаза были открыты. И когда девушка прильнула к нему, принц ее не оттолкнул.

* * *

Хэйзел проснулась в плохом настроении, со смутным ощущением беспокойства и грусти. Подумав, что прошлой ночью выпила слишком много, она проглотила таблетку аспирина и запила ее мутным глотком апельсинового сока. В огромной глиняной миске, стоящей посреди кухонного стола, мама оставила записку с приклепленной десятидолларовой бумажкой — купить хлеба и молока.

Хэйзел со стоном потащилась наверх, чтобы надеть легинсы и свободную черную рубашку. Снова вставила в уши зеленые сережки-кольца.

Из комнаты Бена раздавалась музыка. Сам он больше не играл, но непрерывно слушал музыку в фоновом режиме — даже во сне. Если он уже проснулся, Хэйзел надеялась убедить его выполнить мамино поручение, а самой вернуться в кровать.

Девушка постучала в дверь брата.

— Впечатлительным не входить, — отозвался он. Хэйзел приоткрыла дверь и увидела, как Бен, прижимая к уху мобильник, прыгает, пытаясь втиснуться в узкие горчичные джинсы.

— Эй, — начала было она, — не мог бы ты...

Но он отмахнулся от нее, говоря в телефон:

— Ага, проснулась. Стоит напротив. Конечно, встретимся через пятнадцать минут.

Хэйзел застонала:

— На что это ты там соглашаешься?

Он бросил легкую усмешку в ее сторону и сказал собеседнику: «До встречи». На другом конце провода, несомненно, был Джек.

Бен с Джеком дружили долгие годы — даже когда Бен переехал, «вышел из шкафа» и с головой бросился в отношения с одним мальчиком из школы, которые закончились большим скандалом и бегством домой. Даже когда Джек впал в депрессию из-за Аман-ды Уоткинс, которая бросила его, заявив, что предпочла бы встречаться с «настоящим Картером», а не с его бледной тенью. Даже несмотря на то, что они слушали разную музыку и читали разные книги, а за обедом тусовались в разных компаниях.

И ее поцелуй с Джеком, конечно же, ничуть не пошатнул бы их дружбы. Но все же Хэйзел совсем не хотелось, чтобы Бен узнал, что натворила его сестра. А еще ей не улыбалась перспектива весь день наблюдать осторожничающего Джека — как будто она может на него наброситься или вроде того.

Но хоть она и чувствовала себя скверно, девушке очень хотелось снова его увидеть. Она до сих пор не могла поверить, что они — пусть всего мгновение — целовались. Вспомнив это, Хэйзел сразу почувствовала себя счастливой и отчего-то смутилась — как будто впервые за долгое время совершила нечто по-настоящему смелое. Хотя, разумеется, этот поцелуй был ужасной ошибкой. Оставалось только надеяться, что не все испорчено. Она никогда не сделает ничего подобного — честное слово. По крайней мере, сейчас девушка не могла себе этого даже представить.

Хэйзел уже и не помнила, когда увлеклась Джеком. Она влюблялась постепенно: потихоньку узнавала его, волновалась, если он обращал на нее внимание, и не могла перестать нервно болтать, когда он оказывался рядом. Но Хэйзел помнила, когда ее чувства обострились до предела. Она шла напомнить Бену, что ему пора домой — на урок музыки с одним из папиных богемных дружков, — и обнаружила у Гордонов на кухне компанию ребят, которые жевали бутерброды и валяли дурака. Джек сделал ей бутерброд с куриным салатом и аккуратно нарезанным помидором. Когда он отвернулся за парой кренделей, она схватила его жвачку, прилепленную к краю тарелки, и засунула в рот. Вкус клубники и его слюны подарил ей ни с чем не сравнимое ощущение отчаянного счастья — почти как поцелуй.

Эта самая жвачка до сих пор «сидела» на спинке ее кровати как талисман, который она просто не могла выбросить.

— Мы собираемся в «Лаки», — сообщил Бен, как будто собирался назвать место, куда она заведомо не согласилась бы пойти. — Выпьем по кофе. Послушаем музыку. Посмотрим, есть ли что-нибудь новенькое. Давай, мистер Шредер наверняка по тебе соскучился. Кстати, ты сама постоянно твердишь: что еще делать в этом городишке по воскресеньям?

Хэйзел вздохнула. Надо было ответить «нет», но она, казалось, сама искала неприятности: ни перед чем не останавливаться, перецеловать всех парней, разбередить старые чувства и воплотить все самые дурацкие идеи.

— От кофе не откажусь, — кивнула она, глядя, как ее брат берет красную куртку. По всей вероятности, она должна была символизировать восходящее солнце.

* * *

«Лаки» был большим, старым переделанным складом в скучной части Главной улицы — рядом с банком, зубным кабинетом и часовым магазином. Он пах книжной пылью, нафталином и французским кофе. Все стены были в разношерстных книжных полках — от резных дубовых до сколоченных из поддонов, — которые мистер и миссис Шредер, хозяева этого места, купали за бесценок на гараж-

ных распродажах. Рядом с огромным окном, выходявшим на широкую реку, стояли два мягких стула и проигрыватель. Посетители могли слушать любые из имеющихся виниловых пластинок. Здесь же стояли две большие кофеварки. На крашеном столике теснились кружки и надтреснутая банка с табличкой: ВЕРИМ В ВАШУ ЧЕСТНОСТЬ. ПЯТЬДЕСЯТ ЦЕНТОВ ЗА ЧАШКУ.

В другой части помещения размещались стеллажи и вешалки с подержанной одеждой, обувью, сумочками и другими вещицами. Хэйзел подрабатывала здесь летом: в основном таскала сотни мешков, похожих на мусорные, и отсортировывала вещи, которые еще можно выложить на прилавок, от рваных, грязных и дурно пахнущих. Она отрыла множество классных штук, копаясь в этих мешках. Здесь было дороже, чем в «Гудвине», куда ее посылали родители, утверждая, будто новые вещи покупают исключительно буржуи; но в «Лаки» ассортимент был лучше, а она еще и скидку получала.

Джек, семья которого безоговорочно классифицировалась родителями Хэйзел и Бена как «буржуйская», покупал новую одежду в торговом центре, а в «Лаки» заглядывал за бесчисленными биографиями мало кому известных людей, которые заглатывал с такой же частотой, как другие выкуривают сигареты.

Бен приходил за старыми пластинками, которые очень любил, несмотря на то, что со временем они

начинали заикаться, шипеть и крошиться. Он утверждал, что канавки лучше отражают звуковые волны, поэтому музыка получается более верной и глубокой, чем на дисках. Хэйзел считала, что ему просто нравится ритуал: вытащить пластинку из конверта, поставить на проигрыватель, пристроить сверху иголку — да так, чтобы попасть в нужное место, — а потом сжать кулаки, чтобы не начать отбивать ритм.

Возможно, последняя часть ему не нравилась, но он выполнял и ее. Каждый раз.

День был ясный и прохладный, ветер хлестал по щекам, румяня их. Когда Хэйзел с Беном входили в магазин, с десятков ворон, каркая, взметнулись с ели и взмыли высоко в небо.

Задремавший было мистер Шредер поднял глаза на звон дверного колокольчика, они с Хэйзел перемигнулись, и старик, усмехнувшись, снова откинулся в своем кресле.

В другом конце комнаты Джек поставил на проигрыватель пластинку Ника Дрейка, и его проникновенный голос, рассказывающий о золотой короне и тишине, заполнил магазин*. Хэйзел исподтишка изучала Джека, пытаясь прочитав его настроение, но не уловила ничего необычного: чуть взъерошенные волосы, джинсы, двухцветные оксфорды, мятая зеленая рубашка и светящиеся серебром глаза. Он

* Имеется в виду песня «Time of No Reply» английского певца и автора песен Ника Дрейка (1948—1974)

улыбнулся, заметив Хэйзел с Беном, но девушке его улыбка показалась немного натянутой, не отражающейся в глазах. В любом случае, это не имело значения, потому что взгляд Джека лишь скользнул по ней и остановился на Бене.

— Ну что, Брюс Уэйн, рассказывай, как ты на этот раз устроил свидание — увидел бэтсигнал?

Бен рассмеялся:

— Все было совсем не так!

С чего она вообще поцеловала Джека? Потому что без памяти влюбилась в него, когда они еще были детьми? Или ей просто захотелось?..

— Ага, — она буквально выдавливала из себя слова. — Бэтмен-то никогда не сбегал.

Бен был счастлив снова рассказать им о провальном свидании. Они налили себе по чашке кофе, пока он выдавал новую версию происходящего, утрированную и драматическую. Сосед оказался еще сильнее влюблен в незадачливого «бойфренда» Бена и куда более зол. А сам Бен еще смешнее обдумывал и воплощал в жизнь план побега. К концу истории Хэйзел уже понятия не имела, осталась ли в ней хоть капля правды, хотя какая разница? Бен мастерски рассказывал истории: а как она любила в детстве его сказки о рогатом мальчике!

— А что насчет вас, ребята? — наконец поинтересовался Бен. — Хэйзел не рассказала о прошлой ночи ничего даже отдаленно интересного!

Джек перестал смеяться.

— Неужели? — переспросил он после неестественно долгой паузы. Его янтарные глаза странно вспыхнули. — Она тебе не рассказала?

Хэйзел замерла.

Ее брат, нахмурившись, с любопытством переводил взгляд с одного на другую:

— Ну? Что?

— Том Маллинс надрался и полез на гроб — разбить хотел. Наверняка заработал проклятие, бедолага. — Джек грустно улыбнулся и запустил пальцы в свои жесткие каштановые кудри, приведя их в еще больший беспорядок.

Хэйзел наконец-то выдохнула — даже голова закружилась.

Бен покачал головой:

— Почему люди такое творят? Всякий раз, когда кто-нибудь пытается разбить гроб, случается какая-нибудь дрянь. Томми ведь плевать на принца, тогда зачем он это устроил?

Он по-настоящему расстроился: раньше Бен с Томом Маллинсом были друзьями — пока Бен не уехал, а Том не подружился с бутылкой.

— Может, ему просто осточертели старые добрые вечеринки и все те же старые добрые лица, — предположил, глядя на Хэйзел, Джек. Затем он уселся на стол, заваленный книгами, ремнями и шарфами. — Может, ему захотелось, чтобы хоть что-нибудь *произошло*.

Она вздрогнула.

— Ладно, хватит об этом, — сказал Бен, качнувшись вместе со стулом вперед и чудом удержав чашку в равновесии. В свете, проникающем в комнату сквозь грязные стекла, его рыжие волосы казались золотыми. — Да что с вами такое? Вы как-то странно друг на друга смотрите.

— Что? Да нет же, — мягко возразил Джек. — Ничего подобного.

Хэйзел покачала головой, собираясь наполнить чашку новой порцией кофе.

— Хм, — сказала она, желая сменить тему. — Раз, два, три, четыре, пять — платье я иду искать.

С этими словами она сняла с вешалки полупрозрачное ярко-бирюзовое выпускное платье и закурилась с ним по комнате. Рядом висел костюм «велочку», как две капли воды похожий на те, в которых ходили герои в ранних сериях «Безумцев». Джек поставил пластинку «Bad Brains», Бен примерил костюм, несколько туристов зашли в магазин за открытками, и все стало таким, как в обычный воскресный день. Бен сунул руки в карманы пиджака, в котором дефилировал по магазину (пришлось открыть ему страшную правду, что тот немного маловат), и Хэйзел взяла его красную куртку. Внезапно что-то выпало из кармана, отскочило от пола и прикатилось Джеку под ноги. Грецкий орех, перевязанный травинкой.

— Смотрите-ка, — сказал Джек, хмуро глядя на находку. — Как вы думаете, что это?

— Из моей куртки выпало? — спросил Бен.

Хэйзел кивнула.

— Давайте откроем, — Джек соскользнул со стола; на голове у него сидела нелепая шляпа-котелок. Движения парня были расслабленными и гибкими, что навело Хэйзел на те самые мысли, из-за которых она вечно влипала в беду.

Травинка легко развязалась, и две половинки ореха распались. Внутри оказался небольшой клочок бумаги, скатанный в трубочку.

— Дай посмотреть, — попросила Хэйзел, потянувшись к бумажке. Развернув полупрозрачный кусочек пергамента, она вздрогнула. Выведенные паучьим почерком слова гласили: *Семь годков — отдай должок. Поздно сожалеть, дружок!*

Они надолго замолчали. Хэйзел приложила невероятные усилия, чтобы не отбросить бумажку.

— Бессмыслица какая-то, — пробормотал Джек.

— Наверное, какая-то старая игрушка, купленная в городе, — голос Бена немного дрожал. — Волшебный орешек счастья. Дерьмовая подделка.

В самом конце Главной улицы стоял магазин, продававший сувениры охотникам на фей. Благовония, обережные мешочки с солью, смешанной с бузиной, карты «священных» фейских мест рядом с городом, кристаллы, расписанные вручную карты Таро и радужные наклейки на окна. Загадочные предсказания фей в орехах вполне могли там тоже быть.

— Так себе предсказание, — заметил Джек.

— Да уж, — поддакнула Хэйзел, стараясь, чтобы голос не выдал, как заходится ее сердце; стараясь вести себя так, как будто она не знала, кому предназначалась записка. Как будто все по-прежнему нормально.

— Да уж, — Бен, посмеиваясь, сунул скорлупки и бумажку обратно в карман. — Жутковато.

После этого Хэйзел могла только притворяться, что ей весело. Она смотрела на Бена и Джека, запоминая их. Запоминая людей и место, запах старых книг и звуки, которые издают обычные вещи.

Бен купил галстук-бабочку в горошек; потом они отправились в универмаг, где Хэйзел взяла пакет молока и буханку хлеба. Джек поспешил домой на ужин — у них была традиция играть всей семьей в настольные игры по воскресеньям, и каким бы глупым Картер с Джеком это ни считали, никому не разрешалось пропускать мероприятие. Хэйзел и Бен тоже пошли домой.

Не доходя пары шагов до двери, Хэйзел присела, чтобы налить немного молока в керамическую миску, которую мама поставила рядом с каменным заборчиком. Все в Фэйрфорде оставляли еду феям, чтобы продемонстрировать им свое уважение и завоевать их благосклонность.

Но из пакета склизкими кусками вывалилась простокваша. Молоко уже скисло.

ГЛАВА 4

Той ночью Хэйзел металась и вертелась, сбивая простыни и изо всех сил уговаривая себя не думать о данных обещаниях и долгах, которые придется возвращать: запихнула их в сотню облепленных моллюсками сейфов, а те — в тысячу сундуков, плотно обмотав каждый цепями.

Утром Хэйзел почувствовала страшную тяжесть в руках и ногах; перевернулась перевести будильник, и тут пальцы пронзила острая боль. Ладони оказались воспаленными и ободранными. Из распухшего большого пальца торчал осколок стекла длиной с булавку; несколько мелких осколков, поблескивая, торчали из других пальцев. Сердце пустилось вскачь.

Хэйзел приподняла одеяло и нахмурилась: ноги оказались заляпаны засохшей землей, которая начала отваливаться кусками, пока девушка вставала. Черные брызги доходили до самых коленей. Подол ночной рубашки стал жестким от пропитавшей его грязи. Откинув одеяло, она увидела, что кровать превратилась в настоящее гнездо: вся в траве и палочках. Хэйзел попыталась вспомнить прошлую

ночь, но на ум приходили только смутные видения. И чем сильнее она на них сосредотачивалась, тем туманнее они становились.

Что же произошло? Что она натворила и почему не может ничего вспомнить?

Хэйзел заставила себя пойти в душ и пустила воду такую горячую, какую только могла вытерпеть. Под почти обжигающими струями вытащила осколки: крошечные бисеринки крови унеслись в сливное отверстие. Девушка смыла грязь и уняла дрожь. Но по-прежнему не находила ответов.

Что же она натворила?

Мышцы гудели, будто от перенапряжения, но ни это, ни грязь с осколками не проливали свет на произошедшее. Дыхание все не выравнивалось, как бы она ни уговаривала себя успокоиться, как ни пыталась втолковать самой себе то, что прекрасно знала: этому было суждено случиться, самое тяжелое — ожидание, и ей следует радоваться, что все наконец-то закончится.

Пять лет назад, когда Хэйзел почти исполнилось одиннадцать, она заключила сделку с Народцем.

Девочка прокралась к боярышнику в полнолуние, незадолго до рассвета. Темное небо сверкало звездами. Клочки одежды, эти призраки желаний, затрепетали на ветвях у нее над головой. Меч Хэйзел оставила дома: в знак уважения и надеясь, что, хоть она и охотилась на фей — только плохих, — они будут честно с нею торговаться. Какая наивность.

Сосредоточившись на своем желании, Хэйзел вступила в круг из белых камней, под боярышник, и уселась ждать на мокрую от росы траву. Сердце колотилось, как у мышки. Долго ждать не пришлось. Спустя всего несколько минут из леса выскочило бледнотелое существо, подобных которому девочка раньше не встречала. Оно ползло на четвереньках, каждый коготь — длиной с палец Хэйзел. Вокруг глаз и широченного рта, заполненного неровными акульими зубами, расплзлись розовые пятна.

— Повяжи клочочек своей одежды на дерево, — прошипело существо: когда оно говорило, между зубов показывался длинный розовый язык. — Скажи желание. От имени Ольхового короля я заключаю с тобой сделку, и он исполнит все, чего ни попросишь.

В руке девочки затрепетал прихваченный из дома лоскуток, отрезанный от подкладки любимого платья.

— Я хочу, чтобы мой брат поехал в Филадельфию — учиться в музыкальной школе. И чтобы у родителей хватило денег. А я перестану охотиться, пока его не будет.

Существо расхохоталось:

— Смелая девочка! Мне нравится. Но нет: боюсь, ты предложила недостаточную цену. Пообещай мне десять лет жизни.

— Десять лет? — ошеломленно переспросила Хэйзел. Она была готова торговаться, но даже не

представляла, *что* может попросить Народец. Хэйзел отчаянно нуждалась, чтобы Бен научился лучше играть: тогда они снова стали бы командой. Охотясь без него, она чувствовала себя потерянной. Ей пришлось заключить сделку.

— Ты такая молоденькая — *куча* лет впереди. Что тебе стоит отдать нам несколько? — спросило существо. Оно неслышно подобралось ближе, и девочка разглядела его глаза, темные, как чернильные омуты. — Вряд ли ты будешь по ним скучать.

— Разве вы не бессмертны? — спросила Хэйзел. — Зачем вам чьи-то годы?

— Не чьи-то, — существо село, со скучающим и одновременно грозным видом скребя грязь когтями. — Твои.

— Семь, — отрезала Хэйзел, вспомнив, что Народец любит некоторые числа больше других. — Я отдам семь лет.

Улыбка существа стала шире.

— Дело сделано. Повяжи лоскуток на дерево и возвращайся домой с нашим благословением.

Поднимая над головой руки с клочком развевающейся ткани, Хэйзел колебалась. Все произошло слишком быстро. Существо согласилось, толком не поторговавшись. Душу наводнил холодный страх: она все отчетливей осознала, что совершила ошибку.

Но в чем же она заключалась? Хэйзел отдавала себе отчет, что умрет на семь лет раньше, но в десять

это казалось слишком далеким будущим, которое *никогда* не станет ближе, чем *теперь*.

И только по дороге домой, бредя через тьму, девочка поняла: никто не говорил, что годы будут взяты из конца ее жизни. Она просто *предположила*. А это значит, они могут забрать ее в любой момент, а учитывая, какие шутки со временем играл Народец, семь лет в Волшебном царстве могли продлиться до конца ее дней в бренном мире.

Она ничем не отличалась от тех, кто когда-либо приходил со своими желаниями к дереву. Народец взял над нею верх.

С той ночи Хэйзел пыталась забыть, что живет в долг, старалась отвлечься. Ходила на каждую вечеринку и целовала всех парней подряд, глуша отчаянье весельем и отгоняя нависшую угрозу.

Но ничто не могло ни отвлечь, ни развлечь ее.

Стоя под душем, Хэйзел снова подумала о грецком орехе и записке внутри: *Семь годков — отдай должок. Поздно сожалеть, дружок!*

Девушка понимала предостережение, хотя не могла взять в толк, почему Народец проявил такую предупредительность. И почему, раз уж пришло время платить по счетам, она все еще в своей комнате? Ее забирали вчера и уже вернули? Поэтому она проснулась вся в грязи? Но зачем ее вернули? Они снова ее заберут? Или за одну человеческую ночь прошло семь волшебных лет? Никто — и уж точно не она — не мог оказаться столь везучим.

Обмотавшись полотенцем, Хэйзел подошла к шкафу и попыталась придумать, что же теперь делать.

Однако в записке все было правдой. *Поздно сожалеть, дружок.*

Выбрав темно-синее платье, усеянное крошечными розовыми и зелеными птеродактилями, зеленые резиновые сапоги и прозрачный зонтик, Хэйзел надеялась, что веселый наряд поможет ей сохранить присутствие духа. Но, сев на кровать, чтобы натянуть сапоги, девушка заметила на окне грязь. Стекая с притолоки, та оставляла на стекле темные разводы, а на стене рядом кто-то вывел: ВАСМА.

Хэйзел подошла поближе, недоверчиво щурясь. Имя помощника — или, что более вероятно, того, кого следовало опасаться, — было написано на голубых обоях, прямо как в фильме ужасов.

Страшно подумать: какое-то существо из Народноца шло за нею до самого дома, а потом уселось на полу спальни и накарябало буквы костлявым пальцем или крючковатым грязным когтем.

На мгновение ей захотелось сбежать вниз и рассказать брату все: о сделке, записке, заляпанных грязью ногах, о страхе, что ее заберут и даже не дадут попрощаться. Когда-то она доверяла ему больше, чем себе; он был ее частью, ее сообщником. Они надеялись уладить все беды в городе. Может, они снова станут такими же близкими, если между ними больше не будет секретов?

Но если брат обо всем узнает, то может подумать, будто это он виноват.

Хэйзел должна была сама о себе позаботиться — она обещала. Девушке не хотелось, чтобы брат узнал, с каким треском она провалилась. Учитывая, что случилось в Филадельфии, она не хотела сделать еще хуже.

Глубоко вздохнув и решив ничего не рассказывать, она спустилась на кухню. Бен уже был там: запикивал в рюкзак обед. Мама оставила на столе тарелку домашних батончиков из мясли с капустой и изюмом. Хэйзел схватила парочку, пока Бен разливал кофе по кружкам Мейсона.

По дороге в школу Бен и Хэйзел почти не разговаривали: уплетали завтрак. Шипящие динамики его Фольксвагена-«жука» заполняли машину панком с радиостанции соседнего колледжа. Бен зевал и выглядел слишком сонным, чтобы разговаривать; Хэйзел наблюдала за ним и тихонько радовалась, что ведет себя естественно.

К тому времени, когда они доехали до средней школы Фэйрфолда, девушке удалось убедить себя, что Народец не собирается похищать ее прямо сейчас. Они играют с ней, как жестокая кошка с мышкой, и переживания тут ничем не помогут. Входя в школу, Хэйзел уже совершенно в это поверила. Издалека Джек и Картер, шедшие по коридору, казались зеркальными отражениями друг друга — за исключением единственной детали: одной рукой

Картер обнимал за плечи излучающую самодовольство Аманду Уоткинс. Очевидно, Аманда наконец-то заполучила Картера. Больше никаких теней; ей все-таки удалось завладеть оригиналом.

Хэйзел тут же возмутилась: Картер лицемерил, упрекая ее, что она разбивает сердца, а сам вместе с Амандой разбил сердце собственного брата!

Но потом она задумалась: а знал ли Картер, что Аманда считала Джека его тенью? Хэйзел бросила взгляд на ничего не выражающее лицо Джека. Она была готова поклясться: он ничего не рассказал брату.

Мысль о том, что Джек сохнет по Аманде, пока та строит глазки Картеру, привела Хэйзел в ярость. Ощувив собственную беспомощность, девушке захотелось как следует врезать Аманде. И снова поцеловать Джека — так отчаянно, чтобы сила ее поцелуя изгнала Аманду из его головы; так страстно, чтобы все остальные парни, даже Картер, впечатлились тем, какой Джек привлекательный.

Но воображая, как она пересечет коридор и действительно это сделает, Хэйзел вспомнила странно огорченное выражение на лице Джека, когда тот отпрянул после их поцелуя на вечеринке. Ей бы не хотелось, чтобы он снова так на нее смотрел.

— Что там происходит? — отвлек сестру Бен, кивая на группку ребят из церковной школы. Они застряли у дверей в класс, и вокруг них собралась уже целая толпа.

— Его там больше нет, — рассказывала, обхватив себя руками, Шарлиз Поттс. На ней была огромная неуклюжая толстовка и розовые джеггинсы; светлые до белизны волосы рассыпались по плечам. — Мы ходили в лес перед школой — пытались немного прибраться. Сами знаете, чтобы туристы не спотыкались обо все эти бутылки, которые вы там кидаете. Пастор Кевин не хочет, чтобы городу приходилось краснеть. Гроб был пуст. Расколот. Думаю, кто-то его все-таки разбил.

Хэйзел замерла. Все остальные мысли улетучились из головы.

— Он не мог просто взять и уйти, — заметил кто-то.

— Должно быть, его тело украли.

— Это, наверное, шутка.

— А что случилось той ночью?

— Ну, Том в больнице — упал с лестницы и сломал обе ноги. Так что это точно не он.

Сердце Хэйзел пустилось вскачь. Не может быть, чтобы они говорили о *нем*. Просто не может. Девушка медленно шагнула ближе, чувствуя, будто двигается через что-то гораздо более плотное, чем обычный воздух. Длинные ноги Бена пронесли его мимо сестры в толпу. Через несколько секунд он оглянулся на Хэйзел; его глаза сияли. Он мог бы ничего не говорить — об этом и так болтали все вокруг, — но все равно схватил сестру за плечо и прошептал на ухо, будто поверяя секрет:

— Он проснулся, — порывистое дыхание брата взметнуло ее волосы. Его голос был низким и напряженным. — Рогатый мальчик — принц — он свободен. Свободен и может быть где угодно. Надо найти его прежде, чем это сделает кто-нибудь другой.

— Даже не знаю, — замялась Хэйзел. — Мы вроде больше ничем таким не занимаемся.

— Вспомним старые добрые времена, — подбодрил сестру Бен. Его глаза не были такими лучистыми уже много лет, губы растянулись в улыбке. — Одиноким мечник и его верный соратник возвращаются, чтобы принять последний бой. Знаешь, почему?

— Потому что он — наш принц, — ответила Хэйзел, понимая, что это чистая правда. Они должны быть теми, кто спасет его. Она должна быть той, кто спасет его. Возможно, это будет их с Беном последнее приключение.

— Потому что он — наш принц, — повторил Бен, словно «аминь» в конце молитвы.

ГЛАВА 5

Давным-давно девочка нашла в лесу труп.

Родители воспитывали девочку и ее брата с тем же нарочитым пренебрежением, с которым заботились о трех кошках и таксе по имени Виски, тоже жившими в их маленьком домике. У родителей были длинные волосы и друзья-альтернативщики, они пили вино, наяривали на гитарах, до поздней ночи толковали об искусстве и разрешали девочке с мальчиком бегать без подгузников. Они рисовали дни напролет, прерываясь, только чтобы вынести бутылки и постирать что под руку попадется — хотя даже чистые вещи немного отдавали скипидаром. Дети ели что придется, возились в грязи в саду, играли в не пойми что и мылись, только когда кто-нибудь хватал их и бросал в озеро.

При взгляде в прошлое детство казалось девочке восхитительной мешаниной из лесных догонялок с братом и собакой, поношенной одежды и маргаритковых венков. Из забегов к гробу рогатого мальчика, песен и бесконечных историй о нем, возвращений домой поздними вечерами, когда они походили на диких зверей, крадущихся в берлогу.

Они считали себя детьми леса, которые исследуют берега озер и прячутся в дуплах мертвых деревьев. Иногда они мельком — краешком глаза — видели Народеу или слышали смех, раздающийся одновременно отовсюду и ниоткуда. Они знали, что нужно надевать обереги, всегда носить в карманах немного могильной земли и быть осторожными и вежливыми с незнакомцами — ведь может оказаться, что они не люди. Но знать, что Народеу бывает опасным — это одно, а найти останки Адама Хикса — совсем другое.

* * *

В тот день Хэйзел нарядилась, как рыцарь: синее полотенце болталось на шее, словно плащ, а талия была перевязана шарфом, играющим роль кушака. Девочка неслась вперед, и ее рыжие волосы трепетали за спиной, отливая золотом в лучах ленивого вечернего солнца.

Бен весь день бился с ней на мечах. У него был пластиковый меч Хи-Мена*, принесенный мамой из секонд-хенда вместе с книгой о рыцарях короля Артура. Там рассказывались истории о сэре Пелиноре, который, по общему мнению, был одним из Народца, пока не присоединился ко двору Артура, и о сэре Гавейне, который развеял проклятие, нало-

* Главный герой американского мультипликационного сериала «Хи-Мен и властелины вселенной»

женное на Отвратительную леди. Еще в книге приводился список рыцарских добродетелей: сила, доблесть, преданность, обходительность, сострадание и самоотверженность.

Хэйзел тоже хотела меч, но получила куклу, которая «писалась», если наполнить ее водой и нажать на живот. Бен, довольный, что получил подарок получше, гонялся за сестрой, пластиковым клинком выбивая из ее рук палочки. В конце концов расстроенная Хэйзел отправилась в папин сарай и откопала там старый ржавый мачете. Она так сильно вдарила по «смертоносному» оружию Бена, что оно треснуло. Мальчик поплелся домой за клеем, а она исполнила ему вслед танец девятилетнего триумфатора.

Оставшись одна, Хэйзел сразилась с сухими папоротниками, воображая, что они — ужасное легендарное чудовище, таящееся в самом сердце леса. Она даже прошептала несколько строчек заклинания, чувствуя себя ужасно смелой. Но скоро заскучала и отправилась на поиски ежевики, заткнув мачете за кушак и перепрыгивая через бурьян. Виски сначала бежал за ней, но потом пропал из виду. А через пару минут залился лаем.

Адам Хикс с посиневшими губами лежал в иле на берегу озера Уайт. Пустые глазницы уставились в небо, внутри копошились личинки — бледные и блестящие, словно маленькие жемчужины. Тело наполовину высывалось из воды. Вторая половина была съедена. Из клочьями висящей плоти, которая

полоскалась в воде, будто полоски разорванной ткани, торчали белые кости. На берегу пахло, как в тот раз, когда она на всю ночь забыла сырой бифштекс на кухонном столе.

Виски бегал туда-сюда, обнюхивал тело и выл, будто думал, что Адама можно разбудить.

— Уйди отсюда, — попыталась отозвать его Хэйзел, но с губ сорвался лишь едва различимый шепот. Девочка понимала, что брат вернется еще не скоро — прошло слишком мало времени. Она знала, что у озера были только она и ее собака.

И задрожала всем телом.

Родители Адама переехали в Фэйрфолд год назад, поэтому их нельзя было назвать совсем уж туристами, но и до конца местными они еще не стали. Опасная неопределенность, соблазнительная для Народца. Они тоже — промежуточные существа: создания утренней зари и вечерних сумерек, пребывающие на грани одного и другого, балансирующие между *не совсем* и *почти*, живущие на границе и в полутени.

Смотря на зеленоватую воду и стараясь не глядеть на красные провалы, зияющие на месте глаз Адама, Хэйзел вспоминала о рыцарях из книги, которую читала утром. Девочка думала, что она — одна из них, пытаясь сдержать тошноту.

Виски лаял все яростней.

Хэйзел пыталась отогнать пса, когда вокруг ее лодыжки обвилась влажная рука. Девочка закрича-

ла, неловко нащупывая мачете и с трудом топчя свободной ногой цепкую бледно-лягушачью руку. Из темной воды поднялась ведьма. Ее впалое лицо напоминало череп с мутными глазами, а длинные зеленые волосы плескались по глади озера. Прикосновение ее руки жгло, будто ледяной огонь.

Хэйзел удалось размахнуться клинком, когда ведьма внезапно дернула ее за ногу. Девочка с размаху упала на спину. С тела Адама взметнулось черное облако мух. Хэйзел почувствовала, что ее тащат к воде, но со смутным и страшным удовлетворением отметила, что порез на ведьминой щеке кровоточит. Хэйзел должна повергнуть ее.

— Девчущечка, — проскрежетала ведьма. — На один укус. Кожа да кости. Не бузи, лакомый кусочек.

Хэйзел закрыла глаза и изо всех сил размахнулась мачете. Ведьма зашипела, как кошка, и схватилась за лезвие. Оно вонзилось в ведьмины пальцы, но та его удержала, вырвала из рук девочки и зашвырнула далеко в озеро. Услышанный всплеск заставил желудок Хэйзел сжаться.

Виски вцепился в ведьмину руку и зарычал.

— Нет! — закричала Хэйзел. — Нет! Пошел прочь, Виски!

Собака, не ослабляя хватки, мотала головой. Ведьма вздернула длинную зеленую руку высоко в воздух. Задние лапы Виски тоже оторвались от земли, но зубы по-прежнему сжимали плоть, будто срослись с костью. И тут ведьмина рука метнулась вниз,

шлепнув пса о землю, как будто он ничего не весил. Как будто он был *ничем*. Собака затихла, свалившись на берег, как сломанная игрушка.

— Нет-нет-нет, — застонала Хэйзел, потянувшись к Виски, но он был слишком далеко. Ее пальцы царапали грязь, оставляя в ней канавки.

И тут до девочки донеслись далекие звуки музыки. Дудочка Бена. Неделю назад он повесил ее на шею на грязный шнурок, окрестив себя бардом, и с тех пор не снимал. *Слишком поздно. Слишком поздно.*

Хэйзел попыталась подползти к тельцу Виски, рванувшись из ледяной ведьминой хватки. Но, как бы девочка ни брыкалась, ее ноги уже коснулись воды. Брызги разлетались во все стороны — Хэйзел не переставала бороться.

— Бен! — закричала она срывающимся от ужаса голосом. — Бен!

Музыка не смолкла, но стала ближе — такая красивая, что деревья склоняли ветви к земле, чтобы лучше ее расслышать. И такая бесполезная... На глаза Хэйзел навернулись слезы: страх и разочарование смешались с паникой. Почему брат не прекратит играть и не придет ей на помощь? Разве он ее не слышит? Ноги девочки скользнули в воду, и их тут же обволокла тина. Хэйзел глубоко вдохнула, готовясь задержать дыхание, насколько только сможет. Больно ли тонуть? Остались ли у нее силы бороться?

Но вдруг ведьма ослабила хватку. Хэйзел кинулась на берег, не задумываясь о том, почему ей уда-

лось освободиться, пока не оказалась за поваленным деревом и, тяжело дыша, не привалилась спиной к вязу. Бен, бледный и испуганный, стоял у самой кромки воды и играл, будто от этого зависела его жизнь.

Нет. От этого зависела *ее* жизнь. Ведьма в восхищении уставилась на мальчика. Рыбы глаза не моргали, а губы еле заметно шевелились, словно она повторяла мелодию. Хэйзел знала, что Народец любит музыку, особенно столь прекрасную, но не подозревала, что музыка способна сотворить с ними *такое*.

Она поняла, что Бен заметил тело Виски: брат, пошатнувшись, сделал полшага вперед, закрыл глаза, но ни на секунду не перестал играть.

Взгляд Хэйзел уперся в берег, где она упала: в грязи отпечатались следы борьбы, рядом лежал разлагающийся труп Адама и тельце Виски; над ними, жужжа, вились мухи. Но было и что-то еще: на солнце поблескивала... рукоять? Нож? Адам принес с собой оружие?

Хэйзел медленно поползла обратно на берег, к водяной ведьме.

Бен уставился на нее широко раскрытыми глазами и предостерегающе потряс головой.

Хэйзел, не обращая на брата внимания, прокладывала путь к ножу, который лежал в грязи. Девочка ощущала только странное оцепенение и злость. Наконец она ухватила за рукоятку, сжала ее и потянула. Грязь хлопнула, когда лезвие выскользнуло на сво-

боду. Металл почернел, будто побывал в огне, а под копотью оказался золотым. Острие было гораздо длиннее, чем она ожидала — длиннее даже, чем самый большой мамин кухонный нож, с желобком посредине. Это был меч. Настоящий меч вроде тех, что мог бы принадлежать настоящему взрослому рыцарю.

Мысли Хэйзел понеслись вскачь, но она продолжала идти, бесконечно повторяя про себя: *Я рыцарь. Я рыцарь. Я рыцарь*. Рыцарь получше спас бы Виски, но она, по крайней мере, может отомстить за его смерть. Девочка вступила в илистую воду, подняла тяжелый меч, словно бейсбольную биту, и обрушила его вниз, прямо ведьме на голову. Череп раскололся, как гнилая дыня.

Чудовище рухнуло в воду — мертвое.

— Ого, — выдохнул Бен. Подойдя ближе, он выпустил дудочку, снова повисшую у него на шее, и склонился, чтобы получше изучить красное месиво из костей, покрытых лишайником зубов и плавающих в воде прядей. Он пнул ведьмины останки мыском ботинка. — Не думал, что ты ее правда убьешь.

Хэйзел не знала, как ответить. Она не поняла, считает ли брат, будто она поступила плохо, или просто удивляется, что это сработало.

— Где ты его взяла? — спросил он, указывая на меч.

— Нашла, — прерывисто дыша, ответила Хэйзел. Из глаз потекли слезы — хоть девочка, отчаянно моргая, и пыталась загнать их обратно.

Бен потянулся, явно собираясь забрать у нее оружие. Может, вспомнил о своем сломанном мече Хи-

Мена и подумал, что клинок в ее руке окажется хорошей заменой. Но Хэйзел сделала полшага назад.

Брат скорчил рожу, делая вид, что вовсе его и не хотел.

— С твоим мечом и моей музыкой мы могли бы такого натворить! Бороться со злом. Как в книжках.

Несмотря на смерть Адама, собаки и все остальное, Хэйзел улыбнулась и рукавом рубашки вытерла кровавые брызги с носа:

— Думаешь?

Дети могут быть жестокими, восстанавливая справедливость; могут убивать чудовищ и очень этим гордиться. Девочка, которая не давит пауков, а выносит их на улицу, которая однажды кормила лисенка из пипетки каждые два часа, пока не приехали сотрудники службы спасения дикой природы и не забрали его, — может убить и будет готова сделать это снова. Она может отнести своего мертвого пса домой, вырыть глубокую яму на заднем дворе и плакать над холодным окоченевшим тельцем, обещая никогда его не забывать. Она может смотреть на брата и верить, что вместе они — рыцарь и бард, которые сражаются со злом и однажды победят даже чудовище, живущее в самом сердце леса. Девочка может найти мертвого мальчика и потерять собаку, но верить, что в ее силах сделать так, чтобы больше никто не погиб.

Хэйзел верила, что она неспроста нашла меч.

К тому времени, как ей исполнилось десять, они с Беном встретили еще двух чудовищ — фей с кро-

вью туристов на руках, которые жаждали заманить и их в ловушку. Бен убаюкал их своей музыкой, а Хэйзел подкралась и повергла своим мечом — к тому времени отшлифованным и отполированным, начищенным маслом и закрашенным черной краской, чтобы скрыть яркое золото.

Иногда они слышали, как кто-то из Народногo преследовал их от дома до школы, шурша краем леса. Хэйзел ждала, но они никогда не нападали. Фейская мораль была далека от человеческой: волшебные существа наказывали грубиянов и сорвиголов, хвастунов и мошенников, но не храбрецов, ловкачей и героев. Таких они считали «своими». Так что, если Ольховый король и заметил этих детей, то решил потянуть время и посмотреть, на что еще они способны.

Поэтому Хэйзел и Бен продолжали охотиться на чудовищ и мечтать о спасении рогатого принца — пока однажды Бен не сбился. Они шли по лесу, когда черный, лохматый красноглазый баргест выпрыгнул на них из тени. Хэйзел встала наизготовку, вытащила меч из самодельных ножен и стиснула зубы. Бен заиграл на своей дудочке, но мелодия — впервые — вдруг оборвалась. Удивленная Хэйзел обернулась к нему. Это заняло всего мгновение — едва различимое движение, один взгляд, брошенный на брата, но и секундного промедления оказалось достаточно. Клыки баргеста вонзились в руку Хэйзел, а она лишь неглубоко ранила его в бок, прежде чем он пронесся мимо нее. Задыхаясь и истекая кровью,

она попыталась удержать равновесие, поднять меч и нанести новый удар.

Чудовище повернуло назад. Девочка ожидала, что Бен подхватит мелодию, но тот будто в камень обратился. Что-то пошло не так. Баргест приближался к ней — его горячее дыхание воняло застарелой кровью. Длинный хвост подметал землю.

— Бен! — позвала она дрожащим голосом.

— Я не могу... — прошептал он, чуть ли не задыхаясь от паники. — Беги! Беги! Я не могу...

И они бросились бежать. Баргест не отставал, петляя между деревьями, как леопард. Дети бежали, не останавливаясь, пока им не удалось втиснуться в дупло дуба, где они и притаились: с глухо бьющимися сердцами, прислушиваясь, не мелькнет ли где-нибудь хвост и не раздадутся ли тяжелые шаги. Они сидели там до самого вечера, пока солнце не поползло за горизонт. Только тогда брат с сестрой решились красться домой, опасаясь, что чудовище поджидает неподалеку, или — еще хуже — обнаружит их убежище после захода солнца.

— Мы должны прекратить — хотя бы пока не станем старше, — настаивал Бен позже ночью, сидя на заднем крыльце дома и глядя, как мама — в обрезанных шортах и старой, дырявой футболке клуба CBGB* — жарит гамбургеры. — Это сложнее, чем я

* CBGB — музыкальный клуб, существовавший с 1973 по 2006 год на Манхэттене

думал. Вдруг что-то пойдет не так? Вдруг ты пострадаешь? Я буду виноват.

Ты это сам придумал, хотела сказать Хэйзел. *Заставил меня поверить, что мы способны на такое. Ты не можешь забрать свои слова обратно.* Но вместо этого заметила:

— Не я же все испортила.

Он покачал головой:

— Это да, но все гораздо хуже. Потому что я могу снова ошибиться и погублю нас обоих. Наверняка так и будет. Может, если бы мне удалось попасть в ту школу, если бы я научился лучше владеть музыкой, тогда...

— За меня не волнуйся, — заявила она, ковыряя голыми пальцами ног землю и покусывая рыжую прядь. — Я же рыцарь. Позаботиться о себе — моя прямая обязанность. И я не хочу останавливаться.

Бен тяжело вздохнул. Его пальцы отбивали нервную чечетку по бедру:

— Тогда мы просто сделаем перерыв. На какое-то время. Пока я не стану лучше играть. Я должен научиться играть *лучше*.

Хэйзел кивнула. Если это нужно, чтобы она осталась рыцарем, чтобы все были спасены, чтобы они могли продолжать игру и быть как герои из книжки, — тогда она найдет способ.

И она его нашла.

ГЛАВА 6

В те нескончаемые безрассудные дни, когда Хэйзел и Бен бродили по округе, играя в свою игру и сталкиваясь с настоящей опасностью, Бен плел небылицы о том, как они разбудят принца: уверял, что Хэйзел может разбудить его, поцеловав через стекло гроба. Не слишком свежая идея. Если бы кто-нибудь решил протереть гроб, то обнаружил бы многие тысячи отпечатков губ — целые поколения ртов прижимались к стеклу, за которым спал рогатый мальчик. Но брат с сестрой не знали, что будет потом. Они воображали, как поцелуй Хэйзел разбудит принца, и тот скажет, что только истинная любовь может снять с него заклятье, справившись с тремя испытаниями: обычно нужно было правильно определить птиц, обогнуть, а потом съесть все ягоды с ежевичного куста или семь раз перепрыгнуть ручей, не замочив ног.

Хэйзел ни разу не проходила до конца придуманные Беном задания. Она всегда оставляла последнюю ягоду на ветке или нарочно мочила ногу, но брату в этом никогда не признавалась. Девочка зна-

ла, что испытания не были по-настоящему волшебными. Но каждый раз, когда она оказывалась близка к их завершению, ей почему-то становилось не по себе.

Иногда Бен мечтал, как сам освободит принца, сказав три волшебные слова, которые никогда не произносил при Хэйзел вслух. В этих историях принц всегда оказывался злодеем. Бен должен был остановить его прежде, чем тот разрушит Фэйрфолд, причем делал это силой любви. Потому что, несмотря на свое жестокое сердце, когда принц видел, как Бен любит его, он щадил и город, и жителей. Тогда Хэйзел не казалось странным, что у них с братом один воображаемый возлюбленный на двоих. Они любили его, потому что он был принцем, эльфом и волшебником, а принца, эльфа и волшебника невозможно не полюбить. Они любили его, как любили Чудовище, когда тот впервые танцевал с Белль в желтом платье; как Одиннадцатого Доктора с его галстуком-бабочкой и легкомысленной прической; как Десятого Доктора с его безумным смехом. Любили, как солистов музыкальных групп и актеров фильмов, и совместная любовь их только сближала.

Принц не казался настоящим. Он не мог любить их в ответ. И ему никогда не приходилось между ними выбирать.

Но теперь он проснулся. И это все меняло.

Подобные мысли носились между Хэйзел и Беном, пока они шли из школы к машине.

Внутренний голос тихонько нашептывал девушке: она неслучайно обнаружила перепачканные в земле ноги именно утром той ночи, когда проснулся принц. В ее груди затрепетала хрупкая надежда, но Хэйзел была очень осторожна — и позволила себе думать об этом лишь мгновение-другое, будто, глядя на что-либо столь драгоценное, могла ослепнуть.

— Подождите! — раздался голос позади них.

Хэйзел обернулась. Вниз по ступенькам бежал Джек в пятнистой от дождя футболке: куртку он оставил внутри.

Все вместе они завернули за угол школы и нырнули под навес. Здесь их не могли увидеть учителя, и было достаточно сухо, чтобы спокойно поговорить. Сюда приходили покурить школьные зрители: если вы на них не стучали, то и они смотрели на ваши шалости сквозь пальцы. Хэйзел не ожидала, что такой правильный парень, как Джек, знал об этом — но, очевидно, ошибалась на его счет.

— Мы его найдем, — улыбаясь, сообщил Бен. Его голос звучал так, будто они собирались сыграть в игру. Очень интересную игру.

— Не надо, — выдохнул Джек и уставился в сторону футбольного поля. Казалось, он очень тщательно подбирает слова. — Кем бы вы его ни считали, он будет не таким, каким вам представляется. — Дальнейшее далось ему с видимым усилием. — Вы не должны ему верить. Он не человек.

Между друзьями повисла продолжительная тишина. Бен поднял брови.

Джек скривился:

— Да, *знаю*, окей. Нелепо, конечно, говорить вам об этом, я ведь тоже не человек.

— Тогда пошли с нами, — предложила Хэйзел, протягивая свой зонтик. — Поделишься своим бесценным нечеловеческим опытом.

Джек покачал головой и слабо улыбнулся:

— Мама меня живьем съест, если я пропущу научную викторину. Ты же знаешь, какая она. Это не может подождать до конца уроков?

Обязательными семейными играми по воскресеньям дело не ограничивалось: мама Джека была из тех родителей, которые упаковывают обеды своих детей в секционные контейнеры, точно знают, что их чада проходят на каждом уроке, контролируют время у телевизора и следят за выполнением домашних заданий. Ко всему прочему, она хотела, чтобы Джек с Картером поступили в университет Лиги плюща — разумеется, не очень далеко от Фэйрфолда, чтобы приезжать по выходным и забирать их вещи в стирку. Ничто не должно было этому помешать.

Если бы Джек прогулял школу, его бы посадили под домашний арест до окончания времен.

— Это единственное грандиозное событие, которое здесь когда-либо происходило, — заявил Бен, закатывая глаза. — Кого волнуют тесты? В твоей жизни будет еще миллион викторин.

Джек наклонил голову вперед: скулы как будто стали острее, а глаза ярче загорелись серебром. Когда он заговорил нараспев, его голос был незнакомым:

— Есть много вещей, которые мне запрещено рассказывать, ибо я связан обещаниями и угрозой кары. Я трижды предостерегу вас — это все, что мне дозволено, прислушайтесь же ко мне. Нечто еще более опасное, чем ваш принц, таится в его тени. Не ищите его.

— Джек? — позвала обескураженная Хэйзел, отступая от него. Хотя она не на жизнь, а на смерть схватывалась с водной ведьмой и баргестом, в прекрасных загадочных феях было нечто, пугавшее девушку еще сильнее. Сейчас Джек походил на одну из них — и ни капельки на себя. — В каком смысле *дозволено*? Почему ты так говоришь?

— Ольховый король охотится за рогатым мальчиком. Он преследует и того, кто разрушил проклятие. И не он один. Если вы поможете мальчику, то рискуете навлечь на себя беду. Никакой принц этого не стоит.

Хэйзел снова подумала об исцарапанных руках, выпавшей из памяти ночи и земле на ногах.

— Притормози-ка. Хочешь сказать, лесной Народец пытается его убить? — спросил Бен. — Значит, все это время ты знал тайну принца и даже не потрудишься нам рассказать?

— Я рассказываю вам все, что могу, — возразил Джек. — Ваш принц может быть в опасности, но он и сам опасен. Оставьте все, как есть!

— Но почему? Что он сделал? — не унималась Хэйзел.

Джек покачал головой:

— Это было третье предостережение. Больше я ничего не могу рассказать.

Хэйзел повернулась к брату:

— Может...

Бен выглядел разочарованным, но не удивленным. Этот странный новый Джек явно не казался ему таким уж странным или новым.

— Я ценю твои слова и все остальное, Джек... и мы будем осторожны, как только сможем... но я хочу попытаться найти его. Хочу помочь.

— Ничего другого я и не ожидал, — Джек улыбнулся и снова стал самим собой — во всяком случае, внешне.

От этой знакомой улыбки у Хэйзел мурашки пробежали по спине. Она всегда думала о Джеке как о хорошем — временами, правда, язвительном — парне из добропорядочной семьи; парне с идеальными манерами, который любит читать биографии и, вероятнее всего, станет адвокатом, как мама, или врачом, как папа. Она помнила, что он — подменш, и это, конечно, давало ему право на определенные странности, однако в городе, полном странностей, случались вещи и постранней. Но сейчас, стоя под дождем и внимательно глядя на Джека, Хэйзел вдруг увидела в нем незнакомца.

— Хорошо, — продолжил Джек. — Постарайтесь не умереть от рук очаровательного параноидального

эльфа, который, верно, мнит, будто застрял в сказке. А я постараюсь не завалить физику.

— Как ты... Почему ты все это рассказал? — спросила Хэйзел. — Откуда ты вообще узнал?

— А ты как думаешь? — тихо спросил Джек. С этими словами он повернулся и побежал под дождем обратно к школе — вдалеке слышалось дребезжание звонка. Хэйзел смотрела, как играют мышцы под мокрой футболкой, гадая, что значат его слова, и пытаюсь...

Ох. Пытаясь понять, откуда он знает то, о чем ему могла рассказать только *лесная родня*. Девушка смотрела на спешащего на урок Джека — как она могла знать его так долго и не догадываться?! Она-то думала, что он счастлив, живя человеческой жизнью; думала, будто он живет *только* человеческой жизнью.

— Пойдем, — позвал сестру Бен, направляясь к машине. — Пока нас не застукали.

Хэйзел скользнула на пассажирское сиденье, сложила зонтик и кинула его назад. Джек сбил ее с толку. Но еще сильнее, чем опасностей, о которых он предупредил, она боялась, что они не найдут вообще никаких следов рогатого мальчика. Что он станет одной из тех загадок, которую никогда не удастся разгадать, превратится в историю из тех, что рассказывают друг другу жители Фэйрфолда — и в которые никто по-настоящему не верит. «Помните, в хрустальном гробу спал красивый эльфийский мальчик? — будут говорить они друг другу и кивать,

вспоминая. — Что же с ним стало?» В таких историях мерцают блуждающие огоньки, уводящие путников все дальше и дальше в чащу темного леса.

Хэйзел в избытке насмотрелась, какими ужасными могут быть феи, но ее все равно занимали рассказы о прекрасном и удивительном Народе. Она охотилась на них и боялась их, но, как и все остальные фэйрфолды, любила тоже.

— Джек когда-нибудь так с тобой разговаривал? — спросила Хэйзел, пока Бен вырубивал с парковки, разгоняя дворниками дождевые потоки. Небо так плотно затянуло светло-серыми тучами, что девушка не могла различить, где заканчивается одно облако и начинается другое.

Бен окинул сестру взглядом.

— Не совсем...

— Жутковато было, — она не знала, что тут еще скажешь. Хэйзел по-прежнему не могла понять, что в конечном итоге произошло. Джек на мгновение снял маску — видимо, нарочно, — и девушка почувствовала себя ужасно глупой, ведь она только сейчас поняла, что он ее вообще носит. — Значит, он с ними видится?

Бен неопределенно пожал плечами:

— Со своей другой семьей? Ну да.

Хэйзел не хотела признаваться, что ощутила себя преданной. Хотя, если у Джека есть секреты, которые он вынужден хранить, Бен, конечно, тоже не должен их раскрывать.

— Окей, если мы собираемся искать принца вопреки ценному совету Джека, с чего начнем?

Бен покачал головой и усмехнулся:

— Без понятия. Где бы ты стала искать того, кого на самом деле и быть-то не может?

Хэйзел задумалась, покусывая губу.

— Точно не в городе. Там машины и огни.

— Если он пойдет к своему народу, то, вероятно, умрет, — Бен вздохнул, сторбившись над рулем — возможно, одолеваемый теми же мыслями и страхами, что и сестра. Вдруг они ничего не найдут, вдруг играют в игру, которую давно переросли? А может, он вспоминал, как волшебство подвело его однажды, и думал, не повторится ли это вновь? Хэйзел в который раз захотелось сказать, что она проснулась с землей на ногах и осколками стекла в ладонях, но теперь это прозвучало бы почти хвастовством. А чтобы объяснить, почему на самом деле это не так, придется слишком многое рассказать.

В их семье не очень-то умели обсуждать настоящему серьезные вещи. А у Хэйзел получалось даже хуже, чем у остальных. Стоило ей только попробовать, как возникало ощущение, будто все цепи на всех ее воображаемых сейфах и сундуках начинают дребезжать. Девушка не была уверена, что сможет остановиться, если решится заговорить.

— Собственный народ предал его. Принц догадается, что к феям ему лучше не возвращаться, — сказала Хэйзел, наблюдая за бегающими по стеклу

дворниками. В памяти ожили знакомые ощущения: охота, планы, поиски логова феи, сражение с чудовищем. Хэйзел считала, что отказалась от мечты быть рыцарем много лет назад, но, возможно, не так окончательно и бесповоротно, как предполагала.

Бен пожал плечами:

— Окей. Но где он тогда?

Девушка закрыла глаза и попыталась представить себя на месте рогатого мальчика, очнувшегося после долгого сна и сперва даже не понимающего, где он находится. Он в панике мечется в стеклянном гробу. Но, увидев острые края крышки, понимает, что стекло разбито, и успокаивается. Глядит в зеленую темень леса, а в голову одно за другим возвращаются воспоминания о том, что он делал, пока его не заколдовали. А после...

— Я бы захотела поесть, — заявила она. — Какой голод, наверное, испытываешь, когда не ешь *годами*! Даже если мне это не нужно, я бы все равно захотела.

— Но он не такой, как мы.

— А вот Джек такой, — парировала Хэйзел, надеясь, что это правда. — А принц — как Джек.

Бен тяжело вздохнул:

— Хорошо, но ты ведь не пойдешь в «Макдоналдс» на стоянке. У тебя нет налички. Что же ты будешь есть?

— Я бы искала каштаны. — Несколько лет назад, когда библиотека избавлялась от старых, дра-

ных, странных и неходовых книг, Хэйзел купила определитель съедобных растений всего за двадцать пять центов. Благодаря этой книге они с Беном умудрялись не травиться, собирая листья одуванчиков, дикий лук и другие съедобные растения. — Но каштаны нужно жарить. Подошли бы птичьи яйца, но попробуй их найди в это время года.

Бен кивнул, похоже, глубоко уйдя в свои мысли. Они как раз проезжали мимо той части леса, где раньше спал рогатый мальчик.

— Или он попытается найти орешник.

Хэйзел было фыркнула, но тут вспомнила о месте, где собирала лесные орехи, прежде чем они зачервивеют. Девушка оставляла их сушиться под солнцем на камне.

— У меня есть идея!

Они остановились у озера Уайт и пошли дальше пешком. Орешник рос неподалеку от развалин старого, оплетенного виноградом каменного дома — милях в четырех вглубь леса и милях в двух от стеклянного гроба. Идеальное место, чтобы отсидеться. От одной только мысли, что она может оказаться права, по коже Хэйзел побежали мурашки.

Дождь все лил, хотя навес из листьев кое-как спасал. Хэйзел мысленно поблагодарила себя за сапоги: можно спокойно топтать по грязи и мху. Они с Беном пробирались через поваленные сухие деревья и ежевичные заросли, цепляющиеся за одежду. Шли мимо облепихи и бирючины, мимо американского кандыка, растуще-

го плотным ковром, и луносемянника, на широких листьях которого скапливалась вода; мимо стапелии, чьи похожие на космические спутники цветки клонились под порывами ветра, мимо глицинии и лимонной мяты, мимо недотроги, молочая и хохлатого гречишника, мимо ночной фиалки, лугового чая и зарослей папоротника. Зонтик помогал отодвигать с пути виноградные лозы и при этом оставаться сухими.

Вскоре брат с сестрой увидели каменный дом, увитый виноградом. Крыша провалилась несколько лет назад, и хотя на ржавых петлях еще держалась полоска выдавшей виды древесины, дверью это было назвать трудно. Бен обогнал Хэйзел, а она, наоборот, замедлила шаг.

Внезапно девушка машинально завела руку за спину.

Бен, нахмурившись, обернулся к ней:

— Ты что делаешь?

Хэйзел расправила плечи. К чему она потянулась — к поясу? к карману? Но там ничего не было...

— У тебя там пистолет? — посмеиваясь, поинтересовался Бен, не замедляя шага.

Хэйзел толком не знала, ни что, собственно, заставляло ее замереть, ни за чем она потянулась. Затем она вспомнила, как Джек просил их быть осторожнее и как в миску вместо молока полилась простокваша; вспомнила записку в кармане куртки Бена и то, как охотилась на фей. Размышляя обо всем этом, она аккуратно закрыла зонтик.

Бен нырнул в дверной проем и всего несколько мгновений спустя вынырнул обратно: на его лице сияла счастливейшая улыбка.

— Ты была права. Думаю, ты была права!

Хэйзел поспешила в дом вслед за братом. Они с Беном бывали здесь раньше: играли много лет назад в волшебников из Хогвартса — варили зелья из сорняков. Сквозь дырявую крышу лил дождь. Серый, изъеденный термитами стол привалился к одной из каменных стен.

На столешнице лежали шкурки начисто объеденной хурмы: в воздухе стоял тяжелый пряный аромат. Рядом возвышалась горстка сушеной травы, из которой Хэйзел узнала только мяту. По столу рассыпались несколько лисичек и крошечные черные ягодки бузины — словно бусины из порванного ожерелья.

Тут же лежал отливающий золотом кинжал с ручкой из слоновой кости и изогнутым лезвием. Он напомнил девушке меч, найденный в детстве.

— Черт! — вырвалось у Хэйзел. Она подошла ближе, но остановилась прежде, чем ее пальцы коснулись острия. Девушка оглянулась на Бена. Тот безумно и благоговейно улыбался.

— Принц и правда был здесь, — заключила она.

— Он же вернется за всем этим? — предположил Бен. — Если мы подождем, то поймаем его, когда он придет.

Хэйзел кивнула, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Она уселась на приступочек, оставшийся от

очага, а Бен прислонился к стене. Уже через пару минут девушке начало казаться, что она примерзла к холодным камням. Хэйзел пыталась успокоиться, глядя, как дождевые капли, залетающие через пустое окно, собираются в лужицу на полу.

— Знаешь, говорят, будто стоит только раз попробовать фэйской еды, и больше никогда не сможешь насытиться, — сказал вдруг Бен.

— Знаю, конечно, — ответила Хэйзел, подумав о ягодах на столе.

— Я думаю: может, и Фэйрфолд такой? Интересно, был бы я счастлив где-нибудь еще? Была бы ты счастлива? Или мы не подходим для других мест?

Ее сердце пропустило удар. Он никогда не говорил о колледже и не получал никаких рекламных брошюр по почте. Хэйзел понятия не имела, что брат собирается делать в следующем году, когда окончит школу.

— Если ты уедешь, и тебе там не понравится, ты всегда можешь вернуться, — пробормотала она. — Как мама с папой.

Он скорчил рожу:

— Предпочел бы не превращаться в наших родителей. Я все еще надеюсь встретить кого-нибудь, живущего удивительной жизнью, и ускользнуть в нее.

Хэйзел вспомнила, что в ту ночь, когда он вернулся со своего последнего свидания, она, благодаря игре света, могла почти что смотреть сквозь него.

А вдруг в этом было больше истины, чем она могла предположить?

— Города похожи на темный зачарованный лес Фэйрфолда, правда? — продолжал Бен. — Города, в которых происходят истории, как в фильмах. Люди отправляются туда, чтобы измениться. Чтобы начать все сначала. Думаю, там я смогу стать кем угодно. Может быть, даже нормальным.

Хэйзел вспомнила, что их родители говорили о «нормальных». А потом поняла, что он рассказывает ей обо всем этом посреди леса, в ожидании эльфийского принца. Так что, если Бен хочет стать нормальным, ему надо бы получше стараться.

Ветер снаружи яростно терзал кроны деревьев. Внезапно Хэйзел услышала слабые отголоски музыки.

— Слышишь? — спросила она брата.

Бен уставился в том же направлении, что и она.

— Завтра полнолуние.

Каждый, кто вырос в Фэйрфолде, знал, что в полнолуние, а также в ночь до и после него лучше держаться подальше от леса — чтобы не навлечь на себя беду. В эти ночи Ольховый король пирует; и каждая русалка, пикси и сильфида, каждый домовой, водяная ведьма, леший и древесный дух приходят, как бы далеко они ни находились, чтобы водить хороводы и веселиться до рассвета.

Если, конечно, Ольховый король не слишком занят охотой на рогатого мальчика, чтобы устраивать

гулянки. Может, это не пиршественная свирель, а охотничий рог.

Они просидели под холодным дождем два часа. В конце концов музыка стихла.

Бен зевнул и прошелся пятерней по вымокшим огненным волосам. Веснушки отчетливо выделялись на побелевшей от холода коже.

— Не думаю, что он вернется. Что же нам теперь делать?

— Можем что-нибудь ему оставить, — предложила Хэйзел после секундного замешательства. — Мы могли бы раздобыть ему еды и... я не знаю... какой-нибудь одежды. Чтобы он понял, что нам можно доверять.

Бен фыркнул.

— Можно, конечно. Не знаю, правда, предпочел бы я фуфайку расшитому камзолу — сколько бы в нем ни проходил. Хотя идея хорошая. Надо показать, что мы друзья и не представляем для него опасности. Чтобы он не испугался.

— Думаешь, он испугается? — Хэйзел наконец заставила себя подняться и направилась к дверному проему. Бен все еще стоял, подпирая грубую, поросшую мхом каменную стену.

— Я бы испугался, — просто ответил он.

Хэйзел вскинула брови:

— Не думаю, что он такой же, как мы.

Бен покачал головой и улыбнулся.

— Давай просто сходим и принесем все, что нужно.

Хэйзел порылась в рюкзаке, вырвала из тетради листок и написала:

Привет. Мы Хэйзел и Бен. Мы скоро вернемся и принесем тебе еды и всего такого. Возьми, что захочешь. Мы не просим ничего взамен. Просто рады, что ты проснулся.

На обратном пути они не разговаривали. Хэйзел мысленно прикидывала, что собрать рогатому мальчику: три сэндвича с горчицей и чеддером (завернуть в фольгу), банку колы, термос с кофе (побольше молока и сахара) и два батончика мюсли. Потом она вспомнила, что где-то на чердаке валяется старый спальный мешок; тоже стодитя — если не заплесневел и не изъеден молью. Бен может расстаться с какой-нибудь своей одеждой, а у папы есть старые армейские ботинки, по которым он точно не будет скучать. Получалось довольно скромное подношение эльфийскому принцу, но что еще они могли ему предложить?

Бен вывел «Фольксваген» на дорогу. Была всего половина четвертого. Джек поджидал их на крыльце, приветственно подняв руку. Дождь перестал, но трава все еще поблескивала искрящимися каплями.

Бен опустил окно.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он. — А как же запрет помогать?

— Не помогать, а просто предупреждать, — возразил Джек, и его глаза — на фоне темной кожи и

темных волос — вспыхнули особенно ярким серебром. — Я же хожу к вам в гости по обычным дням. Так что решил сделать вид, что сегодня обычный день.

Хэйзел вылезла из машины.

— Нашли что-нибудь? — спросил Джек, явно надеясь услышать отрицательный ответ.

Бен пожал плечами:

— Может быть.

— Я просто хочу, чтобы вы уяснили, — сказал Джек, обернувшись к Хэйзел, но давая понять, что обращается к ним обоим. — Его пробуждение — не случайность. И что бы ни произошло дальше, это тоже не будет случайностью.

— Не имеет значения, — заявил Бен, направляясь к дому. — Мы все поняли, окей? Страсти и прочие мордасти.

Дверь захлопнулась у него за спиной.

— Что с ним? — удивился Джек.

— Влюбился, — ответила Хэйзел, заставив себя улыбнуться. Она тоже удивилась, что Бен оказался до такой степени безразличен к предупреждениям.

— Вы все, — тихо пробормотал Джек, как будто самому себе. — Весь город влюбился.

Хэйзел вздохнула:

— Пойдем. Поможешь мне с бутербродами. Я и тебе сделаю.

Он не стал спорить.

На кухне Джек нарезал сыр, а она намазала на него горчицу. Тем временем Бен просматривал свою одежду, подбирая что-нибудь, что оказалось бы впроку рогатому мальчику. Выбор пал на серую толстовку с капюшоном, пару джинсов и две пары черных боксеров. Каждый предмет он принес на кухню и заручился одобрением сестры и друга.

Хэйзел нашла на чердаке спальник и ботинки и вытрясла всех пауков на лужайку. Они заварили кофе, добавили сливки и сахар и наполнили рогатому мальчику большую кружку-термос, а себе — по маленькой. Затем Бен аккуратно сложил подарки в корзинку, добавив к ним батончики мюсли, газировку, коробок спичек, который Джек аккуратно завернул в пакет, и мешочек крендельков.

Когда они втроем зашли в разрушенный дом, на столе больше не было золотого кинжала. Рогатый мальчик приходил, но снова ушел.

Записка тоже исчезла.

ГЛАВА 7

Одаренный — так называли Бена с тех пор, как эльфийка прикоснулась к его лбу, на нем расцвела красная отметина, и он вернулся домой, способный слышать и сочинять зачарованную музыку. *Одаренный* — когда на детской гавайской гитаре он сочинял песни, которые не мог повторить ни один взрослый. *Одаренный* — когда он так выступкивал мелодию на ксилофоне, что приходящая няня не могла сдержать слез. *Одаренным* называла его сестра, когда он околдовывал фей в лесу и спасал ее жизнь. И, возможно, также обрекал на неудачу.

Но его пугали собственные способности. Потому что они не поддавались контролю.

Их непутевые родители могли забывать вовремя оплачивать счета, покупать еду или продлевать водительские права — но всегда помнили об искусстве. На обед они не готовили ничего, кроме кукурузных хлопьев и яиц вкрутую, не удосуживались подписывать разрешения на экскурсии, не следили за режимом — но точно знали, что делать с музыкально одаренным ребенком. Они позвонили кому

следует, и к тому времени, как Бену исполнилось двенадцать, а Хэйзел одиннадцать, получили рекомендательное письмо в какую-то безумно крутую школу, где Бен мог бы «реализовать свой потенциал». На прослушивании его игра на целых полчаса завожила приемную комиссию — все это время восхищенные учителя сидели, замерев. Вечером Бен рассказал Хэйзел, как ему было страшно: будто он играл в комнате, полной мертвецов. Как только мальчик закончил, они словно ожили и сказали, что он восхитительно играет. А ему было так тошно...

Но он почувствовал себя еще хуже, когда мама с папой признались, что не могут его туда отправить — нет денег. Он никогда ничего не хотел сильнее, чем учиться в этой школе. Каким бы странным ни было его прослушивание, Бен понимал, что научиться музыке — единственный способ управлять своей магией.

Когда месяц спустя — Бен уже думал, что про него позабыли, — пришла стипендия, ему показалось, будто он выиграл в лотерею. И когда вся семья отправилась праздновать событие мороженым, мальчик на радостях слопал и свою порцию, и у сестры половину отъел.

Бен ликовал не только потому, что поедет в фантастическую школу учиться музыке. Он был счастлив покинуть Фэйрфолд. Мальчик боялся, что Хэйзел пострадает — да так, что никогда не оправится, — и это будет его вина. Он до сих пор помнил, каким неуязвимым себя почувствовал, когда понял — его музыка сковала водную ведьму, и как удивился, уви-

дев сестру с мечом. Он понял: они рождены стать героями. Но, если честно, охотиться на фей было страшно. И хотя он нашел повод для перерыва, это был лишь вопрос времени: однажды Хэйзел надоест его ждать, и она выйдет на тропу войны одна.

* * *

Папа сдал в аренду дом в Фэйрфорде, и они сняли дешевенькую квартирку в Филадельфии, куда с трудом влезли даже самые необходимые вещи. Хэйзел там не нравилось — совсем. Не нравилось, что через стены слышно соседей. Не нравилось постоянно чувствовать себя уставшей, хотя мама говорила, будто это все переходный возраст, и он когда-нибудь закончится. Не нравился шум города, запах выхлопных газов и вонь мусора, гниющего под окнами. Не нравилась школа, где новые «друзья» тут же начинали ржать, стоило только заикнуться про фей. Не нравилось, что нельзя побродить в одиночестве. А сильнее всего не нравилось, что она больше не рыцарь.

Заклячая сделку, Хэйзел полагала, что поедет только Бен, но никак не она. И уж тем более не предполагала, что поедет вся семья.

— Подумай о еде, которой сможешь полакомиться, — предложила мама, явно вспоминая, как ходила в свои любимые рестораны, когда училась в Школе изобразительных искусств. — Сначала мы закажем суп фо, а следующим вечером — тако, а потом — ферментированный хлеб с дором ват...

Хэйзел скривилась:

— Даже попробовать не хочу. Я вообще понятия не имею, что это такое.

— Тогда подумай о брате, — совсем не строго сказал отец, взъерошив волосы дочери, будто считал ее милым несмышленышем. — Ведь ты бы хотела его поддержки, если бы сама следовала за мечтой?

— Моя мечта — вернуться домой, — заявила Хэйзел, скрестив руки на груди.

— Просто ты еще не нашла себе дела по душе, — улыбнулась мама.

Хэйзел-то нашла.

Только не представляла, как это объяснить.

«Это неправда, — хотелось возразить ей. — Мне по душе убивать чудовищ». Но маме не стоит об этом знать — да и вообще, глупо о таком рассказывать. Мама может ужаснуться или испугаться. Может начать следить, куда ходит и что делает дочь. Кроме того, так сладко хранить все в секрете... Ей нравилось думать о нем почти так же сильно, как чувствовать тяжесть меча в руке.

И если какая-то часть Хэйзел желала, чтобы родители защитили ее от необходимости убивать чудовищ, другая ее часть знала: это невозможно. Не то что бы папа с мамой ее не любили, просто не обращали внимания на многие вещи. Иногда — очень важные.

Они прожили в Филадельфии два года. Бен учился играть на всех подряд музыкальных инструментах

(даже на рюмках и тубе) в школе своей мечты, а у Хэйзел появилось новое хобби — разбивать сердца.

Хэйзел была не самой лучшей, но и не самой худшей ученицей в классе. Возможно, она бы добилась успехов в спорте, но даже не удосужилась попробовать. Зато записалась на курсы самообороны и ходила на них после школы — отрабатывать приемы боя на мечях, которые учила по видео на Ютубе. Но в двенадцать девочка выяснила, в чем была хороша как никто другой: она могла заставить страдать любого мальчика.

Она смотрела на них и улыбалась, если они ловили ее взгляд.

Накручивала огненные локоны на палец и кусывала губу.

Подпирала грудь рукой или партой, или одним из тех ярких шелковых бюстгалтеров на косточках, которые уговорила купить маму.

Она плела всем и каждому, что у нее постоянные проблемы в школе: один или два раза это было правдой, а потом ее просто понесло.

Флирт для нее ничего не значил. У Хэйзел не было ни плана, ни цели. Просто что-то вроде самовыражения: способ быть замеченной там, где так легко превратиться в невидимку. Она никому не хотела делать больно. Хэйзел даже понятия не имела, что такое вообще возможно. Ей было двенадцать, она скучала и действительно не отдавала себе отчета в том, что делает.

Пока она флиртовала, Бен впервые влюбился — в мальчика по имени Керем Аслан. Они встречались каждый день после школы: шептались, делая уроки, украдкой целовались, когда думали, что на них никто не смотрит. Иногда Бен играл Керему отрывки из своих новых незаконченных песен, хотя раньше показывал их только Хэйзел. Она до сих пор помнила, как увидела Бена, выводящего имя возлюбленного на руке мокрым пальцем. Аслан, как лев из Нарнии. Керем действительно был немного похож на льва: золотисто-коричневые глаза и грива черных волос.

Раньше у Хэйзел с Беном все было общее, теперь же их почти ничего не связывало. Разные школы, разные друзья, разные истории; разное *все*. Хэйзел чувствовала себя несчастной, а Бен еще никогда не был таким счастливым.

А потом семья Керема обо всем узнала. Его родители позвонили папе и разговаривали так грубо, что он бросил трубку. Бен плакал за кухонным столом, уткнувшись лицом в сложенные руки, и неважно, сколько раз папа обнимал его и обещал, что все будет хорошо.

— Не будет, — шептал Бен, повторяя, что его сердце разбито навсегда.

На следующий день в обед Бен написал Хэйзел, что Керем избегает его и рассказывает гадости их общим друзьям. После школы девочка не пошла домой — решила зайти за братом. Хэйзел знала, что

последним уроком у него было долгое индивидуальное занятие игры на флейте. После они могли бы пойти поесть мороженого с эспрессо — вдруг это бы его приободрило?

Она незаметно прошмыгнула мимо охранника и села на скамейку рядом с музыкальным классом. Девочка удивилась, увидев Керема Аслана с львиными глазами и львиным именем, который направлялся прямо к ней.

— Привет, сестричка, — сказал он. — Хорошо выглядишь.

Хэйзел улыбнулась. На автомате: наполовину в благодарность за комплимент, наполовину по-дружески. Улыбнулась, как и тысячу раз прежде.

— Знаешь, ты мне всегда нравилась. Когда я приходил к вам в гости, то всегда спрашивал, не хочешь ли ты пойти потусоваться с нами, но Бен отвечал, что ты занята. Он утверждал, что у тебя есть парень, — Керем говорил так, будто заигрывал, но она слишком хорошо его знала, чтобы допустить — у его слов двойное дно.

— Это неправда, — ответила Хэйзел. Она видела, как они с Беном, склонив друг к другу головы, шептались и смеялись, не обращая внимания на весь остальной мир.

— Значит, у тебя *нет* парня? — переспросил Керем. Она могла бы догадаться по его тону, что он специально не понял ее с первого раза, но ей все еще не верилось.

— Нет, я хотела сказать... — начала была она.

И вдруг, скосив взгляд вниз по коридору, он наклонился и поцеловал ее.

Она со столькими флиртовала, но это был ее первый поцелуй — не считая бабушек, престарелых тетюшек, родителей и брата. Его губы оказались мягкими и теплыми, и хотя девочка не поцеловала его в ответ, она не сопротивлялась.

Плохо, что она растерялась. Поцелуй продлился всего мгновение, но все испортил.

— Прекрати! — крикнула она, отталкивая его.

На них уже таращилось несколько одаренных музыкантов. Из класса вышла учительница и спросила, все ли хорошо. Должно быть, Хэйзел закричала громче, чем думала.

Нет, ничего не было хорошо — Бен стоял тут же и смотрел на них. Через секунду Хэйзел увидела рюкзак на спине брата, пятки его черных ботинок и захлопывающуюся за ним дверь музыкального класса.

— Ты это специально! — накинулась Хэйзел на Керема. — Хотел, чтобы он увидел!

— Я же сказал, ты мне нравишься, — ответил Керем, приподнимая брови, но в его голосе не слышалось торжества.

Хэйзел не могла унять дрожь, пока ждала Бена возле класса, из-за двери которого лилась напряженная музыка. Она собиралась рассказать брату, что на самом деле произошло, и объяснить: она не хо-

тела, чтобы Керем ее целовал. Но девочка не получила такого шанса: несколько минут спустя учительницу Бена свалил инфаркт, чуть ее не убивший. Примчалась скорая и родители Бена и Хэйзел. Бен не захотел ни с кем говорить, ни в школе, ни по дороге домой.

Он был расстроен, когда играл — возможно, даже сердит, — и сердце учительницы не выдержало. Хэйзел знала, что он винит себя, винит магию, а еще — ее.

Когда она поднялась в комнату Бена — попытаться вымолить прощение — дверь была открыта, а брат сидел на полу, баюкая левую руку.

— Бен? — позвала девочка. Тот поднял на нее испуганные, красные от слез глаза.

— Я больше не хочу играть, — выговорил он слабым голосом, и Хэйзел поняла, *что* надо было сделать с рукой, чтобы она висела вот так, как плеть. Он прищемил ее дверью. Возможно, не раз. Кожа стала не просто красной — фиолетовой, а пальцы торчали под каким-то неправильным углом.

— Мама! — закричала Хэйзел. — Мама!

— Это должно прекратиться, — сказал Бен. — Я должен прекратить. Кто-то должен остановить меня.

Они вызвали такси и повезли Бена в больницу, где врачи скорой помощи зафиксировали множественные переломы. А его наставник подтвердил, что тот больше не сможет играть — во всяком слу-

чае, долгое время. Ему придется подождать, пока кости не срастутся, а потом разрабатывать пальцы, чтобы к ним вернулась прежняя подвижность, быть очень осторожным и внимательным.

Бен никогда не говорил, что он сделал или почему он это сделал; Хэйзел тоже молчала. Но родители все поняли, и вскоре семья вернулась обратно в Фэйрфолд, к захламленному дому и старой жизни.

Бен не был ни осторожным, ни внимательным со своей рукой.

Он постоянно слушал музыку, буквально поглощал ее. Но после возвращения домой даже ничего не напевал. И больше не играл, а это означало, что когда в Фэйрфолде пропадал очередной турист, Хэйзел охотилась в одиночку.

Без него все было по-другому, и после такого долгого перерыва возвращаться в лес оказалось нелегко. Ремень, на котором она носила меч за спиной, стал ей короток. Теперь, хотя это и было непривычно, она вешала его на пояс, и ножны били ее по ноге, постоянно отвлекая. Хэйзел чувствовала себя глупым подростком, затеявшим детскую игру. Даже лес казался незнакомым. Тропинки обнаруживались совсем не там, где были раньше, и девочка постоянно ошибалась, пытаясь пробираться старой дорогой.

Но теперь Хэйзел стала выше и сильнее. Ее переполняла решимость сделать все самой и показать брату, что она в нем больше не нуждается; доказать

самой себе, что все еще может быть рыцарем. Девочка знала: во время охоты на Народец фокус заключается в том, чтобы постоянно быть начеку и не забывать о коварстве фей. Даже трава под ногами может двигаться и водить тебя по кругу. Прежде чем выдвигаться, Хэйзел выворачивала носки наизнанку и забивала карманы толокном — так их с Беном, тогда еще совсем крошек, учила бабушка. Девочка была готова. Она должна была вернуться в лес. Должна была найти чудовищ. И сражаться с ними — с ними всеми — до тех пор, пока не доберется до самого страшного чудовища, таящегося в сердце леса. Чтобы навсегда покончить с убийствами; чтобы все всегда чувствовали себя в безопасности.

Иногда, если она слишком много об этом думала, ее сердце пускалось вскачь. В этой игре у девочки не было шанса на победу — Хэйзел даже не знала, сколько времени у нее осталось.

С паникой приходилось бороться: она слишком легко в нее впадала, стоило ей вспомнить об обещанных феям семи годах жизни. А за паникой приходило отчаянье, от которого с каждым разом было все труднее и труднее избавиться. Хитрость заключалась в том, чтобы не думать об этом слишком часто. И она делала все, что помешало бы ей думать. Все, что помешало бы прижать руку к груди, почувствовать биение собственного сердца и осознать, что с каждым ударом истекает отпущенный ей срок.

Ей потребовалось целых три дня, чтобы найти пропавшую девочку — долговязую тощую Натали. Когда Хэйзел ее обнаружила, Натали была без сознания, но все еще жива: свисала с ветвей терновника. Тонкая струйка крови стекала по безвольной руке в деревянную миску. Два низеньких волшебника с длинными красными носами и водянистыми глазами возились с веревками, вращая девушку, чтобы кровь капала быстрее.

До этого Хэйзел никогда не находила туристов живыми.

Она слышала, что это за существа, но сама их раньше не встречала. Красные колпаки — страшные чудовища, которые наслаждаются жестокими убийствами и красят одежду кровью.

Мгновение Хэйзел смотрела на них, думая, что, черт возьми, ей делать. Она уже привыкла к городской жизни. Привыкла к миру без чудовищ. Девочка обмякла и испугалась. Рукоять окрашенного в черный цвет меча выскальзывала из вспотевших рук.

«Я рыцарь. Я рыцарь. Я рыцарь». — Губы беззвучно шевелились, все повторяя и повторяя слова, но девушка больше не была уверена, что понимает их значение. Все, что Хэйзел знала — так это то, что если она не совладает с собой, Натали умрет.

Хэйзел, пригнувшись, рванула из-за куста. Первый красный колпак закричал, но тут же, захлебнувшись кровью, рухнул на землю. Желудок свело судорогой, но она уже резко повернулась ко второму,

готовая отразить его нападение, разрубив надвое. Хэйзел даже могла бы победить. Она была сильна и быстра, в ее руках сверкал славный золотой меч, и она застала обоих красных колпаков врасплох. Но там был еще третий, оставшийся незамеченным, и он одним резким ударом сбил ее с ног.

Колпаки перерезали Натали горло. «В ней осталось слишком мало крови», — соизволили объяснить они и добавили, что не отказались бы от свежатинки. Вокруг шишолоток Хэйзел обвилась веревка, и чудовища принялись подтягивать ее наверх, как и другую девочку. Она почувствовала головокружение и боль, и такой сильный страх, какого еще никогда в жизни не испытывала. Ей хотелось позвать Бена, но брат был слишком далеко. Хэйзел осталась одна — и проиграла. Она никого не спасла.

Девочка несколько часов провисела на дереве вверх тормашками; кровь неотвратимо прилиwała к голове. Потом красные колпаки отправились за растопкой. Собрав волю в кулак, Хэйзел качнулась туда, где висела Натали. Ощущения от прикосновения к мертвой плоти были ужасны, но она ползла по телу девочки, пока не смогла подтянуться к ветке и развязать веревки, стягивающие лодыжки. Ее щеки оказались мокры от слез, хотя она даже не сознавала, что плачет.

Хэйзел нашла меч, лежащий в куче награбленных вещей, и бросилась домой, дрожа так сильно, что боялась развалиться на части.

Той ночью она осознала, что неистовство тринадцатилетней девочки несопоставимо с мощью древних чудовищ — во всяком случае, пока она одна. Пришлось признать, что без музыки брата никакой она не рыцарь. Добравшись наконец до дома, она долго стояла перед дверью Бена, прижав к ней ладони. Но так и не постучала.

Хэйзел, наверное, тысячу раз говорила брату, что ей очень жаль, что поцелуй Керема для нее ничего не значил и она никогда этого не хотела. Но в глубине души понимала — это не совсем так. Она флиртowała с Керемом, когда тот приходил в гости, потому что он казался милым парнем, а у Бена и так было все. Она не хотела целоваться, когда это произошло — но думала об этом раньше. И позволила этому случиться, а если бы сдержалась, Бен не стал бы бросать музыку. Может, он бы не отказался от их игры. Может, Натали была бы жива.

Она сказала Бену, что поцелуй ничего не значил. Как бы она хотела, чтобы это действительно было так.

Тогда девочка решила *доказать*, что он ничего не значил.

Но скольких бы мальчиков она ни поцеловала, Хэйзел не могла вернуть Бену его музыку.

ГЛАВА 8

В тот вечер, когда принц пропал из своего гроба, мама приготовила на ужин спагетти с магазинным соусом, тертым сыром из зеленой пачки и замороженным горошком. Типичный ужин на скорую руку, но Хэйзел всегда просила это блюдо, когда болела, как другие дети просят куриный бульон. Папа уже уехал в Нью-Йорк — деловые встречи должны были занять целую неделю. Мама взялась расспрашивать их, как прошел день, но Бен с Хэйзел, уставшись в тарелки, отвечали очень неохотно — слишком занятые размышлениями над случившимся, чтобы поддерживать беседу. Мама сказала, что мэр уже обратился к местному скульптору — одному маминому знакомому, — узнать, нельзя ли сделать копию принца, чтобы пропажа не сказалась на туризме. По официальной версии, его выкрали вандалы.

— Когда я была девчонкой, мы все с ума по нему сходили, — призналась мама. — Помню, была одна... А, да вы ее знаете — мама Леони. Каждую субботу она приходила к гробу с рулоном бумажных полоте-

нец и бутылкой моющего средства — оттереть стекло до блеска. Она была просто одержима.

Бен закатил глаза.

Но мама уже оседлала любимого конька:

— А Диана Коллинз — теперь Диана Рохас, — надевала крохотное бикини, мазалась детским маслом и пыталась разбудить его, скользя по гробу, будто по капоту гоночной машины, как в одном из клипов «Вайтснейк». Ох уж эти восьмидесятые! — она рассеянно встала, пересекла комнату и вытащила с нижней полки книжного шарфа старый потрепанный альбом. — Хотите кое-что посмотреть?

— Конечно, — кивнула немного сбитая с толку Хэйзел. Образ матери Меган, намазанной детским маслом, не шел из головы.

Мама перелистала слегка пожелтевшие от времени страницы. Там обнаружился нарисованный карандашом и чернилами и раскрашенный фломастерами спящий принц. Рисунок был неплохой, но и не шедевр: Хэйзел потребовалась пара секунд, чтобы осознать, чей это портрет.

— Это ты нарисовала, — «разоблачила» маму Хэйзел.

Та рассмеялась:

— Конечно, я. После школы я отправлялась в лес, делая вид, что собираюсь рисовать деревья и всякое такое, но вместо этого, как замороженная, рисовала его. Даже написала большую картину маслом. А потом подала ее как вступительную в колледж.

— А куда она делась? — поинтересовалась Хэйзел.

Мама пожала плечами:

— Продала за пару баксов в Филадельфии. Одно время она висела в кафешке, уж не знаю, что с ней стало потом. Может, теперь, когда он пропал, нарисую другую. Не хотелось бы его забыть.

Хэйзел подумала о кинжале, исчезнувшем со стола в лесу, — куда же он на самом деле делся?

После ужина мама уселась перед телевизором с ноутбуком — смотреть какое-то кулинарное шоу, а Хэйзел с Беном остались на кухне: на десерт были тосты с грейпфрутовым мармеладом.

— И что теперь? — спросила Хэйзел брата.

— Лучше бы нам найти принца до того, как начнут сбываться предостережения Джека, — и Бен, нахмурившись, кивнул на ее руки. — Ты где-то упала?

Хэйзел опустила глаза на уже переставшие кровоточить, затянувшиеся корочкой ранки. «Прошлой ночью кое-что произошло». — Слова вертелись у девушки на языке, но она не могла заставить себя произнести их вслух.

После того, как несколько лет назад ее чуть не убили красные колпаки — она все рассказала и показала ссадины, — Бен умолял ее никогда не охотиться одной. «Мы что-нибудь придумаем», — пообещал тогда брат, но к этой теме они больше не возвращались.

Он бы очень расстроился, узнав, что она заключила сделку с феями. Почувствовал бы себя виноватым. И все равно не смог бы ничего с этим поделать.

— В лесу, наверное, поцарапалась, — солгала она. — Колючий куст или вроде того. А, ерунда, оно того стоило.

— Угу, — наконец пробормотал Бен, поднимаясь из-за стола и ставя тарелку в раковину. — Думаешь, принц там? Спит в нашем занюханном спальнике и ест черствые крендели?

— И пьет кофе из кофеварки? Было бы хорошо. Надеюсь, что так и есть, — ответила Хэйзел. — Даже если он злобный принц из твоих историй.

Бен фыркнул.

— Ты это помнишь?

Она отвернувшись, пытаясь улыбнуться:

— Конечно. Я все помню.

Брат рассмеялся.

— Боже, а я и думать забыл обо всей той чуши, которую мы друг другу плели. С ума сойти — принц проснулся в наше время! Мы можем встретить его!

— Должна быть какая-то причина, — заметила Хэйзел. — Наверное, в лесу что-то произошло. Джек прав.

— Может, просто пришло время. Вдруг проклятие истекло, и он сам разбил свой гроб, — Бен покачал головой, и уголки его губ поползли вверх. — Если бы наш принц был хитер и хотел бы спастись

от Ольхового короля, то отправился бы в самый центр города. Ходил бы от одного дома к другому. Его бы звали на обеды охотнее, чем проповедника в воскресенье.

— Его бы звали в *кровати* охотнее, чем проповедника в воскресенье, — поправила Хэйзел, рассмешив Бена: пастор Кевин был предметом вожделения девочек из церковной школы, потому что выступал в какой-то непопулярной христианской рок-группе. И все же рогатый мальчик был гораздо знаменитей. Если он появится на Главной улице, Женский комитет Фэйрфолда наверняка организует невероятно сексуальный фестиваль домашней выпечки в его честь. Бен был прав: если принц не побрезгует прятаться от Ольхового короля в фэйрфолдских спальнях, он будет спасен.

— Ты так и стремишься навстречу опасности. На тебя не похоже, — наконец заметила Хэйзел, потому что должна была хоть что-то сказать.

Бен кивнул, как-то странно на нее посмотрев.

— Поиски нашего принца — это совсем другое дело.

Хэйзел тоже встала из-за стола.

— Ладно, если у тебя появятся блестящие идеи — буди. Я — спать.

— Спокойной ночи, — бодро сказал Бен — возможно, слишком уж бодро — и устался в сторону гостиной. — Хочу посмотреть новости. Интересно, станут ли они придерживаться версии о вандалах.

Поднимаясь по лестнице, Хэйзел решила бодрствовать так долго, как только сможет, надеясь поймать то, что вытащило ее вчера из постели — чем бы оно ни было. Она слышала рассказы зачарованных людей, которые выскальзывали из дома, чтобы при полной луне потанцевать с волшебным Народеццем, а на рассвете просыпались с мокрыми ногами, лежа в ведьминых кругах и мучаясь смутной тоской по чему-то неуловимому, чего больше не могли вспомнить. Если ее использовал Народецц, она хотела знать об этом наверняка.

Конечно, была надежда, что, использовав ее однажды для какой-то службы, они еще долго не призовут ее к себе снова; но лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

Зайдя в комнату, она опустилась на колени и выволокла из-под кровати старый сундук. Дерево местами растрескалось и покоробилось. Когда Хэйзел была совсем маленькой, Бен прятался в нем, притворяясь Дракулой в гробу, а потом — принцем. А когда она была даже еще меньше, мама складывала туда игрушки и детские одеяла. Но теперь в сундуке вместе с кучей памятных вещичек отдыхал ее старый добрый меч. Камни с вкраплением блестящей слюды, которые она любила и собирала, отправляясь погулять по лесу. Серебряная обертка от жвачки, из которой Джек сложил лягушку. Ее старый зеленый бархатный плащ с капюшоном — часть самодельного костюма Робина Гуда. Венок из

маргариток, который, засохнув, стал таким хрупким, что она не осмеливалась прикасаться к нему, боясь, что он просто рассыплется.

Открывая сундук, она ожидала увидеть все эти вещи. Она хотела вытащить покрашенный в черный цвет меч и засунуть его под матрас.

Но меча в сундуке не оказалось.

В тайнике было пусто: только какая-то книжка, свернутые туника со штанами — все из светло-серебристого материала, которого она никогда раньше не видела, — и записка, написанная тем же до жути знакомым почерком, что и послание из ореха: «241».

Она взяла книгу — «Английский фольклор» — и открыла на 241-й странице.

Там оказалась история о фермере, который купил участок пашни вместе с живущим на нем огромным волосатым боггартом, который заявил, что это его земля. После продолжительных споров они решили пользоваться наделом вместе. Чудовище потребовало все, что вырастет над землей, разрешив фермеру забрать оставшееся под ней. Но фермер обхитрил боггарта, посадив картофель и морковь. Когда настало время собирать урожай, чудовище получило только вершки. Как же оно разозлилось! Боггарт бушевал, кричал и топал ногами. Но он заключил сделку и, как все феи, обязан был сдержать свое слово. На следующий год боггарт потребовал, чтобы ему досталось то, что вырастет под землей, но фермер снова его

надул. Он посадил кукурузу, и боггарту достались только жилистые корешки. Боггарт снова разошелся, еще страшнее и яростней, чем прежде, но ему опять пришлось сдержать слово. Наконец, на третий год боггарт потребовал, чтобы фермер посеял пшеницу, но чтобы каждый сам ухаживал за своей половиной поля и собирал урожай. Фермер знал, что боггарт силен, и засадил его сторону поля железными прутьями: пока плуг чудовища затуплялся снова и снова, он спокойно пахал свою половину. После нескольких часов безуспешной работы боггарт сдался и заявил, что фермер может единолично владеть полем — ска-тертью ему дорога!

Слова «морковь» и «железные прутья» были об-ведены грязным пальцем.

Хэйзел, нахмурившись, смотрела в книгу. Эта сказка для нее ничего не значила.

Озадаченная и расстроенная, она занялась постель-ным бельем: сняла грязное и отнесла его в корзину. Потом взяла из шкафа чистую, правда, мягкую про-стыню и старенькое стеганое одеяло. Наконец перео-делась в пижаму с космическими кораблями, залезла в кровать и наугад взяла книжку с прикроватного столика, пытаясь отвлечься и убедить себя, что старый меч был нужен ей не больше костюма Робина Гуда.

Эту книгу она уже читала раньше: в ней расска-зывалось про зомби, которые гонялись за братом и сестрой. Но через пару страниц девушка отложила чтение — не получалось сосредоточиться. Ничто не

могло затмить мыслей о доме с замшелыми стенами и кованом эльфийском кинжале на деревянном столе. Ничто не могло затмить мыслей об израненных руках, грязных ногах и потерянной ночи.

И ничто не могло затмить мыслей о двойной жизни Джека. Она знала, что с феями нужно быть осторожной — независимо от того, насколько они красивы, умны и обворожительны. Но Джек всегда был исключением. Теперь же мысли о его серебристых глазах и о том, как странно он говорил, не давали ей покоя. Эти мысли и воспоминания об их поцелуе переплелись, и она почувствовала себя очень глупой.

Девушка лежала, закрыв глаза и притворяясь, будто спит, пока не услышала скрип половиц. Кто-то поднялся по лестнице и теперь идет по коридору. Бен? Или брат уже спит, и к ней подбирается... нечто? Хэйзел села и потянулась к мобильнику — два часа ночи.

Как только она выскользнула из постели, кто-то протопал вниз по лестнице.

Сунув ноги в сапоги и зажав в руке телефон, она вышла из комнаты так тихо, как только могла. Если Народец смог околдовать ее, заставив ходить по ночам, что им мешало проделать то же самое с Беном? Может, он ничего им не должен; может, и не заключал с ними никаких сделок. А это значит, что они не имеют на Бена никаких прав. Но феи же постоянно берут вещи, которые им не принадлежат...

Поспешно накинув куртку и выскочив за дверь, Хэйзел нашла Бена на улице. Он уверенно шел к машине. Девушка запаниковала, в нерешительности остановившись в тени стоящего рядом дуба. Пешком его не догнать. Может, добежать до машины и побарабанить в окно? Если он околдован, это могло бы развеять чары.

Но что, если Бен не околдован? Что, если он собрался в одиночку искать рогатого мальчика? Он ведь не обязан всюду таскать за собой младшую сестру-прилипалу. Бен медленно, не включая фар, вывел машину с подъездной дорожки.

Решение пришло внезапно. Хэйзел кинулась к сараю, где среди заросшего паутиной садового инвентаря стоял ее старенький велосипед. Трясущимися руками сорвала и отшвырнула в темноту прикрученные к спицам светоотражатели, вскочила на сиденье, оттолкнулась и что есть силы закрутила педали. К тому времени, как она выехала на улицу, Бен включил фары и уже делал первый поворот.

Девушка осторожно затормозила, стараясь остаться вне поля зрения брата, но и не терять его «Фольксваген» из виду. Жесткие ограничения скорости на проселочных дорогах могли все упростить, но нарушь он их, вдарив по газам — и на велосипеде его уже не догонишь.

Ветер развеивал ее волосы, а луна, стоя высоко в небе, заливала все серебристым светом. Хэйзел казалось, будто она едет по сонному царству, беззвуч-

ному миру, где бодрствуют только они с братом. Мышцы разогрелись, последнюю усталость как рукой сняло, и она взяла такой хороший ритм, что даже не сразу заметила, как машина остановилась. Пришлось тормозить подошвой сапога о дорогу. Затащив велосипед в заросли, Хэйзел залегла среди виноградника и срубленных веток.

На спине выступил холодный пот. Она догадалась, куда идет брат — к разбитому стеклянному гробу.

Хэйзел последовала за Беном, ползя так медленно, как только могла, и надеясь, что ветки не выдадут ее своим треском. То ли она не разучилась передвигаться по лесу бесшумно, то ли Бен был слишком рассеян, но он ни разу не оглянулся в сторону сестры.

Почти что охота, только в качестве цели — собственный брат...

Ночь выдалась сырой и довольно холодной: Хэйзел выдыхала облачка пара. В подлеске шуршали и перекликались какие-то существа, прячущиеся в переплетениях надземных корней. Сова уставилась на девушку своими глазами-плошками, и Хэйзел плотнее завернулась в куртку, пожалев, что выскочила из дома прямо в пижаме.

Бен остановился около упавшего дуба. Казалось, он пытался понять, правильно ли поступил, приехав сюда, шагая взад-вперед и пиная папоротники. Хэйзел снова задумалась, должна ли она его окликнуть, дать знать, что он здесь не один...

Она представила, как говорит: «Я следила за тобой, потому что думала, будто ты околдован. Но теперь поняла: скорее всего, ты не околдован — околдованные люди не размышляют над тем, что они делают посреди леса в ночи. Прости. Думаю, мне не следовало за тобой шпионить».

Звучало вроде неплохо.

Но тут Бен, на ходу пиная листья, зашагал вглубь леса, и Хэйзел последовала за ним. Они шли до тех пор, пока не оказались в роще, где бывали сотни раз: здесь спал принц. Осколки гроба и пивных бутылок мерцали в лунном свете. Но все остальное — деревья, кусты, даже дикий виноград — было почерневшим и мертвым. Сгнило, как будто уже пришла зима. Даже вечнозеленые растения увяли. Гроб был и правда разбит. Теперь, пустым, он выглядел совершенно по-другому — как будто стал не более магическим, чем окно машины, выбитое, чтобы украсть радио. Разбившись, он стал *обычным*.

Бен подошел к гробу и провел рукой по металлическому краю, а потом толкнул остатки крышки, обрушившиеся с громким звоном. Он уже опустил руку внутрь, как вдруг замер и обернулся в сторону Хэйзел, как будто она неаккуратно ступила и издала слишком громкий звук.

Что искал Бен? Что он рассчитывал здесь обнаружить?

Хэйзел пообещала сама себе, что если брат попытается залезть в гроб, она выйдет из укрытия, неважно, как сильно это его рассердит.

Но он туда не полез. Бен обошел гроб, будто был так же, как и она, поражен зрелищем руин. Затем, нахмурившись, наклонился. Когда Бен выпрямился, в его руке было что-то зажато: что-то, извлеченное из гроба, что-то, блеснувшее в лунном свете, что-то, на что он глядел в явном смятении. Сережка. Дешевенькое колечко, покрытое зеленой эмалью, пропажи которого Хэйзел даже не заметила.

На ум немедленно пришло множество отговорок.

Может, Хэйзел потеряла ее в ночь вечеринки — но это не объясняло, почему сережка оказалась внутри гроба, под стеклами. И она была почти уверена, что надевала их на следующий день. Окей, имеется объяснение даже получше: у какой-то другой девушки есть такие же сережки, и это *она* потеряла одну.

Хэйзел допускала, что могла иметь некоторое отношение к исчезновению рогатого мальчика, но какая-то ее часть отказывалась в это верить. Теперь же ей *пришлось* поверить. Все придуманные ею объяснения разбивались о факты.

Девушку начала бить дрожь. Разве она не ругала себя за то, что не упускала ни единого шанса попасть в беду? Что ни перед чем не останавливалась, воплощала все самые дурные идеи, целовала всех парней? Что расковыривала любую болячку? Что нарочно гнала от себя грусть? Что обламывала все

ногти, которые можно было сломать, и несла любой вздор, когда стоило помолчать? Что непременно заключала глупые сделки? Очевидно, это тоже было ее рук дело — даже если она не могла ничего вспомнить.

Через пару минут Бен, шепча ругательства себе под нос, двинулся к машине. Хэйзел прижалась к дереву, дожидаясь, пока он пройдет. Пока уймется сбившееся дыхание. Девушка по-прежнему не знала, что рассказать Бену, но у нее еще было время подумать — по крайней мере, до утра.

Хэйзел пошла за велосипедом. Он лежал там, где она его оставила: скрытый в зарослях винограда, которые, казалось, его поглотили. Хэйзел вытащила его, выкатила на дорогу и принялась крутить педали — далеко впереди горели задние фары «Фольксвагена».

Он явно ехал домой, поэтому Хэйзел больше не старалась держать темп. Вместо этого девушка сосредоточилась на том, что собиралась делать дальше.

Она отдала семь лет своей жизни Ольховому королю. Может, если она отправится в полнолуние к боярышнику в каменном кругу, то сможет заключить новую сделку, чтобы получить ответы? Или найдет, где проходит пир Ольхового короля, и напрямую спросит, что он собирается с ней делать.

Хэйзел даже быстрее закрутила педали, воображая, что ему скажет, когда увидела в канаве тело. Это была девушка — бледные ноги раскинулись в

грязи, каштановые волосы намокли в луже. Над телом кто-то склонился: кто-то с каштановыми волосами, закрывающими глаза, и длинными изогнутыми рогами.

Хэйзел вздрогнула и потеряла равновесие.

Велосипед завихлялся. Все произошло так быстро, что Хэйзел не успела спохватиться и выровнять его. Мгновение назад она еще петляла по дороге, а в следующее уже растянулась на ней.

Рогатый мальчик наблюдал, как она падала, но выражение его лица, освещенного лунным светом, было невозможно разгадать.

ГЛАВА 9

Хэйзел упала на асфальт. Руки, выставленные вперед, чтобы защитить лицо, ударились первыми, проскользив по дороге. Дыхание сбилось. Она покатила боком, ободрав локти, которые тут же закровоточили, и сильно стукнулась затылком. Мгновение девушка не шевелилась: отплевывалась от грязи, ожидая, пока отступит боль. Она слышала, как продолжают крутиться колеса велосипеда, слышала и еще какой-то звук — к ней шел рогатый мальчик. Шаги раздавались так громко, будто ломались кости.

Он опустился на колени и склонился над ней.

Кожа его была очень бледной, будто побелевшей от холода. Принц все еще был в расшитом синем камзоле, что и все эти десятилетия; ткань потемнела от дождя, сапоги цвета слоновой кости покрылись грязью. Рога поднимались от висков и загибались назад, за остроконечные уши, прилегая к голове и заканчиваясь на уровне подбородка: издалека казалось, будто это просто толстые косы. Даже форма его головы — расположение скул, высота лба — немного отличалась от человеческой.

В целом он казался более утонченным, как хрустальный бокал, представший перед тем, кто пьет только из обычных кружек. Глаза его были мшисто-зелеными — Хэйзел сразу подумала о глубоких омутах и ледяной воде. Он смотрел на нее своим потусторонним отрешенным взглядом, как будто чем-то озадаченный. Принц был таким же чудовищно-красивым, как и всегда. В этой красоте, казалось, можно захлебнуться.

— Что ты с ней сделал? — спросила Хэйзел, пытаясь подняться. Пижама прилипла к телу — кровь текла по коленям и рукам. Девушка не надеялась убежать — мышцы затвердели и болели.

Принц потянулся к ней, и Хэйзел поняла, что должна хотя бы попытаться. Она встала, шатаясь, сделала несколько шагов и увидела: девушка, лежащая в канаве — Аманда Уоткинс.

Кожа Аманды была белой — не бледной, не болезненной, а именно белой, как лист бумаги. Розовыми остались только кончики пальцев и круги вокруг глаз. Губы были слегка разомкнуты — в рот набилась грязь, а из уголков свисали виноградные лозы. Одна нога была обута в туфлю на высоком каблуке, а вторая — голая, в грязи.

— Аманда? — позвала Хэйзел, шатаясь из стороны в сторону. — Аманда!

— Мне ведома ты. Мне ведом твой голос, — хрипло произнес рогатый мальчик, будто кричал целую неделю. Он схватил ее за руку и, когда она к

нему обернулась, уставился сияющими голодными глазами. — Ты та самая дева, что я ищу.

Она воображала, что всю свою жизнь провела в ожидании, когда он проснется и скажет ей такие слова. Но теперь, когда это произошло, ее охватил ужас. Девушка попыталась вырваться. Пальцы рогатого мальчика удержали Хэйзел на месте — холодные, как будто он погрузил их в ледяную воду; казалось, она ощутила ее кожей. Она открыла рот, чтобы закричать, но все, что сорвалось с ее губ — едва различимый хрип.

— Тихо, — повелительно сказал он. — Не *смей* кричать. Я знаю, кто ты, Хэйзел Эванс, сестра Бенджамина Эванса, дочь Грир О'Нил и Спенсера Эванса. Я признал твой голос. Мне ведомы все твои нелепые желания. Я знаю тебя, знаю, что ты сделала, и *нуждаюсь* в тебе.

— Ты... ты что? — Она представила себя девятилетней, шепчущей ему через стекло, и ее лицо залила горячая краска стыда — даже шея пошла красными пятнами. Так он действительно слышал все, что они ему говорили? Все те позорные вещи, которые были сказаны рядом с гробом, пока он там лежал?

— Пойдем, — он потянул ее на дорогу. — Надобно уходить. Здесь мы на виду.

Хэйзел снова попыталась вырваться, но принц все тащил ее вперед, сильно, до красных отметин, vicepresidente в запястье.

— А Аманда? Мы не можем ее бросить! — закричала она.

— Она спит, — ответил он. — Возможно, в том моя вина, но не в моей власти что-либо изменить, да то сейчас и не важно. Ей, да и всем остальным придется только горше, если ты не откроешь мне, где он.

— Где кто?

— Меч, — сердито пояснил принц. — Которым ты меня освободила. Не играй в неведение.

От ужаса у Хэйзел скрутило желудок. Она подумала о полупустом сундуке у себя под кроватью:

— Меч?

— Верни Верное сердце. Твоя участь будет легка, если просто сделаешь, как я прошу. Если же вздумала со мною шутить, мне придется показать тебе, почему это неразумно.

— Просишь? — автоматически переспросила Хэйзел. — Ты называешь это «просьбой»? — Она пожалела о своих словах тут же, едва они слетели с губ. Сначала нужно думать. Было странно куда-то брести, сознавая, что, возможно, рогатый мальчик тащит ее к месту расправы — и в то же время по непонятной причине неловко, что он будет убивать ее одетую в пижаму и сапоги. Знай она, что предстоит умереть от его руки, приделась бы.

Губы принца почти изогнулись в улыбке, и он дернул девушку за руку:

— Прошу наимилейшим — из мне известных — способом.

— Нужна моя помощь? — спросила она. — Тогда сначала скажи, что сделал с Амандой.

Говоря, она нащупала в кармане куртки телефон. Рогатый мальчик, может быть, и магическое существо, но он проспал тысячу лет. Хэйзел была готова биться об заклад, что принц ничего не смыслит в современных технологиях.

— Я? Ты сильно заблуждаешься, если полагаешь, будто бы это сделал я. В окрестных лесах есть создания гораздо страшнее.

— Что за создания? — не сдавалась Хэйзел.

— Возможно, тебе доводилось слышать о существе, что раньше принадлежало к Народу, но стало потом чем-то другим. Она соткана из земли и веток, мха и виноградных лоз. Она охотится за мной. И это она напала на твою Аманду. Ни один клинок мира, кроме Верного сердца, не в силах ее даже поцарапать, посему ты должна понимать, что в твоих же собственных интересах — *отдать мне меч.*

«Вот те раз, — пронеслось у ошеломленной Хэйзел в голове. — Подумаешь. Всего-навсего легендарное чудовище из самого сердца леса». Она пыталась как можно меньше шевелить пальцами, набирая Бену сообщение и даже не глядя на телефон — сказывался многолетний опыт общения эсэмэсками на уроках: ПОМОГИ АМАНДА В БЕДЕ ТЕТЕРЕВИНАЯ УЛ!!! ЧУДОВИЩЕ!

— Ты даровала мне свободу, — он оглянулся на нее, и на мгновение девушке показалось, что под его

холодной яростью скрывается что-то другое. — И, скорее всего, заплатишь за свою доброту дорогую цену. Почему же ты это совершила?

— Не знаю. До сегодняшнего вечера я и понятия не имела, что сделала это. Ты говорил, что слышал мой голос, а был там еще кто-нибудь? Кто-то, кто отдал мне приказ.

Он покачал головой:

— Только ты. Но в тот благословенный момент, когда я проснулся — по-настоящему проснулся, — уже ярко светило солнце, а ты ушла.

— Этого я не помню. Я вообще не помню, куда ходила прошлой ночью.

Рогатый мальчик вздохнул:

— Попробуй вспомнить. Призадумайся о судьбе Аманды Уоткинс, которую, насколько мне ведомо, ты недолюбливаешь. Но в следующий раз жертвой может стать тот, кто тебе люб.

Эти слова заставили девушку вздрогнуть. Принц был незнакомцем, чужаком, но все же в том, как он говорил и как сжимал ее запястье, было что-то смутно близкое. Она множество раз представляла себе сцены вроде этой, и теперь идти рядом с ним по тусклому лесу было наполовину кошмаром, наполовину мечтой — равно призрачными. У Хэйзел закружилась голова, как будто она сейчас упадет в обморок. Ей бы и хотелось упасть, лишь бы сбежать от этого ужаса.

— Даже если она мне не нравится, это не значит, что я хочу ее смерти.

— Тогда... — ответил он, будто это все решало, — возрадуйся. Жизнь в ней еще теплится.

Принц на нее даже не взглянул. Просто шел вперед.

Они свернули с дороги — теперь приходилось продираться через кусты. Сердце Хэйзел билось так сильно, будто собиралось выскочить из груди.

В кармане загудел телефон. Девушка не рискнула посмотреть, но ей стало гораздо спокойнее, когда она поняла, что Бен получил сообщение и Аманду найдут.

— Мы оставили тебе еду и всякое такое, — сказала Хэйзел, пытаясь заполнить повисшее молчание и заглушить телефон, который снова зажужжал. Должно быть, звонил Бен. — Мой брат и я — мы на твоей стороне.

Рогатому мальчику не нужно знать, что у нее есть сомнения относительно его истории.

На лице принца мелькнула обида:

— Я не домовой и не дух очага, чтобы меня за-
дабривать.

— Мы не пытались тебя задобрить, — ответила Хэйзел. — Просто хотели быть вежливыми.

Учитывая одержимость Нароцу манерами, девушке стало интересно, испытывает ли он хотя бы малейшие угрызения совести, таща ее по лесу.

Рогатый мальчик немного склонил голову, и его губы тронула легкая улыбка. Хэйзел показалось, что в этот момент он действительно почувствовал от-
вращение к самому себе.

— Можешь называть меня Северином, — сказал он. — Теперь мы оба вежливы.

Это было самое близкое к извинению, что мог позволить себе Народец — учитывая, как высоко они ценят свои имена. Может быть, он и в самом деле чувствовал угрызения совести, но Хэйзел показалось, что это не имеет значения. Что бы им ни двигало, это было нечто посерьезнее правил этикета.

Время летело незаметно, пока они шли: она — спотыкаясь, он — шагая рядом и дергая ее за руку, если она отходила слишком далеко или двигалась слишком быстро. Тело все еще болело после падения с велосипеда, в голове гудело. Они брели до тех пор, пока не оказались возле роши.

Северин отпустил ее и направился к разбитому гробу.

— Знаешь, из чего он был справлен? Не из стекла, — сказал он, пробегая пальцами по подкладке. — Не из хрусталя. И не из камня. Из слез. Почти несокрушимый. Его смастерил один из лучших умельцев во всем волшебном царстве, Гримсен. Дабы удержать чудовище.

Хэйзел оцепенело потрясла головой:

— Тебя?

Он фыркнул.

— Неужто старые добрые истории забыты ныне?

— Что мы здесь делаем? — спросила Хэйзел.

Он глубоко вздохнул.

— Ты должна припомнить, у кого было Верное сердце. Кто вручил его тебе и направлял твою руку? Кто повелел тебе разбить гроб и разрушить проклятие?

— Я не могу...

— Можешь, — мягко возразил он, поднеся руку к ее щеке. Холодные пальцы коснулись горячей кожи: принц убрал прядь волос с лица девушки. Хэйзел вздрогнула. — Ради всех нас, ты должна.

Она покачала головой, думая о мече, найденном у озера Уайт много лет назад и теперь исчезнувшем из-под ее кровати.

— Даже если бы я знала, где сейчас меч, почему ты считаешь, что рассказала бы тебе?

— Мне ведомо, чего ты от меня хочешь, — проговорил принц, подходя ближе. Все вокруг померкло. Он приподнял подбородок девушки, поворачивая ее лицо к своему. — Мне ведом каждый твой секрет. Все твои мечты. Позволь убедить тебя.

И, прижав Хэйзел к темному стволу дерева, рогатый мальчик поцеловал ее. Его губы оказались горячими и сладкими. Жаркая, сковывающая тьма вытеснила все мысли девушки, по коже побежали мурашки.

Через мгновение Северин отступил, и Хэйзел оторопело пригладила пижамную кофту.

— Бенджамин, — сказал Северин в темноту. — Покажись. Не тревожься, что прервал нас.

— Отвали от нее! — раздался дрожащий, но полный решимости голос Бена, подходившего к ним с другой стороны роуи.

Хуже всего в том, чтобы быть рыжей, подумала Хэйзел, то, как ты краснеешь: сначала щеки, потом шея, и вот ты уже чувствуешь, будто твоя голова воспламеняется.

Бен вышел из тени, его лицо тоже пылало. В руках он держал топор, которым мама колола растопку для печки в студии.

— Хэйзел, ты в порядке?

Брат пришел спасти ее, как в прежние времена. Она не могла до конца в это поверить.

Эльфийский рыцарь улыбнулся, и его глаза вспыхнули каким-то странным светом. Он лениво шагнул к Бену, разведя руки в приглашающем жесте:

— Собираешься разругать меня надвое, словно сказочный дровосек?

— Собираюсь попробовать, — ответил Бен еще сильнее задрожавшим голосом. Он был высокий и нескладный, веснушчатый и весь как будто на шарнирах. Он не казался опасным — даже топор держал с видимым усилием. Хэйзел захлестнула горячая волна стыда: брат видел, как рогатый мальчик ее поцеловал, а ведь он так долго был их общим увлечением.

— Бен, — пробормотала Хэйзел. — Бен, я в порядке. Если кто здесь и должен сражаться, то это я.

Брат сверкнул на нее пристальным взглядом:

— Потому что тебе не нужна ничья помощь, да?

— Нет, не поэтому... — она успела сделать к нему лишь один шаг, прежде чем Северин выхватил золотой кинжал.

— Лучше бы никому из вас со мною не тягаться, — предупредил принц. — Замах твой могуч, и оружие способно ранить глубоко, но, бьюсь об заклад, я быстрее. Так что же ты вознамерился свершить? Броситься на меня? Размахивать топором во все стороны, надеясь на неверную удачу?

— Просто отпусти ее домой, — сказал Бен. Его голос по-прежнему дрожал, но он не отступил — ни на дюйм. — Ей страшно. Уже за полночь, она толком не одета. О чем ты вообще думал, хватая ее вот так?

Северин скользнул немного ближе, легко, как танцор:

— Наверное, мне стоило схватить вместо нее *тебя*?

Бен вздрогнул, как будто от пощечины:

— Не знаю, что ты там себе напридумывал...

— Бенджамин, — проговорил Северин, понизив голос. Его лицо было нечеловечески красиво, а глаза столь же холодны, как небо за облаками, где воздух слишком разрежен, чтобы дышать. — Я слышал каждое слово, что ты когда-либо мне говорил. Каждое медово-серебристое слово.

Уязвленный Бен покраснел еще сильнее. Хэйзел хотела крикнуть ему, предупредить, что Северин говорил ей то же самое, и с ней это *сработало*, но побоялась отвлечь брата. Бен и Северин начали осторожно кружить друг возле друга.

— Я не уйду без Хэйзел, — сказал Бен, задирая подбородок. — Ты не заставишь меня бросить сестру.

Он рисковал жизнью. Его пальцы уже не были такими быстрыми, как прежде, и на шее не висела дудочка на грязном шнурке. Он больше не мог играть, а на мечах в жизни не сражался. Хэйзел должна была что-то сделать — она должна была спасти Бена.

Девушка схватила самую большую палку, какую смогла найти. Странно, но ощущение тяжести в руке ее успокоило, и она автоматически встала в стойку — это оказалось просто, как дышать. Как только начнется сражение, она бросится на Северина и попытается заставить его врасплох. Может, это и не благородно, но с тех пор, когда она *играла* в рыцаря, прошло уже слишком много времени.

— Не глупи, — посоветовал Северин Бену. — Я бился на мечах еще ребенком. Видел, как зарезали мою мать. Я ранил, убивал и проливал кровь. Тебе не победить меня. — Он взглянул на Хэйзел. — Твоя сестра, по крайней мере, знает, что делает. Ее стойка хороша. Твоя — ужасна.

Вот и весь «врасплох». Оставалось надеяться на слепую удачу.

— Собираешься убить меня, так давай, — сказал рогатому мальчику Бен. — Если хочешь забрать ее, тебе придется это сделать!

Следующее мгновение растянулось в вечность. Северин занес свой кинжал. Их с Беном взгляды сцепились, как будто колючка впилась в шелк.

Хэйзел затаила дыхание.

Внезапно эльфийский рыцарь фыркнул, вложил кинжал в ножны и, странно глядя на Бена, покачал головой. А потом отвесил изящный церемонный поклон, чуть ли ни касаясь рукой земли.

— Тогда ступайте. Ступайте, Хэйзел и Бенджамин Эвансы, — сказал Северин. — Этой ночью я больше вас не задерживаю. Но наше дело еще не сделано, а предприятие далеко от решения. Я приду к вам снова. И когда это произойдет, вам надлежит быть готовыми сделать так, как мне надобно, — с этими словами он развернулся и устремился вглубь леса.

Хэйзел посмотрела на Бена. Он дышал часто-часто, будто после настоящей драки. Топор выпал из его рук на землю, и он смотрел на него дикими, широко раскрытыми глазами.

— Что это было? Хэйзел, я серьезно. Безумие какое-то...

Она покачала головой, не менее озадаченная:

— Думаю, ты впечатлил его силой своего безрассудства. Как ты меня нашел?

Уголки его губ опустились.

— На Тетеревиной улице тебя не было, так что я отследил твой телефон по GPS. Он показал точку недалеко от гроба, и я понял, что ты направляешься туда.

— Откуда это? — спросила Хэйзел, подходя к нему. Она была слишком счастлива, что брат здесь, чтобы ругать его за то, какой опасности он себя подверг. — Господь бережет дураков, пьяниц и тупиц с топором?

Он осторожно коснулся ее плеча и погладил его сквозь ткань, будто представляя, как болели все ее ссадины. Хэйзел поняла, что после падения была вся в грязи — в грязи и крови.

— Ты правда в порядке? — спросил Бен.

Хэйзел кивнула:

— Свалилась с велосипеда, когда увидела его с Амандой. Я в порядке, а вот она — не уверена...

— Я позвонил в полицию, так что они кого-нибудь пришлют. Надеюсь, ты расскажешь мне, что делала на Тетеревинной улице?

«Следила за тобой», — хотела ответить девушка, но слова застряли в горле. Если она так скажет, он спросит про сережку, а потом задаст и все неизбежно вытекающие из этого вопросы.

Так что Хэйзел залезла в машину, опустила голову на приборную панель и взмолилась:

— Я ужасно устала. Давай просто поедem домой?

Бен коротко кивнул и присел возле сестры на корточки, глядя на нее в открытую дверь машины и явно подавляя вопросы. В лунном свете его голубые глаза казались черными.

— Ты точно уверена, что в порядке?

Хэйзел кивнула:

— Благодаря тебе.

Он улыбнулся, поднимаясь, и пригладил ее волосы.

— Наш принц действительно что-то с чем-то, да?

Хэйзел кивнула, вспоминая, как губы рогатого мальчика приближались к ее губам.

— Северин, — сказала она. — Нашего принца зовут Северин.

Однажды, когда Хэйзел была совсем маленькой, Бен рассказал ей сказку о великом маге, который вынул сердце из груди и спрятал в дупле — так что, когда враги попытались заколоть его в самое сердце, он не умер. С тех пор Хэйзел прятала свое сердце в сказках о рогатом мальчике. Всякий раз, когда кто-то причинял ей боль, она утешалась мечтами, что принц был отчаянно, волнующе и немного пугающе в нее влюблен.

Эти грезы хранили ее сердце в безопасности. Но теперь, когда она думала о Северине, вспоминала его мшисто-зеленые глаза и ужасный трепет от его слов, она больше не чувствовала себя в безопасности.

Она ненавидела его за то, что он проснулся и, став реальным, похитил ее мечты о нем.

Он больше не был их принцем.

ГЛАВА 10

По пути домой Бен с трудом сдерживал нервозность: достаточно было взглянуть, как он выкручивает руль и возится с радио. Подъехав к Тетеревиной улице, они увидели во тьме обнадеживающий свет фар — полиция и скорая прибыли на место. Они помогут Аманде, которая, как сказал Северин, еще жива.

— Надо остановиться, — сказала Хэйзел. — Вдруг она...

— Собираешься рассказать им, как все было? — поинтересовался Бен, вскинув брови, и выкрутил руль, поворачивая в сторону дома.

В памяти Хэйзел тут же вспыхнуло воспоминание: Северин кружит возле брата с голодным выражением лица и поблескивающим кинжалом в руке. Потом она вспомнила, как страшно были раскинуты Амандины бледные ноги и руки на клочковатой траве, и вздрогнула: Аманда не выглядела живой. Нет, Хэйзел не была уверена, что сможет объяснить это полицейским. Даже в таком странном месте, как Фэйрфолд.

— Поддай немного вперед и остановись, — попросила она. — Не представляю, что им скажу, но мне придется сказать хоть что-то. Там мой велосипед.

Девушка понятия не имела, поверят ли ей. Но увидев Бена с топором в руках, вспомнила, почему он перестал охотиться много лет назад. Брат понял, насколько это опасно и как они уязвимы — даже если она и не желала этого признавать.

Хэйзел больше не собиралась ставить его в подобное положение. То, что Бен отправился искать принца, еще не означает, что он хочет снова подвергаться опасности.

Глядя на сестру так, будто она сошла с ума, Бен остановился в нескольких футах от скорой. Хэйзел прыгнула на дорогу. Врачи уже склонялись над телом Аманды.

Офицер поднял на нее глаза. Совсем молодой парень. Интересно, он родом из Фэйрфолда? Если нет, ей придется как следует его ошарашить.

— Извините, мэм, — сказал он, — но вам лучше вернуться в машину...

— Я видела Аманду сегодня ночью, — перебила его Хэйзел. — С рогатым мальчиком. Вы должны найти его...

Полицейский подошел ближе, закрывая ей обзор на носилки и медиков.

— Мэм, вернитесь в автомобиль.

Хэйзел залезла обратно, от души хлопнув дверью. Бен укоризненно покачал головой, когда офицер осветил машину фонариком.

— Пожалуйста, опустите окно. Кто с вами?

Она опустила стекло со стороны пассажирского сиденья.

— Я ее брат, — ответил Бен. — Бенджамин Эванс. Вы говорили с Хэйзел.

Полицейский смотрел на них, будто не совсем представляя, что делать в такой ситуации.

— У вас есть документы?

Бен протянул ему водительские права. Офицер долго их рассматривал, потом передал обратно.

— Вы утверждаете, что кого-то видели?

— Рогатого мальчика. С Амандой. Она уже лежала без сознания, но он стоял рядом. Он и сейчас где-то поблизости. Если это сделал он, мы все в большой опасности.

Коп смерил их долгим взглядом.

— Вам обоим лучше поехать домой.

— Вы меня слышите? — взорвалась Хэйзел. — Мы в большой опасности! Весь Фэйрфорд в опасности!

Полицейский отступил от автомобиля:

— Я сказал, вам лучше поехать домой.

— Вы ведь не местный? — не унималась девушка. — Я хочу сказать, родились не здесь?

Коп на нее оглянулся, и на его лице впервые отразилось сомнение. Затем его взгляд стал жестким, и он махнул им уезжать.

— Хотя бы скажите — с Амандой все в порядке? — крикнула Хэйзел ему вслед, но полицейский не ответил.

Бен повел машину домой. Уже занимался рассвет, золотя верхушки деревьев. Вырулив на их улицу, он повернулся к Хэйзел:

— Не думал, что ты выкинешь такое.

— Все равно не сработало.

— Ничего себе вечерок, — ответил Бен неприкрытым тоном, давшимися ему с видимым усилием. — Все пошло малек не так, а? Ты ведь не этого ожидала?

— Да уж, — пробормотала девушка, прижимаясь щекой к холодному стеклу и берясь за дверную ручку.

Бен вывел машину на подъездную дорожку, и под колесами захрустел гравий.

— Я ведь твой старший брат. Ты не обязана меня защищать. Ты можешь что угодно мне рассказывать. Можешь доверять мне.

— Ты тоже можешь рассказывать мне что угодно, — ответила Хэйзел, открывая дверь и вылезая. Она ожидала, что брат вытащит из кармана сережку и потребует объяснений. Но он этого не сделал.

Торжественно объявив, что могут рассказывать друг другу что угодно, они так ничего и не рассказали.

В доме было совершенно темно. Даже фонари в пристройке не горели. Девушка направилась к лестнице.

— Эй, Хэйзел? — тихо окликнул сестру Бен. Она обернулась. — На что похож его поцелуй?

На его лице отразилась буря эмоций: тоска, может быть, немного ревности и всепоглощающее любопытство.

Хэйзел фыркнула и удивленно рассмеялась. Плохое настроение как рукой сняло:

— Как будто он был акулой, а я кровью, растекшейся в воде.

— Так хорошо? — ухмыляясь, уточнил Бен.

Хэйзел знала, что он поймет. У них был свой собственный язык, особенные тайные словечки. Девушка была рада поделиться этой странной, нелепой бессмыслицей с единственным человеком, знавшим те же истории, что и она: он сам же и сочинил большую их часть.

— О да.

Бен подошел к сестре и положил руку ей на плечо:

— Давай-ка тебя подлатаем.

Хэйзел позволила брату отвести себя наверх, и Бен, усадив ее на край ванны, протер все ссадины перекисью. Они смотрели, как лекарство шипит и вспенивается, соприкасаясь с ранами, а затем стекает и капает вниз.

Потом, неловко стоя на коленях на потрескавшихся бежевых плитках, он замотал ей руки и ноги марлевыми бинтами: в детстве они называли это «сделать мумию». Старая шутка вертелась на кончике языка, оживляя воспоминания о тех временах, когда они

приходили сюда после охоты — промывать разбитые коленки и перевязывать запястья и лодыжки.

Тогда в доме постоянно толпились какие-то люди, и оставаться незамеченными не составляло труда. Гости заходили постоянно: попозировать для картин, или одолжить холсты, или отпраздновать крупный заказ бутылочкой бурбона. Иногда дома не оказывалось никакой еды, кроме пьянящих, пропитанных вином бисквитов, банки холодных равиоли или сыра, пахнущего ногами.

Прошли годы, родители повзрослели и стали более *нормальными*, даже если и отрешивались от этого. Хэйзел не знала, были ли их воспоминания о тех днях такими же путанными, как у нее, — такой же мешаниной из людей, музыки и красок. Но что она знала наверняка, так это то, что «нормальность» выглядит куда притягательней, когда недостижима.

Когда-то девушка боялась задохнуться под тяжелым, душным одеялом, которым казалась ей нормальность. Но сейчас она стала такой непрочной, будто Хэйзел могла разрушить ее, просто выдернув одну ниточку.

Наконец Хэйзел доползла до кровати: настолько уставшая, что даже не смогла разобрать постель. Девушка уснула, как угасшее пламя.

* * *

Под утро Хэйзел приснилось, что она, одетая в тунику из кремовой шерсти с кольчужой поверх нее,

скачет на лошади по ночному лесу — да так быстро, что видит только размытые деревья и искры из-под мелькающих впереди копыт.

Но тут листья расступились, и в свете полной луны девушка обнаружила, что смотрит вниз, на стоящих в грязи коленопреклоненных людей, окруженных молочно-белыми фейскими лошадьми. Мужчина, женщина и ребенок, одетые в современную фланелевую одежду, — явно любители походов. Палатка, разрезанная и провисшая, валялась рядом с затушенным костром.

— Даровать ли им жизнь или смерть? — спросил один из Народца у своих спутников. Он говорил небрежно, словно вопрос не имел особого значения. Его конь фыркал и рыл копытами землю. — Бьюсь об заклад, они пришли сюда увидеть сладких маленьких фей, собирающих росинки. По мне, этого достаточно, чтобы расправиться с ними, как бы они ни пресмыкались и ни молили о пощаде.

— Посмотрим-ка лучше, какими талантами они обладают, — сказал другой, спрыгивая с лошади. Серебряные волосы взметнулись за его спиной. — Мы могли бы отпустить того, кто окажется самым забавным.

— А что, если даровать здоровяку лисьи уши? — воскликнула третья — женщина с сережками, позвякивающими, как бубенцы на уздечке ее лошади. — А его жене — вибриссы. Или совиные когти.

— Оставьте малявку чудовищу, — предложил четвертый эльф, скривившись на ребенка. — Мо-

жет, она с ним немного позабавится, прежде чем проглотить.

Спрыгивая на землю, Хэйзел услышала собственный голос:

— Нет, они рискнули прийти в лес Ольхового короля в полнолуние и должны сполна изведать его гостеприимства. — Это правда был ее голос? Хэйзел говорила таким властным тоном. И люди смотрели на нее с таким же ужасом, как и на других фей, будто она — одна из них. Может, во сне так и было. — Давайте наложим проклятие, чтобы они оставались валунами, пока другие смертные не признают их истинную природу.

— Но это может занять не одну тысячу лет, — небрежно заметил первый эльф, приподнимая бровь.

— И даже больше, — ответила Хэйзел. — Но подумайте о сказках, которые они смогут рассказать, если когда-нибудь обретут свободу.

Мужчина с лицом, искаженным страданием и обидой, что его обманули, разразился слезами и прижал к груди ребенка. Должно быть, он любил сказки про фей и решил проверить, насколько они правдивы. Ему следовало читать их повнимательней.

Среброволосый всадник рассмеялся:

— Хотел бы я посмотреть, как другие смертные, ничего не подозревая, будут устраивать на них пикники. Да будет так! Превратим их в камни.

Один из людей начал просить пощады, но Хэйзел, не вслушиваясь, возвела глаза к небу и принялась считать звезды.

Хэйзел проснулась в холодном поту.

Под ухом дребезжал будильник. Перевернувшись, она выключила телефон и заставила себя вылезти из кровати. Казалось бы, сон должен был взволновать девушку, но вместо этого он разжег в ней давно забытое желание взять в руку меч. Она практически не спала и должна была ощущать себя гораздо более изможденной, чем чувствовала на самом деле. Возможно, адреналин бодрил лучше кофеина?

Выйдя из душа, Хэйзел натянула свободную серую футболку и черные легинсы. Тело одеревенело и ныло. Даже костяшки пальцев оказались разбиты. Девушка завязала волосы в хвост, пытаясь собраться с мыслями. Воспоминания о рогатом мальчике — о *Северине* — постоянно ее сбивали. Выражение его лица, ощущение его пальцев на коже, жар губ... В ярком утреннем свете ночные события казались невозможными, ненастоящими, но она всем своим естеством чувствовала, что это было реально. А потом перед глазами возник брат с топором, поднятым высоко над головой — с раскрасневшимся лицом и падающими на глаза волосами. Хэйзел давно не видела Бена таким — смелым, безумным, страдающим. Она испугалась за него еще сильнее, чем за себя, когда рогатый мальчик тащил ее по лесу.

Девушка задумалась, чувствовал ли Бен то же самое, когда Хэйзел стояла впереди с мечом в руках и сражалась с феями.

Когда Хэйзел спустилась на кухню, мама делала смузи. На столе выстроились капуста, имбирь, кефир и мед. Мама была в одном из папиных потертых клетчатых халатов; ее короткие каштановые волосы торчали в разные стороны, под ногти забились краска. По радио передавали старую песенку о блестящих кожаных ботинках*.

Бен, одетый в мятые зеленые брюки и мешковатый свитер, сидел на столе, тер глаза, зевал и пил свой смузи из литровой кружки. Маленький кусочек капусты прилип к его верхней губе.

— Доброе утро, — пробормотал он сонным голосом и приветственно поднял кружку.

Хэйзел улыбнулась. Мама вручила ей чашку кофе.

— Мы с Беном говорили об Аманде Уоткинс. Она попала в беду прошлой ночью, в паре кварталов отсюда. Об этом только что объявили по радио, а еще предупредили, чтобы с наступлением темноты никто не выходил из дома.

Хэйзел красочно вообразила, какой увидели Аманду сотрудники службы спасения: бесчувственную, растрепанную, со сложенными на груди руками, закрытыми глазами и землей, набившейся в рот.

— Что про нее сказали? — глухо спросила она.

* Имеется в виду песня «Venus In Furs» американской рок-группы 1960–1970-х годов «The Velvet Underground»

— Она в коме. У нее что-то не то с кровью. К тому же сегодня полнолуние: вам обоим лучше вернуться домой пораньше. Позвоните, если где-нибудь задержитесь, окей? А я скажу папе на тот случай, если он решит вернуться домой раньше, чем планировал.

Бен спрыгнул со стола. Или, точнее, просто опустил свои длинные ноги на пол.

— Мы будем осторожны, — ответил он, предвосхищая мамину просьбу.

Мама наполнила стакан зеленоватой жидкостью из блендера и передала Хэйзел.

— Не забудьте вывернуть носки наизнанку. На всякий случай. И положите в карманы что-нибудь железное. В сарае стоит ведро старых гвоздей — можете прихватить по одному.

Хэйзел осушила стакан. Напиток оказался немного комковатым — наверное, капуста плохо перемололась.

— Хорошо, мам, — Бен закатил глаза. — Мы знаем.

Хэйзел не занималась подобной ерундой, но была благодарна брату, что тот ее прикрывал. Они вместе вышли к машине. По пути к школе Бен сонно скопил на нее глаза:

— Ты же мне сегодня расскажешь все, чего я не знаю о прошлой ночи?

Хэйзел вздохнула. Ей следовало испытывать благодарность — по крайней мере, брат давал ей подумать над ответом, — но девушка ощущала только страх.

— Окей, — кивнула она.

Бен сунул руку в карман и вытащил амулет: рябиновую щепку на цепочке.

— Надень ради меня, окей? Тут мама права.

Рябиновая щепка. Защита от фей. Все ребята из школы сделали такие еще в детском саду, вместе со значками с четырехлистным клевером. Большинство носило их — или новые — в канун каждой Вальпургиевой ночи. Хэйзел погладила деревяшку большим пальцем, тронутая тем, что брат отдал ей амулет, который — она была уверена — сделал больше десяти лет назад. Девушка приподняла волосы и повесила цепочку на шею.

— Спасибо.

Бен ничего не ответил, но несколько раз взглянул на сестру, словно пытался понять что-то по выражению ее лица или обнаружить там нечто, чего прежде никогда не искал.

В школе было странно. Тихо и как-то пусто: должно быть, многих детей родители просто не выпустили из дома. Ребята, сбившись в небольшие группки, шептались, а не шумели, как обычно. Хэйзел заметила, что многие повесили на запястье или шею талисманы. Сушенная бузина, нанизанная на серебряные цепочки. Золотые монеты. От травяных масел, втертых в кожу, в коридоре приятно пахло: прямо как в эзотерическом магазине. Когда Хэйзел разбирала сумку в своем шкафчике, на линолеумный пол, два раза подпрыгнув, выкатился грецкий орех.

Наклонившись поднять его, она увидела, что он перевязан грубой ниткой.

Хэйзел дрожащими пальцами открыла орех. Внутри лежал еще один кусочек скрученного пергамента, исписанный все тем же небрежным почерком: *В небе полная луна; быть в кровати ты должна.*

Ну уж нет! Она больше не подчиняется каким-то там неизвестным феям. Нет, если может сопротивляться. Скомкав записку, девушка сунула ее обратно в сумку.

Запахло сигаретным дымом — к шкафчику Хэйзел подошла Леони. На ней была длинная фланелевая рубашка поверх белой футболки, на шее — золотая цепочка. Леона повесила на нее колечко для ключей, а на него, кроме ключей от дома, — с полдюжины амулетов. Темные вьющиеся волосы девушки были собраны в два пучка на макушке: мокрые, как будто она завязала их сразу после душа.

— Ну что? — спросила она. — Думаю, ты уже слышала?

— Об Аманде? Да, — кивнула Хэйзел.

— Последним ее видел Картер. Все говорят, что в этом замешан один из братьев Гордонов, — Леони пожала плечами, будто показывая: не то что бы она с этим согласна, но как человек, распространяющий сплетню, тоже не совсем верит в их невиновность.

— Думаю, что бы с ней ни случилось, в этом замешано волшебство, — Хэйзел вздрогнула, вспомнив грязь и виноградную лозу во рту Аманды.

— Тогда *другой* из братьев Гордонов. Его-то большинство как раз и обвиняет.

— Джек не имеет к этому никакого отношения! — Мысли о прошлой ночи заставили Хэйзел вспомнить прикосновение губ Северина. Всего через два дня после того, как она поцеловала Джека — как будто Вселенная решила дать девушке все, чего она когда-либо желала, и одновременно наказать ее. Когда мысли Хэйзел вернулись к Аманде, лежащей в канаве, ей стало ужасно стыдно за воспоминания о поцелуях.

— Ладно, это всего лишь слухи, — беспечно ответила Леони. — Не то что бы я в это верила.

— Бред какой-то. Не надо такое повторять.

— Дерьмовый бред, — согласилась Леони. — Это не нормальная фэйрфордская жуть. Не тупистическая жуть. Это реально охрененно ненормальная жуть. Семья Аманды всегда здесь жила, с ней не должно было ничего такого случиться. Все напуганы. Я повторила слухи, потому что подумала — ты захочешь знать. Я не разношу их по всей школе.

Хэйзел несколько раз глубоко вздохнула. Огрызаясь на Леони, она ничего не изменит.

— Извини. Какая бы жуть ни происходила в лесу, это ненормально. И неважно, приключается она с туристами или с кем-то еще. Лично я не вижу вообще никакой связи между Джеком и тем, что случилось с Амандой.

— Ну, люди опираются на два факта: во-первых, Джек из *этих*. А во-вторых, Аманда разбила ему

сердце — и это очень грустно, потому как означает, что даже у сверхъестественных красавчиков такие же вкусы, как и у всех идиотов в этой школе. Думаю, она нравилась ему даже больше тебя, а это о чем-то да говорит. И дает ему повод.

Хэйзел закатила глаза:

— Ты, наверное, меня с кем-то путаешь. Я никогда не нравилась Джеку Гордону.

Леони покачала головой:

— Неважно. Главное, он не человек, и все это знают. Помнишь, как он сломал нос Мэтту?

— Кажется, — ответила Хэйзел, захлопывая дверцу шкафчика. Ей со все большим трудом удавалось сохранять спокойствие. — Мэтт нечеловечески раздражает, если ты клонишь к этому.

По коридору прокатился звонок, и они направились к классам — до второго звонка оставалось около пяти минут. Хэйзел прикидывала, знают ли о слухах Джек с Картером. Если знают, лучше бы им не появляться в школе, пока шумиха не уляжется. Люди напуганы, а Джек оказался удобной мишенью. Никто не поверит, что Картер имеет какое-то отношение к случившемуся — а если и поверит, то ненадолго. Впрочем, они перестанут винить и Джека, как только хорошенько обо всем поразмыслят.

Во всяком случае, Хэйзел очень на это надеялась.

— Я все видела, — продолжила Леони. — Драка с Мэттом была странной. Такой странной, что вовек не забудешь.

Мэтт Йоско был на три года старше Хэйзел и Леони — красивый, с черными, как смоль, волосами и неизменной ухмылкой. Мэтт был вредной привычкой Леони: хуже, чем сигареты или трава, хуже любого козла, с которым кто-либо из них встречался. Он был из тех негодяев, что капают тебе на мозги, заставляя сомневаться в себе, и Хэйзел искренне его ненавидела. Это был один из немногих симпатичных мальчиков города, которых она и не подумала бы целовать. Впрочем, когда Мэтт уехал в колледж, Леони все равно прорыдала неделю.

— В смысле «странной»? — переспросила Хэйзел. Они остановились перед классом американской истории, но девушка не была готова закончить разговор. Ее сердце бешено билось. Очевидно, освобождение Северина из гроба — первая упавшая фишка домино, но Хэйзел все еще не знала, к каким последствиям это приведет. А если Северин был не первой фишкой, то она понимала еще меньше.

— Джек не бил Мэтта, — Леони покосилась в сторону: наверное, боялась, что их подслушают. — Мэтт вел себя не ужаснее обычного, а Джек... ну, Джек как-то странно улыбнулся, наклонился и что-то шепнул Мэтту на ухо. И Мэтт принялся бить себя сам.словно слетел с тормозов: колотил себя кулаком по лицу, пока не разбил губы и из носа не полилась кровь.

Хэйзел понятия не имела, как на это реагировать.

— Почему же ты никогда...

— Не рассказывала? Не знаю. Потом Мэтт как будто вспомнил, что подрался, и я с этим согласилась. Так казалось проще. Там были и другие ребята, и если они ничего прежде не говорили, то теперь наверняка расскажут. Вряд ли это был единственный раз, когда Джек сорвался. Проблема в том, что он не совсем откровенен. У него есть секреты. И он может делать разные *вещи*.

Звонок заставил Хэйзел подпрыгнуть.

— Надо было рассказать тебе раньше, — тихо проговорила Леони.

— Мисс Эванс, — окликнул ее учитель, лысеющий мистер Де Кампо. — Стоять под дверью моего класса и сплетничать с подругой — не то же самое, что присутствовать на уроке, так что предлагаю вам немедленно занять место за партой. Мисс Уоллес, вы опаздываете. Полагаю, вам придется пробежаться.

— Ты хорошая подруга, — сказала Хэйзел Леони.

— Знаю, — улыбнулась та, гримасничая в сторону мистера Де Кампо. — Увидимся за обедом.

Сев за парту, Хэйзел открыла тетрадь. Но вместо того, чтобы записывать основные положения внутренней политики эпохи федерализма, принялась набрасывать все, что знала. Девушка любила списки. Они были утешительно простыми, даже если состояли из безумств, вроде:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ:

Семь годков — отдай должок.

Поздно сожалеть, дружок.

ВАСМА — имя волшебного существа, околдовавшего меня?

Старинная история о фермере, обманувшем богарта.

В НЕБЕ ПОЛНАЯ ЛУНА; БЫТЬ В КРОВАТИ ТЫ ДОЛЖНА.

ДР. ИНФ.

Джек владеет магией, которую скрывает.

Северин свободен и очень опасен.

Его освободила я.

Еще опаснее чудовище, которое охотится за Северином и, возможно, погрузило Аманду в зачарованный сон.

Северин знает обо всем, что мы говорили рядом с гробом.

Кто-то (Ольховый король? из-за сделки?) заставляет меня делать разные вещи, пока я сплю. (По крайней мере, однажды.)

Северину нужен магический меч, который он называет каким-то-там-Сердцем, для неизвестного и, возможно, зловещего дела. (Убить того, кто наложил заклятие на Аманду? Убить Ольхового короля? Убить нас всех?)

Мой старый пропавший меч — тот самый меч???

Тут она остановилась. Мысль о том, что меч, который она нашла много лет назад, был именно тем,

который искал сейчас принц, приходила к ней и прежде, но она не позволяла себе на ней задерживаться. Если это так, значит, меч кто-то взял — или она сама кому-то его передала. Может быть, тому, кто оставляет ей записки? Таинственному существу по имени Васма?

А вдруг она заключила с Народцем вторую сделку, о которой не может вспомнить? Потеря памяти была частью сделки? Она так сильно вдавила ручку в тетрадь, что стержень погнулся.

Ей необходимы ответы. Чтобы их получить, она должна найти кого-то, кто обладает большей информацией. А это мог быть только один из Народца. Она подумала о вчерашнем сне и полнолунии, которое наступало этой ночью и предвещало пир. Может быть, Джек — со всеми его секретами — знает, как туда попасть? Тогда все, что ей нужно сделать — это пережить пир, получить информацию, придумать план и воплотить его.

Проще простого.

И она придвинулась на жестком пластиковом стуле к столу, размышляя, что же напелсти Джеку, чтобы убедить рассказать о пире.

После урока Хэйзел ждала парня у его шкафчика, но он не появился; в классе, где у него был следующий урок, его тоже не оказалось. Она так разволновалась, что когда ее вызвали на литературе, начала, всех рассмешив, рассказывать что-то из тригонометрии, которая была на прошлом уроке.

Хэйзел нашла Джека только в обеденный перерыв.

Он шел по коридору вместе с Картером. Девушка была недостаточно близко, чтобы расслышать, о чем они говорят, но голос Картера явно звучал сердито. Хэйзел уловила слова «со мной прошлой» и «подозреваю». Джек сторбился и выглядел измученным. На его щеке багровел синяк. Хэйзел представила, сколько людей к нему уже успело прицепиться.

— Джек! — окликнула она, пока окончательно не потеряла мужество.

Он обернулся, и его улыбки оказалось достаточно, чтобы девушке стало немного лучше. По крайней мере, до тех пор, пока она не увидела красные слезящиеся глаза — все из-за амулетов и масла, ведь любая защита от фей действовала и на него. Потом она заметила сбитые, с запекшейся кровью, костяшки на руках Картера. Значит, была драка.

— Можно тебя на минутку? — спросила Хэйзел, пробираясь к Джеку между толпящимися в коридоре ребятами.

Картер шутливо подтолкнул к ней брата:

— Иди же. Не томи девушку.

Хэйзел удивилась: чем она заслужила благосклонность Картера?

Джек выглядел немного смущенным.

— Да, конечно, на сколько угодно.

И они зашагали по коридору, подстраиваясь под походку друг друга. На Джеке был полосатый кардиган поверх потертой футболки с афропанковского

фестиваля. В ушах поблескивали массивные серебряные колечки. Джек явно пытался удержать улыбку ради Хэйзел, но она совсем не вязалась с выражением его лица.

— Ты в порядке? — спросила девушка, крепче прижимая учебники к груди.

Он вздохнул:

— Просто не хочу, чтобы Картер в это ввязывался. Ты, наверное, уже слышала. Но если что, он ей ничего такого не делал.

Хэйзел начала было протестовать — она и сама это знала.

Он покачал головой:

— И я тоже. Клянусь, Хэйзел...

— Слушай, — перебила она. — Я знаю, что это не он. И не ты. Прошлой ночью я видела Аманду с рогатым мальчиком.

— Что? — Его брови поползли вверх: необходимость убеждать Хэйзел в невинности Картера отпала сама собой. — Как?

— Я рассказала полиции, но не знаю, что это даст, — объяснила она. — Извини, что после такого прошу тебя об этом, но мне нужно знать, где Народец закатывает свой полнолунный пир. Ты мне поможешь?

— Ты об этом хотела со мной поговорить? — с прохладцей в голосе спросил Джек. — Вот почему ты меня остановила?

— Но мне правда нужно знать.

— Да, — тихо ответил он. — Я в курсе, где его устраивают.

Она не сдавалась:

— Ты на нем бывал?

— Хэйзел, — он предупреждающе возвысил голос.

— Пожалуйста, — попросила она. — Я в любом случае туда пойду.

Джек склонил голову, и Хэйзел снова подумала, что его черты совсем не такие, как у Картера: скулы выше, лицо более вытянутое. И, конечно, заостренные уши. Всего на мгновение — как тогда, когда он предупреждал их с Беном, — знакомое лицо стало чужим.

Хэйзел невольно подумала об истории Леони — о том, как Джек шепнул что-то Мэтту на ухо, и тот сам избил себя до крови.

— Мне пора в класс, — он пошел было прочь, но вдруг, явно устыдившись, обернулся к ней. — Прости меня.

Она схватила его за руку.

— Джек, — взмолилась она, — пожалуйста!

Он покачал головой, избегая смотреть ей в глаза.

— Ты знаешь, что у каждого полнолуния есть свое имя? Сейчас будет полнолуние Охотников, а в марте — полнолуние Червяков или полнолуние Ворона. В мае — Молочное полнолуние, в июле — Сенное. В феврале — Голодное, в конце октября — Кровавое. Миленькие названьица? Они тебе ни о чем не говорят, Хэйзел? Недостаточно предупреждают?

— Сколько раз ты там был? — шепотом спросила Хэйзел. Если миссис Гордон что-нибудь заподозрит, это точно разобьет ей сердце.

— Достаточно, — наконец ответил он сдавленным голосом.

— Я пойду с тобой, — сказала она. — Этой же ночью, в кровавую, охотничью — или какую там — луну, хоть в головурубительную, мне без разницы.

Джек покачал головой:

— Для тебя это небезопасно.

— Ты не слышал? Мне без разницы, — отрезала Хэйзел. — Кто-то меня использует, и мне нужно знать, кто и почему. К тому же тебе надо вернуть Картеру доброе имя. И себе тоже. Мы должны выяснить, что на самом деле происходит.

— Не проси меня об этом, — сухо ответил Джек.

Хэйзел задумалась: боялся ли он предать свою другую семью? Не был ли *его* Фэйрфолд совсем иным Фэйрфолдом — тем, который она не могла и представить?

— А я и не *прошу*, — заявила она так твердо, как только могла. — Я иду, даже если одна.

Он судорожно вздохнул и наконец кивнул.

— После школы. Я буду ждать тебя на детской площадке.

С этими словами он повернулся и побежал по коридору. Несколько случайных учеников, опоздавших на урок или бредущих в спортзал, отскочили от него, как от прокаженного.

ГЛАВА 11

Подменыши подобны рыбам, отпущенным обратно в водоем. Кукушатам, подброшенным воробьям. Они нигде не приживаются.

Джек вырос, зная, что он странный, но сперва даже не понимая, в чем. Его *не принимали* — и он это чувствовал. Он выглядел в точности, как его брат Картер: такая же темная кожа, доставшаяся от матери, такие же жесткие каштановые кудри и слишком длинные большие пальцы на ногах. Но что-то было не так. У него были папины янтарные глаза и подбородок, но родитель все равно смотрел на него встревоженным взглядом, словно хотел сказать: «Ты не тот, кем кажешься».

После ванны мама натирала его кокосовым маслом и пела песни. Бабушка обнимала и рассказывала сказки...

«Близ реки Ибо раскинулась деревенька...» — так начиналась одна из сказок: в ней говорилось о бабушкиных предках йоруба. У женщины по имени Бола был сын, который стал слишком тяжелым, чтобы носить его на спине на базар. Поэтому Бола до-

ждалась, пока он заснет, и пошла без него, заперев за собой дверь. Когда она вернулась, младенец по-прежнему спал, но из дома пропала вся еда.

Женщина подумала, что в жилище кто-то пробрался. Но дверь не была взломана, и кроме еды, ничего не пропало.

Вскоре после этого к Боле пришла соседка и попросила вернуть ей нитку раковин каури. Бола сказала соседке, что не занимала денег. Но женщина настаивала, утверждая, что к ней приходил сын Болы, якобы по поручению матери, которой нужны каури, чтобы купить больше еды.

Бола покачала головой и повела соседку в дом. Ребенок дремал на циновке.

— Видишь, — сказала она. — Мой сын еще очень мал, слишком мал, чтобы ходить и говорить. Как же он мог прийти к тебе? Как он мог попросить одолжить каури?

Соседка была в растерянности. Она уверяла, что ребенок, который приходил к ней, очень походил на спящего, но был гораздо старше. Услышав это, Бола ужасно встревожилась. Она не сомневалась в словах соседки и подумала, что в ее сына вселился злой дух. Когда муж Болы вернулся тем вечером домой, она все ему рассказала, и тот тоже встревожился.

Вместе они придумали план. Муж спрятался в доме, а Бола отправилась на рынок, оставив малыша спящим и заперев дверь, как и прежде. На глазах отца ребенок встал, его тело начало вытягиваться, и

он вырос до размеров десятилетнего. А потом набросился на еду: съел батат, плоды рожкового дерева, спелые манго, папайю и соленые бананы, запивая все это водой из калебаса. Он все ел, и ел, и ел.

В конце концов отец, немного придя в себя от увиденного, вышел из укрытия и окликнул ребенка по имени. Услышав звук отцовского голоса, мальчик вмиг превратился в младенца. Так Бола и ее муж убедились, что их ребенок действительно одержим злым духом. Они хлестали младенца камышовыми розгами, пока дух не был изгнан и родители не обрели свое дитя.

Джек ненавидел эту сказку, но бабушка рассказывала ее снова и снова.

Годы спустя, когда Джек узнал, как стал частью этой семьи, он вспомнил сказку и понял, почему папа так на него смотрел. Он не приходился сыном ни своему отцу, ни своей матери; он не был выбран ими, он был им навязан. Он был обтянут не своей кожей, смотрел на них не своими глазами и жил с ними жизнью, которую почти украл у Картера.

И, как ребенок Болы, Джек постоянно чувствовал голод. Он ел, и ел, и ел: сыр и хлеб, арахисовое масло банками и молоко галлонами. Когда один из родителей взял его с собой в магазин, он умудрился на обратном пути проглотить дюжину яиц. Они скользили по его пищеводу прямо со скорлупой, заполняя ноющую пустоту внутри. Летом он объедал с деревьев незрелые яблоки, а когда стеснялся по-

просить пятую порцию ужина, глотал ватные шарики, замоченные водой.

Когда Джек впервые увидел Хэйзел Эванс, то подумал, что она — существо, подобное ему. Девочка выглядела дикаркой: со слипшимися грязными волосами и лицом, измазанным ягодным соком; она бежала по лесу босиком, с мечом, болтающимся за спиной. Бен Эванс бежал за ней, почти такой же дикий.

Заметив его, они остановились.

— Что делаете? — поинтересовался Джек.

— Охотимся на чудовищ, — ответил Бен. — Тебе не попадались?

— Откуда вы знаете, что я не один из них? — спросил их Джек.

— Не глупи, — фыркнула Хэйзел. — Если бы ты был чудовищем, то сам бы об этом знал.

Джек не был уверен. Но они все равно показали ему, как искать ежевику, делать бутерброды из одуванчиковых листьев, дикого лука и молодых побегов папоротника. Хэйзел была верна себе, как никто другой. Она ничего не боялась. Не боялась Джека.

А Бен понимал, что значит обладать магией. Понимал, каким она может быть *отстойем*.

Это послужило одной из причин, почему они так сдружились. Им пришлось туго после того, как Бен вернулся из Филадельфии — отчасти потому, что они заключили соглашение: рассказывать друг другу все, о чем не могли рассказать никому другому. Бен

признался, что музыка то искушает, то ужасает его; рассказал, как просчитались его родители. Джек, в свою очередь, поведал другу, как внутри него вскипает магия, которую порой очень трудно скрыть, и рассказал Бену о голоде и одиночестве.

— Значит, наездники вернулись? — спросил Бен однажды после ночи полнолуния.

Они шли из школы мимо стеклянного гроба, куда Бен бегал в обед, чтобы поговорить со спящим принцем. Джек подумал было поддразнить друга, но влюбленность Бена в рогатого мальчика была лишь *чуть более* странной, чем влюбленность самого Джека.

Он с отчаянием во взгляде кивнул.

— Мама что-нибудь подозревает?

Джек пожал плечами:

— Она никогда ничего не говорит, но исправно натирает притолоки зверобоем, чтобы никто из Народа не пробрался... или чтобы я не выбрался. А в канун Вальпургиевой ночи вешает над дверью гирлянду из бархатцев.

— Хреново, — сказал Бен, глядя в небо. — Хотя, возможно, она проделывает все это по привычке. Если бы она знала, разве бы не рассказала?

— Может. На днях она велела Картеру положить в карман куртки сушеные ягоды падуба. Он взбесился и швырнул их в меня. Адски жгутся.

Бен вздрогнул:

— Могу представить.

Джек вспомнил, как целый час после этого бодела кожа, будто искусанная пауком. В Фэйрфолде знали кучу охранных средств. Люди носили их на шее, обмазывали ими двери, вешали на зеркала заднего вида в машинах. Дурацкий зверобой вызывал у него зуд. Тот же эффект оказывало железо холоднойковки, если оказывалось рядом, — а прикосновение к нему и вовсе оставляло ожог. От карманов, набитых толокном или могильной землей, он чихал. Некоторые амулеты вызывали головную боль, другие — головокружение. Ничто из этого не было смертельно, если не подходить слишком близко, но постоянные неприятные ощущения служили напоминанием, как мало он походил на людей.

Джек поднял сухую ветку и повертел ее в руке: — Лучше бы она знала.

Впервые они пришли два месяца назад, в полнолуние. Трое существ в серебристо-серых одеждах, все трое на лошадях — черной, белой и рыжей. Джек вынырнул из глубокого сна от звуков музыки, которая заставила его почувствовать острую тоску по ветру, дующему в лицо, и желание отринуть все человеческое. Подойдя к окну, он увидел их на лужайке, скачущих вокруг дома. Их глаза сверкали, а волосы развевались, как знамена. Они обогнули дом семь раз, а потом остановились, подняв головы, как будто заметили его в окне. Они были невероятно красивы и немыслимо ужасны: с черными глазами и красными ртами. У одного было настолько знако-

мое лицо, что Джеку показалось, будто это сон. Без каких-либо слов он знал: всадники хотят, чтобы он последовал за ними. Он покачал головой, стоя в обрамлении окна и впившись ногтями в деревянный подоконник. Спустя мгновение они развернулись и один за другим устремились прочь.

Утром, когда Джек проснулся, окно было распахнуто, хотя мама и промазывала перемычки. По комнате разлетелись листья.

— Жутко жуткие всадники, — сказал Бен.

— Ага, было жутко, — эхом отозвался Джек, сам чувствуя, насколько неискренне звучит его голос.

— Ты ведь не собираешься идти с ними в следующий раз? — поинтересовался Бен, явно поддразнивая друга.

— Заткнись, — Джек швырнул в него ветку, но Бен увернулся, и она пролетела мимо.

Внезапно тот встал как вкопанный и ухмыльнулся.

— Постой-ка, так ты?..

— Ты не представляешь, какими они были. И что я чувствовал. Ты не сможешь понять, — Джек не собирался рассказывать Бену, что уже сделал это в прошлый раз, но выпалил слова прежде, чем успел их обдумать. Он сожалел, что не отправился с ними в первое же полнолуние. Когда он отказался второй раз, это почти разбило ему сердце. В третий раз он не смог противиться зову. Теперь он уже не был уверен, что сможет найти силы, чтобы сопротивляться им.

Наверное, Бен понял, что чувствовал Джек, по выражению его лица, потому что вдруг посерьезнел и признался:

— Иногда я думаю о Кереме. Я боюсь, что понравился ему именно из-за музыки. Но это знание не удерживает меня от желания играть. Вот почему я сломал руку. Иначе я бы играл. Каждый раз, когда я бы хотел сделать что-нибудь плохое, я бы начинал играть.

Джек потрясенно моргнул.

— Почему ты не рассказал об этом раньше?

Бен фыркнул:

— Полагаю, берег эту историю для особого случая. Ну, чтобы ты почувствовал себя менее хреново, когда я тоже сообщу о себе нечто ужасное. Если не хочешь с ними идти, привяжи себя к кровати, как моряки. Помнишь, они привязывали себя к мачтам, чтобы не сигать в море, заслышав сирен.

Бен понимал больше, чем предполагал Джек, но все равно не мог знать, каково это — ездить с ними всю ночь напролет и купаться в лунном свете; не мог понять, как это — танцевать, пока не покажется, что удары ног вот-вот расколют землю; находиться среди созданий, которые никогда не были людьми и никогда ими не станут; быть *одним из них*. Бен не знал, какой стыд Джек испытывал после, когда на коже высыхал пот. Как он давал себе обещание, что уж в следующий раз точно никуда не пойдет.

Обещание, которое не в силах был сдержать.

ГЛАВА 12

Вместо обеда Хэйзел отправилась в уборную и брызнула на лицо водой, изучая в зеркале веснушки и вглядываясь мимо подводки и теней в синеву глаз. Девушка надеялась, что на нее посмотрит кто-то, кто знает, что делает. Кто-то, кто вытащит ее из всего этого. Ничего подобного.

Джек мог взять ее на пир, но там ей предстоит задать правильные вопросы, которые заставят фей думать, будто Хэйзел знает больше, чем на самом деле. Вопросы, отвечая на которые, они не догадаются, что открывают ей нечто новое. Однако девушка в зеркале не походила на искусную лгунью. Она выглядела так, будто уже опростоволосилась.

Если не получится обмануть фей, придется им что-нибудь предложить: Народец никогда не делает ничего задаром. Если бы Хэйзел была Беном, то сыграла бы песню — даже сломанными пальцами, — да так, что феи выполнили бы любую ее просьбу. Если бы Хэйзел была Джеком, феи ей бы и так все рассказали, ведь она была бы одной из них.

Но Хэйзел была Хэйзел. И не обладала никакой магией. А это означало, что ей придется быть на чеку, соображать и действовать очень быстро. Она со вздохом взяла бумажное полотенце, вытерла лицо и пошла в коридор.

Девятиклассник, выбежавший из-за угла, чуть в нее не врезался. Его лицо было мокрым. Младший брат Лурдес — Майкл, кажется. По его покрасневшим щекам струились слезы, с губ сорвался придушенный стон.

— Что такое? — спросила Хэйзел. — Что-то случилось?

— Я не могу, — выговорил он сквозь рыдания и прерывисто вздохнул, яростно вытирая лицо. — Нельзя останавливаться. Она идет. Она почти здесь!

И тогда Хэйзел услышала плач, раздающийся из классов. Тонкие стоны, перерастающие в визг.

Дверь справа от девушки распахнулась, и наружу хлынули старшеклассники. Их глаза были распахнуты от ужаса и мокры от слез. Меган Рохас упала на колени и начала с остервенением рвать на себе одежду.

— Пожалуйста, — прорыдал Франклин, поворачиваясь к Хэйзел. Страдания так исказили лицо парня, что она его едва узнала. — Пожалуйста, прекрати это. Поцелуй меня. Прекрати это!

Внезапно девушка вспомнила предупреждение Джека: *нечто еще более опасное, чем ваш принц, таится в его тени.*

Хэйзел отшатнулась от Франклина и его ужасного перекошенного лица. В воздухе стоял запах гнилых листьев и плесени.

— Это так грустно, — снова и снова повторяла Лиз, слова тонули в рыданиях. — Так грустно. Очень, очень грустно.

Хэйзел должна была что-нибудь предпринять — найти Бена, прежде чем с ним случится то, что случилось с остальными. Она бросилась бежать мимо шкафчиков и закрытых дверей, завернула за угол — в коридор перед классом рисования. Из окон, выходящих на газон, струился свет. Учительница литературы запирала дверь. Из другого класса раздался взрыв смеха. Как будто Хэйзел прибежала не из коридора, заполненного рыдающими учениками.

— Ты идешь с какого-то собрания? — спросила миссис Нельсон. — Я слышала шум.

Хэйзел, запинаясь, начала было объяснять, как вдруг над их головами ожил громкоговоритель. На другом конце кто-то рыдал. Слова застряли у Хэйзел в горле, словно конфета-тянучка.

Миссис Нельсон выглядела озадаченной:

— Должно быть, кто-то случайно нажал кнопку в кабинете.

Хэйзел слышала плач в каждом ударе сердца. В каждом вдохе. От него защипало в глазах. Стало так грустно, будто вся печаль, которую девушка когда-либо испытывала, разом обрушилась на нее.

Миссис Нельсон оступилась, и ее рука коснулась окна. Дыхание, обдав стекло, затуманило его, глаза наполнились слезами. Внезапно Хэйзел заметила какие-то зеленоватые пятна вроде плесени или мха, ползущие по стеклу. Вороны, перекаркиваясь, рассаживались по деревьям во дворе.

— Надо отсюда выбираться, — пробормотала Хэйзел невнятным плаксивым голосом. Она отступила и услышала стук упавшего на пол тела и тихий приглушенный плач.

Нужно что-то срочно придумать. Ее уже душили горячие слезы, а в голове теснились мысли обо всех потерях, которые она когда-либо пережила. Она вспомнила, как смотрела на обглоданного Адама Хикса, чувствуя себя совершенно беспомощной. Вспомнила, как плохо ей стало на одной из родительских вечеринок, когда она умяла большущий кусок торта, прежде чем поняла, что тот пропитан ромом. Девочка, пошатываясь, искала маму, но все вокруг казались незнакомцами. Ее бесконечно выворачивало в ванной — под конец даже с прожилками крови, — а потом какой-то мужчина принес ей стакан воды из-под крана. Хэйзел думала о той ночи и других ночах, думала о сломанных пальцах брата, о том, как на них один за другим чернели и отваливались ногти. Из всех мальчиков, которых она перецеловала, первыми в голову приходили имена тех, кто ее потом возненавидел. Вспоминалось только то, что ранило, но никак не то, что приносило

удовольствие. Хэйзел захотелось кинуться на липкий линолеум и рыдать, вечно и неутешно.

Бороться и держаться на ногах казалось бессмысленным, но Хэйзел продолжала стоять. Идти куда-то казалось таким же бессмысленным, но она все равно двинулась по коридору.

«Включи пожарную сигнализацию», — приказала она себе.

Хотя не была уверена, что сможет.

«Не гадай, сможешь-не сможешь», — не сдавался внутренний голос Хэйзел. — Просто сделай».

Плач становился все громче, вытесняя из головы любые мысли.

Пальцы девушки сомкнулись на красном металлическом рычаге. Навалившись всем своим весом, она с усилием потянула его вниз.

И тут, заглушая рыдания, причитания, вопли и карканье ворон, заорал сигнал тревоги. От его воя разрывалась голова, но теперь Хэйзел хотя бы могла думать. Спустя пару мгновений из классов начали вываливаться ученики — с мокрыми щеками, красными глазами и мертвенно-бледными лицами. Обычно коридор оглашался криками, сплетнями, телефонными звонками. Сейчас было тихо, как на похоронах.

— Лиз? — учитель труда присел рядом с упавшей миссис Нельсон. — Эванс, что здесь случилось? Что происходит?

— Не знаю, — ответила Хэйзел, глядя на громкоговоритель. По стене островками разрастался мох,

плотный, будто мех. Если он не сбавит темп, то скоро поглотит и сигнализацию.

Учитель удивленно моргнул, словно не до конца верил своим глазам и все еще пытался придумать какое-то рациональное объяснение.

Миссис Нельсон пришла в себя и приподнялась.

— Что происходит? — хрипло спросила она. — Это пожарная тревога?

Трудовик кивнул:

— Какая-то чрезвычайная ситуация. Давайте отведем вас наружу.

По стене, из угла, побежала крошечная трещина. Хэйзел наблюдала, как она расширяется, расходясь на две трещины, а сквозь них пробиваются виноградные лозы.

— Где горит? — спросил бритоголовый десятиклассник в спортивной форме, вывернувший из другого коридора.

— Все на улицу! — скомандовал учитель труда, указывая в сторону выхода. — Вы тоже, Эванс.

Девушка кивнула, хоть и не была готова идти. Она не могла оторвать взгляда от мха и бледных завитков виноградных лоз, которые лезли из расширяющихся трещин, подобно пальцам рвущихся из могил мертвецов.

Ученики устремились наружу, огибая Хэйзел. На их пути встал пожарный, заверявший учеников, что тревога ложная: возможно, кто-то просто пошутил.

Хэйзел прислонилась к окну и сделала несколько неуверенных вдохов.

В следующую секунду она увидела Молли, которая пробиралась по коридору против течения толпы. Она двигалась очень странно, словно ноги ее больше не слушались; лицо казалось пустым, а взгляд скользил по людям и предметам, пока не уперся в Хэйзел.

Сначала Хэйзел показалось, что у Молли посинели губы, но, присмотревшись, девушка поняла. они в зеленых, проступающих изнутри пятнах, как если бы она объелась ирисок со вкусом кислых яблок

Хэйзел стояла, не шелохнувшись. По спине пробежал неприятный холодок. Ей было страшно, когда остальные ребята плакали, но увидев, как двигается Молли, она испытала неведомое до сих пор отвращение. Хейзел понимала, что, хоть и видит Моллино тело, вовсе не Молли глядит из него ее глазами.

— Не подходи! — крикнула Хэйзел, инстинктивно выбрасывая руку вперед, отчего чуть не сбила девушку на пол.

Из Моллиных губ полился певучий, сладкий, как сахарный сироп, голос; голова свесилась набок.

— Я любила его, а он умер — остались одни косточки. Я любила его, а они забрали его у меня Где он? Где он? Умер — остались одни косточки. Умер — остались одни косточки. Где он?

С каждым словом с ее языка падали сгустки грязи.

— Что ты сделало с Молли? — дрожащим голосом спросила Хэйзел.

Коридор почти опустел. Пожарная тревога все еще звенела, но голос, раздающийся из рта Молли, легко перекрывал ее:

— Я любила его, а он умер — остались одни косточки. Я любила его, а они забрали его у меня. Где он? Где он? Умер — остались одни косточки. Умер — остались одни косточки. Мой отец забрал его. Мой брат убил его. Умер — остались одни косточки. Умер — остались одни косточки. Где он?

Молли два года была лучшей подругой Хэйзел. С ней она допоздна переписывалась о мальчиках, ей доверила обстричь свою челку. Когда они с Молли болтали на переменах, Хэйзел чувствовала, что в нормальности нет ничего плохого — можно просто весело проводить время, не слишком беспокоясь о том, что произойдет потом. Молли не волновали лесные феи: для нее они были всего лишь сказкой. Она считала, что все происшествия с туристами — выдумка, что они просто ужасно скучают и хотят, чтобы все верили, будто они особенные. Смотря на Фэйрфолд глазами Молли, Хэйзел видела совершенно другое место. Когда подруга предала ее, Хэйзел порой думала, что скучает по Моллиному взгляду на мир даже сильнее, чем по самой Молли.

Теперь у Молли не будет выбора, кроме как верить в Народец. Эта мысль привела Хэйзел в ярость.

— Ты ее не получишь, — прошептала Хэйзел, нащупывая амулет Бена и потихоньку стягивая цепочку с рябиновой щепкой. Существо никак не отреагировало, и Хэйзел накинута цепочку Молли на голову. Амулет повис у нее на шее. — Получило? Пошло прочь! Вон! Тебе здесь не рады!

Моллины глаза начали закатываться — пока не стали видны одни белки.

Сердце Хэйзел отчаянно забилося. Тело Молли тут же обмякло, и она рухнула на пол. Голова со страшным глухим стуком ударилась о линолеум.

— Помогите! — закричала Хэйзел. Она опустилась на колени, потянувшись к Моллиному запястью — прощупать пульс, и только тогда сообразила, что понятия не имеет, как это делается. Девушка снова и снова звала на помощь, но безуспешно.

Вдруг Молли открыла глаза, ошарашенно заморгала и ужасно, почти задыхаясь, закашлялась. Когда она подняла взгляд на Хэйзел, на ее лице читалось смещение, смешанное со страхом. Несомненно человеческое выражение.

— Хэйзел, — прохрипела Молли, выплевывая грязь вперемешку с листьями.

Почувствовав несказанное облегчение, Хэйзел привалилась спиной к стене:

— Ты в порядке?

Молли медленно кивнула, приподнимаясь и вытирая подбородок. Ее черные волосы, обычно уложенные гелем в идеальную прическу, спутались. Из не-

большой ранки на голове — там, где она ударилась об пол, — на воротник белой блузки капала кровь.

— Я видела его. Чудовище. Оно будто из старых узловатых веток, обросших мхом, а какие у него страшные черные глаза!

Хэйзел протянула Молли руку, и та крепко ее сжала.

По пустым коридорам по-прежнему разносился вой пожарной тревоги.

— Ты ведь всегда знала, что все по-настоящему? — страдальчески спросила Молли. — Как ты это выносишь?

Хэйзел пыталась подобрать слова, когда Моллины глаза закрылись. Она коротко вздрогнула и, словно марионетка с перерезанными ниточками, рухнула на пол. Хэйзел закричала, затрясла ее за плечи, но тело Молли было таким же безвольным, как и Амандино.

Значит, чудовищу надоело таиться в лесной чаще. Оно средь бела дня заявилось в Фэйрфорд, а Хэйзел даже не знала, можно ли его вообще убить.

Пришло ли оно за Северином, потому что его кто-то призвал, или по другой, неизвестной Хэйзел причине, — необходимо было сосредоточиться.

Нужно выбраться наружу самой и как-то вытащить Молли. Можно перенести ее на плечах, но это не слишком удобно: не получится ни сражаться, ни быстро двигаться.

— Жди меня здесь, — тихо проговорила Хэйзел, поднимаясь.

Она шла к выходу мимо трещины в стене, из которой, извиваясь, как змеи, лезли усики плюща, когда из-за угла выбежали двое. Картер с телефоном в одной руке и клюшкой — в другой. И размахивающий битой Робби Дельмонико. Увидев ее, парень вскрикнул и отскочил к стене, с грохотом наткнувшись на шкафчики.

Хэйзел поняла, что неосознанно сжала руки в кулаки:

— Какого черта?

— Расслабься. Мы тебя искали, — объяснил Картер. На нем были нагрудник от футбольной формы и наколенники. Хэйзел раньше не замечала, как сильно футбольная защита напоминает латы. Широкоплечий, с выдающимся подбородком, Картер выглядел, как сэр Морин из рыцарей Круглого стола. — Аварийная служба не пускает никого обратно в школу. Бен с Джеком застряли на парковке и скинули мне эсэмэску с предположениями, куда ты могла пойти.

И он неопределенно махнул куда-то рукой.

— Еще кое-что, — вставил Робби. — Мы нашли под столом в кафе трех девятиклашек. Все были без сознания — по крайней мере, я так думал, — но одна девушка вдруг открыла глаза и начала говорить что-то мега-жуткое про кости. Потом она снова отключилась. Мы передали их врачам через открытое окно, а сами остались внутри — убедиться, что все вышли.

Хэйзел кивнула. Теперь она вспомнила, какой Робби хороший парень и почему она его поцеловала, прежде чем все пошло не так. Самое трудное в том, чтобы быть желанной, — это и самое трудное в том, чтобы желать самой: желать до боли в животе, желать не просто целовать, а поглотить, как змея — мышку или Серый Волк — Красную Шапочку; желание превращает привычного тебе человека в незнакомца. Независимо от того, был ли это лучший друг твоего брата, или принц, спящий в стеклянном гробу, или девушка, поцеловавшая тебя на вечеринке, — в тот момент, когда начинает хотеться больше, чем просто прикоснуться губами к их губам, они становятся ужасными, и ты становишься ужасной.

— Умер — остались одни косточки, — пробормотала Хэйзел.

Робби занес биту, и его глаза расширились:

— Нет, только не это. Ты тоже?!

Хэйзел, вздохнув, покачала головой:

— Молли твердила это перед тем, как потеряла сознание. Она была — даже не знаю — одержима или что-то типа того.

— Молли Липскомб? — Картер взглянул мимо Хэйзел дальше по коридору и застыл, заметив Моллино тело. — Ты видела чудовище? Оно было здесь?

Хэйзел мотнула головой.

— Нужно вытащить ее отсюда. Я добуду стул, — она повернулась к Робби. — А ты найди веревку или нитки: что-нибудь, чем мы сможем ее привязать.

— Ага, окей, — Робби кивнул и направился к одному из классов.

— Джек сказал... — Картер обнаружил, что говорит скорее с собой, чем с ними, и, не закончив мысль, покачал головой. — Я побуду с Молли. А вы, ребята, тащите, что вы там придумали.

Заглянув во второй же класс, Хэйзел нашла учительское кресло на колесиках и выкатила его в коридор, а Робби обнаружил в одном из шкафов внушительный моток темно-синей бечевки. Хэйзел приподняла Молли; Робби держал стул, чтобы он не откатился под ее тяжестью. Потом Картер помог им привязать девушку, как будто она была заключенным, которого готовили к допросу, или мухой, попавшей в паучью сеть. Вскоре Молли — со свесившейся набок головой и по-прежнему закрытыми глазами — уже крепко держалась на стуле, несколько раз перевязанная бечевкой.

Затем Хэйзел отправилась за оружием. На одной из парт она нашла большие ножницы и швыряла их об пол, пока не получилось два «кинжала».

— Боже, это было громко, — пробормотал Картер, берясь за спинку Моллиного кресла. — Ну, поехали.

Они шли по пустынному коридору, вглядываясь в покинутые классы: на спинках стульев висели забытые куртки, на партах лежали тетради, ручки и учебники. На магнитных досках остались наполовину решенные задачки с валяющимися над ними

неиспользованными цифрами. На проекторе по-прежнему шел документальный фильм о генетике. Несколько столов в конце одного из классов полностью заросли мхом.

Когда они проходили мимо спортзала, тени удлинились. Хэйзел заглянула в него, и ножничные кинжалы блеснули в мигающем свете ламп под потолком — откуда, обвиваясь вокруг канатов, полз плющ. Сердце заколотилось в груди так бешено, будто хотело оставить внутри синяки.

Спортивный зал — с его блестящим скользким полом и скелетообразной металлической лесенкой — никогда не казался Хэйзел злобещим, но теперь она отчетливо вообразила, где могло бы таиться чудовище: например, под кучей матов — высунув наружу только пальцы, готовые обвиться вокруг лодыжки...

— Видишь что-нибудь? — спросил Робби у нее за спиной.

Хэйзел мотнула головой, довольная, что не показала парню, как сильно он ее напугал.

— Тебе необязательно помогать нам искать оставшихся, — заметил Картер. — Бери Молли и жми к выходу. Твой брат за тебя переживает. И *мой* — тоже.

В мигающем свете парни казались другими. Робби выглядел болезненным и немного безумным; круги под глазами стали заметнее. А Картер сильнее обычного походил на Джека: лицо заострили падающие на него тени. Немного фантазии — и Хэйзел

могла бы притвориться, что это не он, а его брат. На одно ужасное мгновение она поняла Аманду. Это как целовать гроб Северина. Не по-настоящему. А значит, не причинит боли.

— А почему бы тебе не пойти наружу? — забыв о вежливости, спросила Хэйзел Картера: девушке не нравилось, когда к ней относились снисходительно, а еще больше не нравился ход своих мыслей.

— Потому что это я виноват. Я был последним, кто ее видел. Все так говорят, и это правда.

— Что произошло? — спросила Хэйзел. Они шли мимо классов литературы и истории к главному входу, мимо актового зала со сценой, закрытой занавесом. Одно колесико Моллиного стула немного заедало, снова и снова издавая жалобный скрежет, от которого Робби снова и снова вздрагивал.

По некоторым классам гуляло эхо, но Хэйзел не могла распознать его источник. Ей чудилось, будто это ползет плющ или шаркает чудовище, скребя стену когтями. Девушка охотилась в лесу и знала, как перевозбуждение и адреналин усиливают звуки, так что собственное дыхание кажется посторонним шумом, — но игнорировать инстинкты тоже было чревато. В лесу она, по крайней мере, различала шорохи, ветер и шаги. Школа — другое дело. Здесь каждая мелочь заставляла Хэйзел стискивать зубы, а волосы на руках — становиться дыбом.

Картер заговорил снова, почти беззвучно: чтобы Робби не услышал.

— Мы поцапались. Я и Аманда. Она наговорила какой-то фигни о Джеке. Вроде того, что он даже не человек. Может, просто хотела меня выбесить. Короче, у нее получилось. Я вытолкал ее из машины, хотя был в курсе, что на этих своих дебильных каблуках она даже идти толком не может. До меня только квартала через три дошло, какой я придурок. Мама *прикончит* меня, если узнает, что я пригласил девушку на свидание и бросил ее не пойми где совершенно одну, не подумав, как она доберется до дома.

— И? — спросила Хэйзел.

— Когда я вернулся, Аманды уже не было. Больше я ее не видел, а ее родители не пустят меня в больницу, — он слегка повысил голос. — Эй, Робби, а ты? С чего вдруг шатаешься здесь, изображая героя? Почему не свалишь домой?

Робби криво усмехнулся:

— Единственное, что я усвоил из ужастиков — никогда нельзя разделяться. Кроме того, вы двое без меня пропадете.

— Что верно, то верно, — добродушно согласился Картер, хотя это и отдаленно не походило на правду.

— Эй, Хэйзел, а ты... — начал было Робби, но тут тишину разрезал крик.

Они побежали на него. Шаги гулко отдавались от пола, визг Моллиного кресла звенел в ушах. Крик доносился из женского туалета. Хэйзел ринулась вперед и толкнула дверь плечом, держа ножницы-кинжалы наготове.

Возле раковин стояла Леони. Из открытых кра-
нов, переливаясь на пол, хлестала вода. Увидев Хэй-
зел, она завизжала еще громче. Похоже, в туалете
больше никого не было, но Леони выглядела такой
напуганной, что Хэйзел решила удостовериться.
Она выбила ногой дверь первой кабинки — пусто,
только три окурка плавают в унитазе. Девушка
пнула вторую дверь — тоже никого. Она уже со-
биралась распахнуть третью, когда Леони схвати-
ла ее за руку.

— Что ты делаешь? Прекрати! — попросила Ле-
они. — Ты меня пугаешь.

— Я тебя пугаю? — сорвалась Хэйзел. — Это же
ты кричала!

— Чудовище... я его видела, — выговорила Лео-
ни. — Боже, я думала, что в коридоре безопасно, но
там было *оно*. Что с Молли?

— Ты его хорошо рассмотрела? — спросил Кар-
тер, маяча в дверном проеме. Они с Робби стояли
на пороге: даже сейчас мысль о том, чтобы зайти в
женский туалет, выложенный розовой плиткой и с
древним аппаратом с тампонами на одной из стен,
казалась им запретной.

Леони покачала головой:

— Я видела *нечто*. Оно было ужасно...

— Мы почти у выхода, — содрогнувшись, напо-
нил Робби. — Может, просто уберемся отсюда?

— А вдруг оно нас поджидает где-нибудь побли-
зости? — предположила Леони.

— Поэтому-то и надо уходить, — громко заявил Робби, как будто забыл, почему они до сих пор шептались. Как будто забыл, что они остались внутри, чтобы вывести как можно больше людей.

На мгновение Хэйзел подумала сбежать от них, забраться поглубже в школу и ждать там чудовище, готовясь к бою. В детстве она так часто мечтала сразиться с ним, воплощением леса и ужаса. В ее фантазиях схватка походила на битву с боссом в компьютерной игре. Если она выигрывала, все остальные ужасы тоже прекращались.

Инстинкты подталкивали ее к борьбе. Пальцы сильнее сжали кинжалы, в жилах забурлила кровь. Ей хотелось найти чудовище и прикончить его...

— Так, заткнулись все! — прикрикнул Картер. — Хэйзел, как ты думаешь? Будем выбираться отсюда или продолжим искать людей?

— Почему ты ее-то спрашиваешь? — запротестовал Робби.

— Потому что мое мнение мне известно, твое тоже, а что думает Молли, значения не имеет. И потому что... — начал было Картер, но замолчал, повернувшись.

Снаружи раздался жуткий звук: будто кто-то волок по коридору тело. Внезапно одна из ламп, горевших под потолком, взорвалась каскадом искр, и из раковины начал лезть мох. Зеркала пошли пятнами плесени. Картер оттолкнул стул с Молли подальше в комнату; ее голова окончательно свесилась

набок, волосы закрыли лицо. Робби захлопнул дверь, и Картер зафиксировал ручку ключиком.

Никто не сказал ни слова. Хэйзел втянула воздух и задержала дыхание.

По узорчатому стеклу промелькнула тень — кто-то прошел по ту сторону двери. Кто-то огромный: больше двух метров в высоту, напоминающий очертаниями человека — если бы люди состояли из веток, виноградных лоз и земли. У него была сгорбленная спина, а макушка напоминала узловатый пенек. Непомерно длинные ветки-пальцы болтались в воздухе.

На мгновение существо остановилось, как будто расслышало биение их сердец и ощутило дыхание. Но через пару секунд двинулось дальше, шелестя по коридору.

Хэйзел считала про себя. *Тысяча. Две тысячи. Три тысячи. Четыре тысячи. Пять тысяч.*

— Я голосую за то, чтобы убраться, — прошептала она. — Прямо *сейчас*.

Картер распахнул дверь, и они побежали к выходу. Моллин стул, подталкиваемый Робби, катился все быстрее и быстрее; кроссовки Леони взвизгивали, касаясь пола. Хэйзел бежала последней, постоянно оглядываясь через плечо. Она ждала, что существо вот-вот выскочит из тени, вцепится в них своими ужасными руками и задушит грязью. Паника гнала девушку вперед, сопротивляясь желанию остаться и сразиться. Только когда ребята миновали парадные двери и всей грудью глотнули хо-

лодного осеннего воздуха, Хэйзел поняла, что им удалось выбраться из школы.

С деревьев взметнулись каркающие вороны — в воздухе замелькали черные перья, — словно потревоженные мухи разлетались с трупa.

Двор освещали мигалки скорых и полицейских машин. Здесь же толпились ученики — но, похоже, многие уже разошлись по домам. Синие и красные огни, ложась на лица оставшихся, делали их призрачными

— Там еще кто-нибудь есть? — спросил сотрудник скорой, когда они зашагали по ступенькам.

— Чудовище! — ответила Леони. В ярком дневном свете Хэйзел заметила, как растекся ее макияж — она явно плакала.

— Произошла утечка газа, — пояснил врач немного озадаченно и встревоженно. — Вы могли надышаться...

Не утруждая себя ответом, Леони закатила глаза и пошла дальше; Картер нес стул с Молли. Бен взбежал вверх по лестнице и обнял Хэйзел. Она обняла его в ответ, по-прежнему стискивая половинки ножниц в руках — они прижались к его спине.

— Совсем с ума сошла? — прошептал он, уткнувшись ей в волосы.

Она посмотрела мимо брата: Джек сидел на капоте машины Бена, наблюдая за ними своими серебристыми глазами. *Я трижды предостерегу вас — это все, что мне дозволено.* Знал ли он обо всем этом, но просто не мог рассказать?

— Я же сумасшедшая, — прошептала она в ответ.

Весьма внимательный волонтер из бригады скорой помощи осмотрел Хэйзел и отпустил девушку домой, ~~велев~~ без промедлений обратиться в больницу, если ~~она~~ почувствует даже малейшее головокружение.

Бен ждал сестру у машины, тихо переговариваясь с Леони. Хэйзел пошла было к нему, но тут Джек поймал ее за руку. Когда девушка испуганно обернулась, его пристальный взгляд заставил ее смутиться.

— Полагаю, встреча на площадке отменяется, — сказал он.

— Только не говори, что передумал брать меня с собой, — отрезала Хэйзел. — Не после того, что сейчас произошло.

Она пыталась сдержать дрожь в голосе, но не сильно в этом преуспела.

Джек покачал головой. Синяк на его щеке выглядел ужасно: отек увеличился, кожа вокруг глаза стала виноградно-фиолетовой.

— Приходи к моему дому на закате, только не заходи внутрь, хорошо? Я улизну и встречу тебя на заднем дворе. Пойдем оттуда.

— Хорошо, — кивнула Хэйзел, удивленная и успокоенная, что не пришлось спорить, но все же немного напуганная. — А что мне надеть?

В глазах Джека зажглось лукавство. Первый раз за день его что-то развеселило:

— Все, что захочешь. Или вообще ничего.

По дороге домой Хэйзел рассказала Бену про чудовище, очертания которого увидела через стекло, и про виноградные лозы и мох, расползающиеся по школе. В ответ он рассказал, как Джек вытолкал его из школы, как только все это началось. Джек собирался вернуться за Хэйзел и Картером, но несколько учителей его остановили и запретили заходить внутрь. Более того, они недвусмысленно дали понять, что считают, будто это он во всем виноват.

— Это должно прекратиться, — со вздохом сказал Бен. — Они должны понять, что Джек не имеет к этому никакого отношения. Мы все его хорошо знаем.

Хэйзел кивнула. Но она помнила, как шарахались от него утром; помнила свежий синяк на его щеке и историю, которую рассказала Леони после стольких лет молчания. Сколько людей хранили похожие истории? Сколько учеников видели, как он приподнимал маску, и не могли об этом забыть?

— И мы с тобой так и не поговорили, — напомнил Бен, паркуя машину перед домом. — О Северине и той ночи, когда он освободился.

Хэйзел кивнула, хотя надеялась избежать разговора до тех пор, пока не вернется с пира.

Мама сидела за кухонным столом и курила. Хэйзел уже много лет не видела ее с сигаретой. Когда они вошли, мама положила окурок на край тарелки и рывком встала.

— Что с вами такое? Не подходите к телефонам! Я чуть с ума не сошла, пока обзванивала всех подряд, чтобы узнать, что происходит. Мне позвонили из школы, но толком не объяснили, в чем дело. А теперь еще комендантский час ввели. Возможно, нам стоит поехать к папе и какое-то время пожить в городе...

— Комендантский час? — переспросил Бен.

— По телевизору был экстренный выпуск новостей, — сказала мама, махнув в сторону «ящика». — Никто не должен выходить из дома без крайней необходимости. А сегодня категорически запрещается покидать дом после шести.

— И какую объявили причину? — поинтересовалась Хэйзел.

— Штормовое предупреждение, — ответила мама, приподнимая брови. — Что там на самом деле произошло?

— Штормовое предупреждение, — пробормотала Хэйзел и побежала вверх по лестнице, перепрыгивая две ступеньки за раз.

Оказавшись в своей комнате, она тут же устремилась к шкафу. Множество старомодных платьев, пара изношенных джинсов и дырявые свитера; что-то висит на плечиках, что-то валяется кучей на полу, закрывая еще одну кучу — обувную. Казалось, тут не было ничего подходящего для волшебного пира. Ничего, что убедило бы Народеу с ней считаться.

Кроме того, в новостях обещали бурю.

ГЛАВА 13

Джек просил прийти на закате, но к тому времени, когда Хэйзел добралась до места, уже почти совсем стемнело. Девушка вышла из дома, как только выбрала наряд, тихо и спокойно выскользнув прямо через парадную дверь, — так что мама с братом, сидящие в гостиной, ничего не заметили. На кровати она оставила мобильник и записку, чтобы Бен не смог с ней связаться, но и не слишком беспокоился. Она вернется на рассвете и тогда — *только тогда* — все ему расскажет.

Джек ждал ее на заднем дворе, бросая мячик золотистому ретриверу по кличке Печенька. Свет с крыльца озарял узкую полоску травы, по которой они бегали. В ту минуту Джек казался совершенно обычным парнем — если не обращать внимания на заостренные уши. Если не верить историям. Иначе он выглядел устрашающе: как некто, разыгрывающий из себя человека. Когда Хэйзел подошла ближе, собака залилась лаем.

— Пора домой, приятель, — сказал Джек Печеньке, бросив взгляд в сторону леса. Неужели он увидел ее в темноте, удивилась Хэйзел.

Девушка ждала, жалея, что не захватила куртку: осенний воздух стал холоднее, как только последняя вспышка оранжевого света на горизонте ознаменовала наступление ночи. Чтобы хоть как-то отвлечься, Хэйзел принялась собирать каштаны, вытаскивая их из колючих шкурок. Было немного больно, когда скорлупки попадали под ногти, зато очень приятно чувствовать, как они распадаются в руках.

Девушке показалось, что она простояла на краю леса целую вечность, хотя на самом деле прошло минут пятнадцать, пока окно на втором этаже не открылось, и Джек не вылез на крышу.

В гостиной работал телевизор — Хэйзел видела вспышки света. Миссис и мистер Гордон сидели в креслах друг напротив друга. У него на коленях стоял ноутбук, в бледном сиянии которого тени снаружи казались еще глубже.

Джек шагнул с крыши на ветку дерева, немного прошел по ней боком и спрыгнул на землю. Хэйзел приготовилась услышать шум, на который родители повернут головы, а Печенька снова залает, но парень приземлился совершенно беззвучно. Когда он соскочил с ветки, только листья зашелестели, будто потревоженные ветром.

Хэйзел встретила его на краю леса — слегка дрожащая, но храбрящаяся.

— Привет, — сказала она, разжимая руки. Каштаны попадали на землю. — Куда идти?

— Чудесно выглядишь, — ответил он, и его глаза засеребрились в темноте.

Девушка немного смущенно улыбнулась. Единственным, что она посчитала уместным надеть, оказались джинсы и зеленый бархатный топ, который она отрыла в самом дальнем углу шкафа. В ушах висели серебряные кольца, а на ногах были любимые ботинки. Она надеялась, что выглядела достаточно модно для Волшебного царства.

— Сюда, — прошептал Джек и пошел первым. Хэйзел последовала за ним.

Лес, освещенный лишь луной, был полон теней и секретных троп, которые, казалось, открывались прямо перед ними; скоро стало понятно, что Джек видит в темноте гораздо лучше Хэйзел, которая честно старалась не отставать и не спотыкаться. Она не хотела давать парню повод думать, что лучше было не брать ее с собой.

Когда они отошли подальше от дома, Джек обернулся:

— Я должен тебя кое о чем предупредить.

— Всегда быть приветливой, — начала Хэйзел, повторяя то, что ей тысячу раз говорили озабоченные взрослые, которые не хотели, чтобы местные ребята вели себя, как туристы. — Всегда делать то, что просят феи, если это не противоречит другим правилам. Никогда не благодарить. Никогда не есть их еды и не пить напитков. Никогда не петь, если нет ни голоса, ни слуха, никогда не танцевать и ни-

когда не дерзить — вообще никогда, ни при каких обстоятельствах. Такие предупреждения?

— Совсем не такие, — Джек неожиданно взял ее за руку своей теплой рукой. Парень говорил с таким жаром, что Хэйзел почувствовала его дыхание на своей коже. — Мне стыдно туда ходить. Поэтому я и отнекивался. Я знаю, как это рискованно и *глупо*. Мне этого не хочется, но когда начинается пир, у меня в затылке будто что-то гудит. Словно кто-то вдалеке нашептывает песенку, а я с трудом могу разобрать музыку и подаюсь вперед, чтобы как следует расслышать. Иду, уверяя себя, что в следующий раз этого не повторится, но когда следующий раз наступает, все повторяется, и так снова и снова.

Джек отпустил ее руку. Слова явно дались ему нелегко.

Хэйзел почувствовала себя ужасно. Она была так занята, решая свои головоломки, что совсем не задумывалась, о чем его просит. Последняя вещь, которую девушка хотела бы сделать, — это причинить Джеку боль.

— Ты не обязан идти со мной. Я же не знала. Просто укажи дорогу, и я пойду сама.

Он покачал головой:

— Ты не можешь удержать меня от пира — никто не сможет. В этом-то и беда. Лучше бы ты вернулась домой, Хэйзел.

— Я тоже не могу, — ответила девушка.

Он кивнул:

— Что ж, тогда слушай. Я не знаю, как защитить тебя от них, не знаю, что они могут попробовать с тобой сделать. Единственное, что я знаю наверняка, так это то, что они ненавидят напоминания о моей человеческой жизни.

— Думаешь, я буду напоминанием? — уточнила она.

— И для них, и для меня, — он снова зашагал. — Будь осторожна. Бен никогда не простит мне, если с тобой что-нибудь случится.

Эти слова задела ее.

— Ага, только Бен мне не хозяин.

— Тогда я никогда не прощу себе.

— Ты будешь... — сперва она колебалась, но потом заставила себя спросить: — Ты будешь выглядеть там по-другому?

С его губ сорвался удивленный смешок:

— Я — нет. А вот остальные — возможно.

Хэйзел гадала, что означают его последние слова, пока они продолжали брести по лесу. Девушка чувствовала, что Джек немного медлит, чтобы она за ним поспевала, но одновременно ощущала его неукротимое желание быстрее оказаться на пиру.

— Расскажи мне, — попросил он, останавливаясь — Хэйзел как раз запнулась за какой-то камень — и глядя сперва на полную монету луны, а потом на девушку. — Расскажи, что ты знаешь о рогатом мальчике и Аманде.

— После того, что случилось в школе, я уже не уверена в своих знаниях, — призналась Хэйзел. — Рогатый мальчик сказал, что за ним охотится чудовище, а ты говоришь, что его ищет Ольховый король Думаешь, это король послал чудовище?

— Может, — улыбнулся Джек, произнося слово нарочито нечетко. — Тебе лучше знать, это ведь ты с ним говорила.

— Он искал меч, — добавила Хэйзел. — Сказал, что это единственный способ победить чудовище.

Хэйзел не рисковала заходить так глубоко в лес с тех пор, как была ребенком — но даже тогда отдавала себе отчет, что вступает в опасные земли. Здесь обитали древние деревья, их массивные стволы и ветви, переплетшиеся над головой, заслоняли звезды. Первые опавшие листья затрепачали у Хэйзел под ногами, словно она шла по ковру из старинной ломкой бумаги.

Джек пристально посмотрел на девушку.

— Ты говорила что-то еще — о том, что они тебя используют.

— О, ты это помнишь? — пробормотала она.

— Трудновато забыть, — заметил парень.

— Я... я выпадала из времени. Не знаю, сколько раз, — прежде она не говорила вслух ничего подобного.

Джек смерил ее долгим изучающим взглядом.

— Это... нехорошо.

Хэйзел фыркнула и пошла дальше. Парень больше ничего не спрашивал. И она была рада его мол-

чанию. Девушка боялась, что он попытается вытянуть из нее ответы — на его месте она бы так и поступила. Но, очевидно, Джек предоставил ей самой решать, что и когда ему рассказать.

Они пришли к вздыбившемуся холму, вокруг которого неровным кольцом рос колючий кустарник. Он плотно оплетал ступеньки, ведущие на вершину, где покоился поросший травой фундамент недостроенного здания. Ступеньки растрескались и обветшали, мох пробивался из трещин и полз по арке. Воздух был наполнен звуками: тихой музыкой и смехом, которые то зарождались, то смолкали, разносимые ветром.

Вдруг Хэйзел догадалась, куда они пришли, хотя раньше об этом месте только слышала.

Молитвенный дом, который пытался строить один из основателей города, пока не понял: холм — священное место Народноца. По легенде, все, что было построено за день, ночью разбиралось, а расчищенная земля к рассвету снова зарастала травой. Лопаты ломались, а несчастные случаи оставляли людей со сломанными костями, пока центр Фэйрфолда не перенесли на несколько миль южнее. Там новый молитвенный дом удалось построить без происшествий.

«Фейский холм — пустой внутри, — сказала однажды миссис Шредер. — Пустой, как и их обещания. Сплошной морок и разочарование».

Хэйзел вздрогнула, вспомнив ее слова.

Джек подошел к перекрученной плети колючего кустарника, который цвел алыми розами с бархатистым, густым, как мех, ворсом на лепестках. Стебли медленно поползли в стороны, сворачиваясь и освобождая путь: если не смотреть за ними в оба, всего на минутку отвлечься и оглянуться обратно, могло показаться, будто тропинка была здесь всегда. Парень вскинул брови и улыбнулся.

— Это ты их заставил? — шепотом спросила Хэйзел, даже не зная, почему шепчет. — А тропинка меня пропустит?

— Я не уверен. Просто держись поближе, — посоветовал Джек, и колючая плеть за его спиной сжалась в спираль.

Они поднялись по крутому склону, идя вплотную друг за другом, чтобы шиповник пропустил девушку: ее рука — на его спине.

Перешагнув через ступеньки, Джек трижды топнул по порогу у арки и сказал:

— Лорды и леди в мире невесомом, лорды и леди во всем зеленом, трижды я топнул по земле, холм мой родной, дай пройти мне.

От этих слов по спине Хэйзел пробежал холодок. Стихотворение напоминало то, что они распевали детьми, когда играли в лесу, но казалось гораздо более древним — кто же его сочинил?

— Так просто? — спросила она.

— Так просто, — он широко улыбнулся, словно пытаясь ее подбодрить. — Твоя очередь.

Затем, шагнув через арку, Джек позволил себе упасть.

Хэйзел даже вскрикнуть не успела. Она бросилась вперед, беспокоясь, все ли с ним в порядке, но его там не было. Как сквозь землю провалился. Она увидела лишь остальную часть холма, старинный фундамент и серебристый ковер высокой травы. Не представляя, что делать, девушка прыгнула через арку, надеясь, что она пропустит и ее.

Хэйзел приземлилась на траву, потеряла равновесие и с размаху упала на колени. Ежевика порвала джинсы и бархатный топ. Девушка не перенеслась в другой мир, а осталась точно там же, где и раньше. Одна.

Ветер закачал шиповник, принесся звонкий смех.

— Джек! — закричала девушка. — Джек!

Ночь поглотила ее голос.

«Так просто», — сказал Джек. Но колючки перед ней не расступались, да и стихотворение вряд ли сработает — слова ведь не подходят. Холм не был ей родным. Она не принадлежала к Народу и не обладала никакой магией. Это что, испытание? Встав, Хэйзел снова поднялась по лестнице. Девушка не дружила с рифмой, но, может быть, если немного изменить стихотворение, холм откроется и для нее? Эта магия была пугающей. Трижды топнув, она набрала полную грудь воздуха.

— Лорды и леди в мире невесомом, лорды и леди

во всем зеленом, трижды я топнула по земле... — Хэйзел заколебалась, а потом назвала единственную причину, по которой, как она думала, Народец мог позволить ей побывать на своем пиру: — Повеселиться охота и мне.

Крепко зажмурившись, девушка шагнула через арку. Она упала, как и раньше, но на этот раз провалилась *сквозь* траву. Хэйзел отчаянно забарахталась. Ноздри заполнил насыщенный запах сырой земли, а ногти принялись царапать крошечные камни и сорняки, пытаясь за них зацепиться. Хэйзел сделала последний судорожный вдох, и ее накрыла тьма.

С губ сорвался непроизвольный крик. Желудок сжался. Девушка перевернулась в воздухе; мир под ней казался расплывчатой мешаниной безумных картинок и звуков. Внезапно она зависла, пойманная сетью длинных бледных мохнатых корней. Под ней, в свете крошечных блуждающих огней и мерцающих костров, шел пир. Там были площадки для танцев, банкетные столы и феи — в мехах, доспехах и великолепных одеяниях. Некоторые смотрели вверх, показывая на нее и смеясь, но большинство даже не заметили, что над ними, подобно живой люстре, висит девушка. А потом Хэйзел увидела стоящий на огромных серых плитах трон, устланный шкурами и словно высеченный из цельного камня. На нем восседал мужчина в доспехах. Паж ему что-то шепнул, и тот повернулся к Хэйзел. Улыбкой он ее не удостоил.

Девушка предстала при дворе Ольхового короля в полнолуние. Наверное, она не смогла бы сделать ничего более безрассудного, даже если бы захотела.

Хэйзел оттолкнулась ногами, чтобы опереться о корни и, возможно, начать карабкаться вверх. Но как только сделала это, корни ее отпустили. Хэйзел снова упала — на этот раз сильно ударившись о землю.

Пару мгновений девушка просто шурилась на сводчатый потолок. Затем она осмелилась встать на колени, и чья-то рука помогла ей подняться.

— Спасибо, — по привычке пробормотала Хэйзел.

И только потом осознала свою ошибку. *Никогда не благодарить.*

Перед ней стояло черноглазое чудовище с выражением явного отвращения на лице. Тусклый мех, росший от острого носа и выступающих скул до гребня на макушке, ниспадал на плечи и брюхо существа. На нем был только неровный кусок кожи, обмотанный вокруг пояса. Чудовище отпустило девушку с таким видом, будто прикоснулось к чему-то мерзкому, и, размашисто шагая, удалилось. Хэйзел ошеломленно заморгала ему вслед.

— Извините, — пробормотала она, не представляя, станет от этого лучше или хуже.

Пир не походил ни на что, что она воображала раньше — даже когда мечтала о рогатом мальчике. И был совсем не таким, как рассказывали в городе.

В воздухе болезненно сладко звенела музыка. Хэйзел стояла, задыхаясь и пошатываясь. Существа кружились на земляном полу: некоторые с подвижным, текучим изяществом, другие с громким топотом. Крошечные феи, трепеща истрепанными крылышками, порхали вокруг и скалили на Хэйзел зубы. Низкорослые создания в болотно-коричневых одеждах и с волосами, торчащими, словно пестики цветов, играли в кости и залпом пили из дутых стеклянных бокалов и деревянных чашек. Высокие существа, будто светясь изнутри, кружились в платьях из листьев, причудливых корсетах из коры и тонких серебряных кольчугах.

Другие феи, гораздо меньше походившие на людей, бродили по залу на ногах-ходулях или мелькали под потолком; лица их походили на корявые сучки.

Они были одновременно и красивыми, и ужасающими. Все без исключения. Среди них, не обращая внимания на опасность, ходили люди, которых Хэйзел узнала. Жители Фэйрфолда. Мисс Дональдсон, воспитательница детского сада, босиком танцевала с соволицым существом. Улыбающийся Ник — длинноволосый парень, который подрабатывал заточкой ножей, ходя от двора к двору, — шатался посреди толпы, а за его спиной развевались черные шелковые шарфы. Рядом с ним крутился другой парень, имени которого Хэйзел не знала, но встречала его прежде. Он работал в городском универмаге — в основном расставлял товары по пол-

кам. Однажды девушка видела, как он жонглировал яблоками в овощном ряду. Людей было немного, но Хэйзел то и дело узнавала человеческую одежду, даже если не могла различить лиц в толпе.

Хотя действительно ли они были людьми? Или феями, живущими среди них в чужом обличье? Если же они все-таки были людьми, понимали ли, где находятся, или просыпались с грязными ногами, как Хэйзел, и потом не могли вспомнить, где провели ночь?

Девушка узнала не только некоторых людей, но и одно существо. В углу сидел заросший шерстью огр по имени Пугало и жевал золотистых жуков. Она знала о нем: была наслышана о его любви к человеческой плоти и даже вычислила, где может находиться его логово, когда была маленькой девочкой с большим острым мечом. Пугало кровожадно оскалился, глянув в сторону Хэйзел, словно тоже ее признал.

«Пошевеливайся, — велела она самой себе. — Не стой столбом».

Хэйзел двинулась в случайно выбранном направлении, переставляя ноги без малейшего понятия, куда и зачем идет. Она все еще не видела Джека, но он наверняка где-то рядом. И хотя без него она чувствовала себя неуверенной и напуганной, ей предстояло найти способ разузнать о рогатом мальчике, чудовище и таинственном послании от существа по имени Васма. Иначе все страхи и опасности пережиты зря.

Хэйзел бродила по пиршественному залу, стараясь держаться подальше от танцующих. В воздухе стоял головокружительный аромат левкоя, роз и шалфея.

— Какой желаете напиток? — поинтересовалось маленькое длинноносое существо с коротким хвостом и черными, как вороново крыло, глазами. Оно приподняло небольшой поднос с крошечными деревянными чашечками, на дне которых мерцала какая-то жидкость — буквально на один глоток. — Клянусь луной и маисом, вы никогда не пивали ничего слаще.

— Нет, спа... — девушка вовремя удержалась, чтобы не поблагодарить еще одного из Народца, и просто покачала головой. — Пока не хочется.

Существо пожало плечами и засеменило дальше, но это столкновение напугало девушку. Хэйзел знала все правила, но следовать им оказалось неожиданно трудно. Так легко делать неправильные вещи машинально: намного легче, чем она предполагала.

Смеющаяся женщина с рыжими, заплетенными в толстые косы волосами, которая шла мимо со своим козлоголовым собеседником, внезапно приостановилась.

— Не ты ли рисовала меня однажды? — спросила она Хэйзел, очень ту удивив.

Девушка не сразу поняла, что эльфийка вообще имеет в виду. Но тут вспомнила старую историю, случившуюся с Беном:

— Наверное, вы перепутали меня с мамой.

Женщина озадаченно нахмурилась.

— Неужто с тех пор утекло столько воды? Тогда ты должна быть моим подростшим музыкантом! Улади же мой слух песней в благодарность за благословение!

Хэйзел покачала головой:

— Это был мой брат. Я тогда еще не родилась, и я ничего не понимаю в музыке. Не думаю, что вам бы захотелось услышать, как я пою, — она задумалась, рассказать ли эльфийке, как мало радости принес Бену ее дар, но потом решила, что это нарушит правило вежливости. — Но, гм, я передам брату, что видела вас.

— Передай, — кивнула эльфийка. — Скажи, чтобы приходил поиграть Мелие, и я сделаю так, чтобы с языка его падали рубины.

Слова больше походили на угрозу, чем на обещание, но Хэйзел кивнула и, не зная, что делать дальше, слегка поклонилась, прежде чем ретироваться. Дальше она пошла быстрее, проталкиваясь локтями сквозь веселящуюся толпу: мимо волынщиков и скрипачей; мимо тонких, как палочки, фей с будто припудренными крылышками; мимо гибких зеленых женщин с черными губами и языками, в платьях, легких, как туман; мимо длиннопалых девушек с коронами из веточек, вплетенными в облака распущенных волос; мимо смеющихся юношей с львиными лапами; мимо девушек-ворон, хохочущих, как по команде; мимо огромных безобразных

существ, поросших мхом и с зубами, которые больше напоминали обломки камней.

Вдруг кто-то схватил Хэйзел за руку. Она с криком обернулась, пытаясь высвободиться, прежде чем поняла, кто ее держит.

— Хэйзел, — выдохнул Джек, запыхавшийся и явно паникующий. — Я не мог нигде тебя найти!

— Ты меня бросил. — Тон получился более резким, чем она хотела.

— Ты была прямо за мной, — принялся оправдываться он. — Я думал, ты просто пройдешь следом, как по тропинке.

— Не получилось, — ответила Хэйзел.

Джек был не один: рядом с ним стояла высокая худая эльфийка с серебристо-коричневой, как кора, кожей. Ее глаза меняли цвет: то блестели золотом, то разгорались зеленью.

Эльфийская мама Джека. Ее глаза были точно такие, как в истории.

— Рыжие волосы, — проговорила она, поворачивая голову Хэйзел из стороны в сторону и внимательно ее рассматривая. Затем эльфийка вытянула один локон и резко его дернула. — Обычно рыжие волосы означают, что их обладательница — ведьма. Ты ведьма, дитя?

— Нет, мэм, — ответила Хэйзел, по крайней мере, вспомнив о том, как важно быть вежливой.

— Что же привело тебя сюда? Или мне надлежит спросить — кто?

— Васма, — выпалила Хэйзел, надеясь, что это имя хоть что-нибудь означает.

— Ты, должно быть, шутишь? — нахмурилась эльфийка.

— Значит, вы знаете, кто это! — воскликнула Хэйзел, едва дыша от волнения. — Пожалуйста, расскажите мне!

— Как могло приключиться, что ты не припоминаешь? — неодобрительный взгляд эльфийки как будто предупреждал Хэйзел — «молчи». Потом она повернулась, указывая длинным пальцем на Джека. — Полагаю, тебя привел этот юноша. Он, и никто другой. Он совершил большую ошибку, поступив так. Чего бы ты ни искала, здесь тебе не место.

Хэйзел не знала, как ответить, не упоминая Фэйрфолд — ведь Джек предостерег ее от этого, — и вернуть разговор обратно к Васме.

— Джек? Конечно, он привел меня, но...

Эльфийка закружила возле них, и Джек шагнул ближе к Хэйзел, явно собираясь загородить ее, если женщина снова попытается в нее вцепиться. Его мать возвысила голос:

— Джек? Я правильно расслышала? И какой же ты Джек? Джек-простак? Джек-мастак? Или как?

— Я не заморачиваюсь разной модной ерундой — просто откликаюсь на Джека, — ответил он, и Хэйзел хихикнула — коротким, лающим смешком, о котором тут же пожалела. Просто было так

странно, что парень ответил разгневанной матери в своей обычной насмешливой манере.

— Какое мне дело, если ему хочется попусту тратить время в Фэйрфолде? Если ему хочется делать вид, будто он человеческое дитя, что мне до этого? Он может есть человеческую пищу, спать в человеческой кровати, целовать смертную девушку, но сам никогда не станет человеком: это всегда будет при творство.

Эльфийка говорила, обращаясь к Хэйзел, но слова, конечно, были адресованы Джеку. Сколько раз они уже об этом говорили?

Парень усмехнулся:

— Всякий растет там, где его посадили.

Это была человеческая поговорка, если Хэйзел правильно припомнила, но здесь и сейчас она прозвучала очень странно.

Взгляд его мамы по-прежнему буравил Хэйзел.

— Так ты пришла сбросить его с белого коня, как в балладе? Спасти от нас? — спросила женщина, и длинные пальцы махнули на переплетение корней под куполом. — Или это он пришел спасти тебя?

— Стоп, — перебил маму Джек, вытянув руку перед Хэйзел. — Хватит, окей? Прекрати так с ней говорить. Хватит уже.

— Просто помни: кровь к крови, — ответила эльфийка.

Высокий рыцарь в сверкающих серебряных доспехах — с золотыми наплечными пластинами, по-

хожими на кричащие лица, — с легким поклоном подошел к ним и перевел взгляд на Хэйзел.

— Ольховый король желает поприветствовать тебя
Эльфийская мама Джека кивнула, бросив взгляд на сына.

— Он чтит тебя, — сказала она Хэйзел, только вот тон противоречил словам.

Конечно, Хэйзел слышала истории об Ольховом короле. Каждое солнцестояние горожане оставляли ему особые подношения. В плохую погоду говорили, будто он гневается; а если одно время года все не сменялось другим, — спит. Но Хэйзел никогда не думала о нем, как о ком-то настоящем. Его власть казалась безграничной, но он был слишком далек, чтобы воспринимать его иначе, чем легенду.

— Проводите меня, — попросила Хэйзел рыцаря.

Джек хотел было пойти с ней, но мать вцепилась в его руку тонкими пальцами. Хотя эльфийка и пыталась это скрыть, голос ее сквозил неподдельным страхом:

— Нет. Ты останешься со мной.

Он повернулся к ней с высоко поднятой головой: даже человеческая одежда не могла скрыть его происхождения.

— Маркан не из тех, кто славится честным отношением к людям, — он перевел взгляд на рыцаря. — Ведь так?

— Никто не просил твоего присутствия, подмечая, — ухмыльнулся рыцарь. — К тому же Хэйзел

не против пойти со мной. Мы уже скрещивали мечи раньше.

Хэйзел не совсем поняла, что рыцарь имел в виду. Может, он как-то связан с чудовищами, с которыми она сражалась, когда была ребенком? Как бы то ни было, Джек явно собирался возражать. Его рука скользнула в задний карман джинсов, словно за оружием.

— Все нормально, — сказала Хэйзел. — Джек, все хорошо.

Эльфийка наклонилась к сыну, чтобы запечатлеть поцелуй на его челе. Хэйзел никогда не думала, что та тоскует о своем потерянном ребенке; никогда не думала, что у истории о том, как Джек начал жить с Гордонами, была и другая сторона. Но теперь она не могла не задуматься.

— Смертные разочаруют тебя, — чуть слышным шепотом сказала мать сыну.

Глаза Джека метали яростные молнии, но он все же отступил и позволил Маркану повести Хэйзел по земляному полу подхолмья.

Ольховый король сидел на большом каменном троне, который она уже мельком видела, пока болталась под потолком. Венец на его челе украшали рога наподобие оленьих; сияющая кольчуга состояла из небольших бронзовых чешуек, сужающихся к концу. Каждая чуть находила на другую, напоминая шкуру дракона, какой ее представляла Хэйзел. Ярко-зеленые глаза короля наводили на мысль о ядовитом

зелье или, возможно, жидкости для полоскания рта. Каждый палец украшали затейливые перстни.

На коленях у него покоился золотой меч с богато украшенной рукоятью. На мгновение Хэйзел показалось, будто это ее пропавший меч — так что она даже сделала к нему полшага, но тут же поняла: рукоять ее меча была простой. У всех рыцарей были одинаковые мечи — выкованные из блестящего металла, сияющие, словно отполированные солнечным светом, в обсидиановых ножнах.

У ног Ольхового короля лежало бесшерстное, с розовыми отметинами, котоподобное существо, с которым Хэйзел много лет назад заключила сделку. Оно посмотрело на девушку лениво полуприкрытыми глазами, а потом чуть пошевелило когтистыми пальцами в приветственном жесте.

Тщательно продуманные вопросы о воспоминаниях и чудовищах мигом вылетели из головы. Девушка встала на одно колено. В ту же секунду она увидела, как что-то замерцало между замысловатыми плитами на полу — будто оброненная монетка отразила свет.

— Сэр Хэйзел, — сказал Ольховый король, наклоняясь вперед и глядя вниз, прямо на девушку, своими поразительными глазами. Он был прекрасен, как любой сказочный принц, и одновременно ужасен. — Не припомню, чтобы повелевал тебе явиться.

Сбитая с толку Хэйзел подняла на него взгляд:

— Я не...

— По правде говоря, я прямо *запретил* тебе приходить на полнолунный пир. А вот прошлой ночью ты проигнорировала мой зов — хотя ох как пригодилась бы нам на охоте. Так быстро забыла о нашей сделке? Играешь с огнем, Хэйзел Эванс. Разве я не исполнил твое глубочайшее, сокровенное желание: добровольно — и для блага? Разве не сделал тебя частью своей свиты? Ты же знаешь, я могу и передумать. Есть гораздо более неприятные способы служить мне.

— Я... — Хэйзел открыла рот, чтобы ответить, но ничего не вышло.

И тут Ольховый король рассмеялся.

— Ах, — сказал он, чем-то походя на эльфийку, принявшую Хэйзел за маму. — Ты ведь не моя Хэйзел? Не мой рыцарь. Ты Хэйзел Эванс, живущая днем.

ГЛАВА 14

Хэйзел понимала, что нужно встать, но как будто приросла к месту. Пир померк, став не более чем белым шумом в ушах.

Сэр Хэйзел, назвал ее Ольховый король.

Эльфийская мама Джека тоже говорила странные вещи. *Так ты пришла сбросить его с белого коня, как в балладе? Спасти от нас? Или это он пришел спасти тебя?* Хэйзел знала балладу, в которой девушка сбрасывает юношу с коня. Она называлась «Тэм Лин»; в ней храбрая девушка Дженет спасала рыцаря, служившего против своей воли королеве фей. Тэм Лин был человеком.

Потом Хэйзел подумала о записке в грецком орехе. *Семь годков — отдай должок. Поздно сожалеть, дружок.* А еще подозрительно, что рыцарь, приведший ее сюда, сказал, будто они скрещивали мечи раньше.

Она позабыла все слова:

— Как... — с трудом выговорила девушка.

— Ты не помнишь о заключенной сделке? — Ольховый король наклонился вперед, и рога на его венце качнулись.

— Я обещала вам семь лет жизни. Этого не забудешь, — Хэйзел глубоко вдохнула, пытаясь справиться с мыслями. Сердце бешено колотилось, но она заставила себя подняться с колен, готовясь к состязанию в остроте ума. Она еще сможет получить ответы на все интересующие вопросы. Просто нужно правильно их задать и не сбиться с выбранного пути. — Но... вы сказали, будто я уже вернула часть долга? А я не помню... не помню, чтобы это делала.

Король терпеливо улыбнулся:

— Разве я не великодушен, что забрал у тебя эти воспоминания? Каждую ночь с того мига, как ты засыпаешь, и до того, как твоя голова вновь касается подушки на рассвете, ты моя: один из моих рыцарей, и это никак не омрачает твое дневное существование. У тебя всегда был дар, просто его нужно направлять. Я принял тебя в свою свиту.

Хэйзел была уверена, что если человек не поспит неделю, он умрет. Не спать *годами* — это смешно. Столь же невероятным казалось и то, что рыцарскому искусству она выучилась здесь, под холмом, и стала такой же, как они. Девушка взглянула на троих рыцарей, стоящих подле трона Ольхового короля: они выглядели, словно сошли с картин незапамятных времен.

— Не похоже на правду.

— И все же, — возразил Ольховый король, неопределенно взмахнув рукой, будто это все объясня-

ло. И вопросом, и ответом была магия. — Мы приходим к твоему окну и переносим по воздуху к нашему двору, ночь за ночью. Ты рыцарь, каким видела себя в мечтах.

«Дыши, — попросила себя Хэйзел. — Дыши».

Она вспомнила усталость, которая наваливалась на нее в Филадельфии, и свою вечную апатию. Теперь хотя бы понятно, почему она так себя чувствовала: мама ошибалась, списывая все на переходный возраст.

— Я никогда не мечтала становиться вашим рыцарем.

— В самом деле? — с манерной медлительностью переспросил Ольховый король, будто знал такие глубины сердца Хэйзел, о которых она даже не догадывалась. — Я запретил тебе рассказывать себе дневной о нашем договоре, но теперь получаю немалое удовольствие, наблюдая твое изумление.

Хэйзел молчала, понимая, что не знает саму себя. Возможно, она уже всецело и безвозвратно предала собственные идеалы — просто пока не знала, насколько далеко зашла. Вспомнив, как скакала во сне рядом с другими рыцарями и с улыбкой выносила приговор людям, девушка содрогнулась. Значит, *такой* она стала?

Ольховый король рассмеялся:

— Что ж, сэр Хэйзел, если ты явилась сюда не как мой рыцарь, так зачем же ты пришла?

Нужно обдумать все очень быстро. Для начала — отринуть мысли о своей другой, неподвластной сто-

роне. Ольховый король не должен узнать, что это она разбила гроб Северина. А поскольку она не спала и всю прошлую ночь, преследуя Бена по лесу, ее ночная сущность не могла проявиться и подвергнуться допросу. Не могла разоблачить ее дневную. Ольховый король не хотел, чтобы она знала о себе ночной; следовательно, таинственное существо по имени Васма — не он. Возможно, у ее рыцарского воплощения есть союзник, состоящий при дворе?

Хэйзел перевела взгляд на создание, лежащее у ног Ольхового короля. Хотя оно и действовало от его имени, заключая сделку, вдруг оно тоже имеет над ней какую-то власть?

— Я пришла, потому что в Фэйрфорде бесчинствует чудовище, и мне нужно узнать, как его убить.

Улыбка Ольхового короля стала холодной, рука подняла серебряный чеканный кубок и поднесла ко рту. Некоторые из его подданных рассмеялись.

— Имя ей Скорбь. Великое и страшное существо. Ее кожа закаленной коры настолько тверда, что погнет даже эльфийское оружие. Ты не сможешь убить ее. И предвосхищая твой вопрос: единственное противоядие от сонной болезни, которую она несет вместе со мхом, что просачивается в вены с ее прикосновением, — это ее собственная кровь. Так как насчет еще одной сделки, Хэйзел Эванс?

— Какой сделки? — спросила Хэйзел.

— Скорбь охотится за Северином. После стольких лет я нашел способ властвовать над нею. Теперь

она повинуется мне, — с этими словами он поднял руку, демонстрируя костяной перстень.

Хэйзел скривилась, но Ольховый король словно не обратил на это внимания.

— Приведи мне Северина, и я отважу чудовище от Фэйрфолда. Буду держать всех подданных в узде. Все вернется на круги своя.

Хэйзел так удивилась, что не смогла подавить смешок:

— Привести Северина?

С таким же успехом он мог попросить принести ему луну и звезды.

Но Ольховый король явно не шутил. На его лице отразилось нетерпение:

— Да, это поручение я собирался дать моей Хэйзел, но она так и не явилась прошлой ночью. Считая нынешнюю, ты должна мне уже две ночи. Ей надлежит выследить рогатого мальчика, моего сбежавшего из заключения сына Северина, убить любого, кто находится с ним в стоворе, и притащить сюда, чтобы он предстал перед моим гневом.

Привести ему Северина. Его сына. Ее принца. Настоящего принца.

«Я на самом деле способна на такое?» — подумала Хэйзел. Она снова разволновалась; с ее губ уже готовился сорваться новый смешок. Все это казалось невозможным.

— Почему я? — спросила она.

— Считаю символичным, если его победит смертный, — ответил Ольховый король. — Ты и сама мог-

ла бы догадаться, что со мной шутки плохи. Но на тот случай, если у тебя возникнет романтический порыв предупредить моего сына, позволь объяснить, почему это не лучшая мысль. Ты думаешь, я вопиюще несправедлив к твоему народу, но разреши продемонстрировать, что я могу сделать, не прилагая к этому вообще никаких усилий, — Ольховый король повернулся к одному из рыцарей. — Приведи Лакфорна.

Несколько мгновений спустя перед Ольховым королем предстал свирепого вида гоблин с сероватой кожей и заостренными ушами. В руках он сжимал грязную шляпу.

— Какие развлечения я позволяю тебе в городе, Лакфорн?

Гоблин пожал плечами:

— Немногие. Я краду сливки и иногда бью тарелки. А когда одна женщина окатила меня помоями, я ее утопил. Ничего, кроме того, что вы разрешили.

Хэйзел была поражена небрежностью, с которой он рассказывал о своей жестокости. Но, кажется, больше никто не удивился. Ольховый король смотрел на гоблина с таким видом, будто речь шла о безобидных фейских причудах.

Может, для него они такими и были.

— Но вы ведь не всегда позволяете им заходить так далеко?

— Я дал больше свободы, чтобы увидеть, какие вы, смертные, ничтожества. Но слушай же внима-

тельно. Лакфорн, если бы я разрешил тебе развлекаться, как только заблагорассудится, что бы ты сделал? — и Ольховый король бросил взгляд на Хэйзел.

— Что бы я сделал? — гоблин рассмеялся так кровожадно, что от одного этого звука по позвоночнику девушки пробежал холодок. — Я бы поджигал дома, и они сгорали бы в них дотла. Я бы сжимал их до тех пор, пока боль не проберет до самых костей. Я бы мучил их до полного истощения, а потом сгрызал то, что осталось. Что бы я сделал, если бы вы мне позволили? Чего бы я *не* сделал?

— Это ведь ваши мудрецы говорят: из двух зол выбирай меньшее? — спросил Ольховый король Хэйзел. — Будь мудрой. Лакфорн — не самый опасный воин моей армии. Представь, какой ответ дала бы Костяная Дева. А Пугало? Или моя великолепная чудовищная Скорбь? Не испытывай мое терпение. Приведи Северина, или я опустошу Фэйрфорд. У меня есть планы, от которых я бы не хотел отступать. Конечно, за Северином сейчас охотится Скорбь, но у меня на нее другие виды.

Хэйзел поняла, что больше не может дышать. На заднем плане по-прежнему играла музыка, гости прохаживались по залу, смеялись и танцевали, но у девушки все плыло перед глазами. Хэйзел будто лишилась дара речи. Угроза прозвучала такой всеобъемлющей и страшной, что девушка никак не могла поверить — она расслышала все правильно.

По выражению лица Ольхового короля Хэйзел поняла: он ожидал, что она ответит, не больше, чем жаба превратится в поганку, но девушка должна была что-нибудь сказать.

Прочистив горло, она наконец выговорила:

— Если вы собираетесь наслать Скорбь на город, я вас останавливаю.

Ольховый король жестко рассмеялся.

— Ты? Как выюрок может остановить бурю? Ступай, сэр Хэйзел, насладись пиром. Охоту можно начать и завтра. Даю тебе два дня и две ночи.

Рыцарь с золотыми кричащими лицами на плечах шагнул к ней и взял под локоть. Заиграл лютнист. Лакфорт поклонился и смешался с толпой. Хэйзел поняла, что аудиенция закончена.

— Ах да, — добавил Ольховый король, и Хэйзел снова к нему обернулась. — Кое-что еще. У моего сына есть меч — украденный у меня. Принеси его, и я прошу тебе семилетний долг. Теперь-то ты рада моему приказу?

— Сколько я вам уже отслужила? — спросила Хэйзел. — Я дала клятву, когда мне было около одиннадцати. Теперь мне шестнадцать. Значит, почти пять лет.

— Но ты служишь мне лишь половину времени, — заметил Ольховый король. — И до сих пор должна все дневные часы.

Оцепенев, она двинулась через толпу.

Наконец Хэйзел нашла Джека. Он стоял возле стола с золотыми блюдами, заваленными гранатами, чьи рубиновые зерна цеплялись за влажные пленочки перегородок, спелыми сливами и пурпурно-черным виноградом.

Все это — его Народ. Хэйзел знала это умом, но действительно увидела и поверила только сейчас. Это тайное, прекрасное, пугающее место было близко Джеку. Как и все эти жестокие существа.

Впрочем, это осознание не отменяло факта, что Джек оставался единственным знакомым ей островком в море неизведанного.

— Что он сказал? — спросил парень. Когда она взяла его за руку, он показался ей озадаченным, но не рассерженным. — Ты что-нибудь узнала?

Хэйзел покачала головой. Здесь и сейчас, когда их окружали все эти глаза и уши, ей не хотелось говорить. В любом случае, напомнила она себе, это лишь еще один секрет, который она не могла рассказать, еще одна задача, которую необходимо решить.

Шаг один: выяснить, действительно ли ночью она становится злодейкой.

Шаг два: выяснить, кто оставляет ей записки. Кто заставил ее разбить гроб Северина. Кто забрал ее меч.

Шаг три: выяснить, друг ли ей Васма или еще один враг.

Шаг четыре: выяснить, как привести Северина Ольховому королю.

Достаточно, чтобы усесться прямо на землю и разрыдаться. Это было уже слишком. Но она не могла рассчитывать ни на кого другого — значит, не слишком, а *в самый раз*. Она должна со всем справиться. И она справится.

— Хочешь как-нибудь повеселиться перед уходом? — теперь Джек выглядел озорным и необычно расслабленным. — Можем потанцевать.

— Никаких танцев, — вымученно улыбнувшись, ответила Хэйзел. — Это одно из правил.

Но парень уже взял ее за руку и повел в центр зала, снова превратившись в Джека, которого она знала всю жизнь, Джека, который был лучшим другом ее брата, Джека, который казался таким надежным и совершенно запретным.

— Я не позволю тебе танцевать до тех пор, пока не сносятся башмаки. Я даже не позволю тебе танцевать до рассвета. Разве не благородное обещание?

Пир был столь же прекрасен, как и страшен. Может, Джек хотел показать его красоту кому-то из своей другой жизни?

У нее самой было столько всего, в чем она не могла честно признаться, что Хэйзел прекрасно понимала его желание быть честным хоть с кем-то.

Она закатила глаза, но после угроз Ольхового короля ей действительно хотелось отвлечься:

— Обещания, обещания.

По лицу Джека пробежала тень. Затем парень улыбнулся и притянул Хэйзел к себе в такт музыке.

Как только они оказались ближе, песня просочилась глубоко в мысли девушки. Боль, которую она почувствовала, придя на пир, вернулась и навалилась на нее; казалось, она достигла самых костей, заставляя тело двигаться по собственной воле.

Воздух был сладок и дик. Он полнился бесшабашными историями о храбрости, чести и счастливом случае, которыми она жила, когда была маленькой. Внезапно ее накрыл прилив отчаянной радости, и Хэйзел повернулась к другим танцорам. Музыка подхватила ее и понесла вперед, кружа, немного пугая и снова кружа.

Сперва рука Джека была в ее руке, потом скользнула на талию, а потом и вовсе исчезла. Хэйзел искала его взглядом, но вокруг было слишком много танцующих. Все они перемещались по кругу, в центре которого стоял скрипач. Девушка в короне из кос, с густыми бровями и перевернутым лицом, смеялась до визга. Парень с когтистыми руками положил их на плечо другого парня. Теперь купол холма казался далеким, как ночное небо; навес из корней светился блуждающими огоньками. Рядом, на расстоянии вытянутой руки, время от времени задевая Хэйзел, танцевал Джек — такой теплый и сильный. Девушка плясала, пока не заболели ноги и не заныли мышцы, но она все не останавливалась. Она плясала до тех пор, пока все заботы не вылетели из головы; пока чьи-то руки не обвились вокруг ее талии и силой не вытащили из круга.

Они вместе рухнули на утоптаный земляной пол. Джек смеялся, его лоб был мокрым от пота:

— Здорово, правда? Ни с чем не сравнится.

У Хэйзел резко закружилась голова, и ей показалось, что она пережила страшную потерю. Она рванулась обратно к феям. В тот момент девушке казалось, что стоит только к ним присоединиться, как все снова станет хорошо.

— Эй, погоди! — Джек схватил ее и утянул подальше от танцующих; она, пошатываясь, еле держалась на ногах. — Хэйзел, не надо. Пойдем, милая, пора уходить. Извини, пожалуйста. Я не подумал, что тебе станет так плохо.

Милая. Слово повисло в воздухе, наполовину вытянув ее из помешательства. Но, нет, для него оно не может ничего значить. *Милая* — так говорят о бродячих кошках, очаровательных малышах и дамах в старых фильмах. Хэйзел глядела на Джека, часто моргая. В голове начало проясняться.

Он снова рассмеялся, на этот раз немного неуверенно:
— Хэйзел?

Она смущенно кивнула:

— Я в порядке... теперь.

Он приобнял ее за плечи.

— Хорошо.

В эту секунду какая-то девушка, отделившись от круга танцующих, подбежала к ним и вцепилась Джеку в воротник. Не успела Хэйзел возмутиться, как та уже прижималась губами к губам парня.

Его рука соскользнула по Хэйзел, объятия ослабли, и ресницы, затрепетав, опустились. У девушки был большой красный рот и синеватая кожа; в спутанных каштановых волосах торчали голубые розы. Она была красива той неземной красотой, что заставляла моряков направлять корабли прямо в сердце бури. Хэйзел понятия не имела, откуда они знают друг друга, да и знают ли вообще. Но увидев, как ходит кадык Джека, как руки феи, исследовав нижний край его рубашки, скользнули под нее, девушка залилась стыдливым румянцем. Она не могла понять, что чувствует, но отчаянно хотела перестать чувствовать вообще. Наконец Джек разорвал поцелуй, глядя на Хэйзел с явным ошеломлением.

Мимо шло существо в золотых доспехах, с кубками, наполненными янтарным вином. Фея схватила один из них, поднесла к губам и залпом выпила. Потом повернулась к Хэйзел.

И проникновенно и глубоко поцеловала. Хэйзел вздрогнула от удивления, однако не оттолкнула ее и не отстранилась сама. Она ощутила мягкость губ девушки и прохладу ее языка. Мгновение спустя Хэйзел почувствовала и вкус вина, которое фея перелила из своего рта в ее.

Никакой еды и напитков. Это было важное правило, одно из самых главных — стоило только попробовать их еду, как вся остальная приобретала вкус пыли и пепла. Или ты сходил с ума, надевал гигантскую грибную шляпку и начинал бегать по

городу, полагая, что тебя преследует армия кузнечиков. Или все сразу.

Хэйзел прекрасно понимала, какой безрассудной она была. Или какой пьяной.

Вино напоминало звездный свет, струящийся по горлу. Хэйзел глупо улыбнулась Джеку. В ушах стоял оглушительный рев, а больше ничего.

ГЛАВА 15

Бен стоял в дверях комнаты Хэйзел, недоверчиво глядя на записку, которая лежала на кровати сестры. Просто вырванный из блокнота листочек с нацарабанным шариковой ручкой сообщением:

Не злись на Джека. Это я его заставила. Хочу, чтобы ты знал: со мной все хорошо, и я не одна.

Бен ударил по стене искалеченной рукой и тут же сморщился от боли, хмуро глядя на приставшие к пальцам кусочки краски. Он был зол — на сестру, на себя, на весь мир.

Он не мог понять, почему Хэйзел не *похвасталась*, что это она освободила их принца; почему позволила брату топтать по мокрому лесу, выставляя себя дураком, вместо того, чтобы просто признаться, что она сделала.

Может, она старалась защитить его чувства? Но тогда это делало его невыносимо жалким.

Хэйзел вечно пыталась прыгнуть выше головы. Всегда хотела всех защитить: город и его жителей —

от лесных чудищ; родителей — от необходимости столкнуться со всеми теми вещами, которые они спускали на тормозах; его самого — от осознания собственной трусости, когда он бросил охоту. Когда чудовище напало на школу и все в панике разбежались, она осталась, чтобы спасти Молли. Бен вспомнил, как сестра заходила в эту дверь своей обычной уверенной походкой, говорящей, что ей не нужна никакая магия, никакое фейское благословение.

Бен рассказывал истории. Хэйзел их воплощала.

Она была храброй. И глупой, раз так сбежала.

— Бен? — позвала мама снизу. — Все хорошо? Ты не ушибся?

— Я в порядке, — откликнулся он. — Все в полном порядке.

— Тогда иди сюда. И сестру прихвати.

Мама — в одной из папиных растянутых, заляпанных краской рубашек — была на кухне: инспектировала холодильник, выбрасывая протухшее. Когда Бен вошел, она изучала пластиковый контейнер с заплесневевшим йогуртом.

— Папа звонил. Он хочет, чтобы мы на несколько дней переехали к нему в Куинс.

— Что? Когда?

Она запустила йогурт в мусорное ведро:

— Как только вы с сестрой соберетесь. Иногда я серьезно терпеть не могу этот город. От того, что здесь происходит, у меня мурашки. А где Хэйзел?

Бен вздохнул:

— Пойду найду ее.

— Берите вещей по минимуму. Оба.

Бен чуть было не спросил, значат ли мурашки, что ей *страшно*. Ему хотелось понять, как у нее получается притворяться, что плохие вещи на самом деле не так уж и плохи. Самому Бену иногда казалось, будто он с ума сойдет от воспоминаний.

Он вышел на улицу. Не зная, что делать, уселся на ступеньки и просидел так битый час, глядя на луну во все еще светлом небе, срывая колоски лисохвоста и завязывая на стебельках узелки, пока они не рвались. Как брат он, разумеется, обязан был прикрыть Хэйзел, но надежды на то, что мама не попытается выяснить, куда она ушла, не было. Наконец он вернулся в дом.

— Хэйзел здесь нет, — признался он.

Мама повернулась к нему:

— Что это значит?

— А что это может значить? Она ушла. Несколько часов назад. Наверное, пытается выяснить, что на самом деле происходит в городе.

Мама посмотрела на сына так, будто в его словах не было никакого смысла:

— Но это же опасно.

— А то, — фыркнул Бен, взбегая по ступенькам в свою комнату.

Он попытался дозвониться до Джека, но все время попадал на голосовую почту.

Телефон Хэйзел лежал в соседней комнате. Чувствуя себя выжатым, как лимон, Бен плюхнулся на

кровать. Он не спал ни в эту, ни в предыдущую ночь. И не имел ни малейшего представления, что делать. Но стоило ему лечь, размышляя над происходящим, как глаза закрылись, и он заснул — прямо в одежде, на не разобранной постели.

Бен проснулся от прохладного ветра, задувающего в распахнутое окно, и в недоумении уставился в темноту. Он не знал, сколько проспал, но прекрасно помнил, что означает, когда у него сосет под ложечкой. Кто-то был рядом. По его венам тут же разлились адреналин, страх и возбуждение, от которых мороз бежал по коже.

Когда он ложился, окно было закрыто.

Бен почувствовал то же, что и в старые времена, когда они с Хэйзел ходили в лес: волосы у него на загривке встали дыбом, предупреждая, что даже если он не видит чудовища, чудовище, скорее всего, видит его.

И тут он услышал голос у самого своего уха:

— Бенджамин Эванс.

Рывком сев, Бен увидел освещенного полной лунной мальчика, который стоял у кровати. На нем была его, Бена, одежда. Несколько секунд парень мог только моргать. Капюшон толстовки бросал тень на лицо гостя, но он узнал вещи. Он сам оставил их в лесу для эльфийского принца.

— Привет! — прохрипел Бен, с трудом выдавливая из себя слова. Он прекрасно знал, что нужно сделать. Он должен был сказать что-то такое, что показало

бы принцу: он не испугался. Даже если это было и не так. — Все-таки решил меня прикончить?

Северин скинул капюшон.

Темные волосы обрамляли щеки, и Бен увидел самые кончики его рогов, торчащие под ушами. Выражение лица принца было невозможно прочесть.

Он был сокрушительно, до замирания сердца, прекрасен. И он принадлежал Хэйзел. Ведь это Хэйзел его освободила, так что ему было предопределено полюбить ее. Хэйзел, которую он поцеловал. Вероятно, первую за целую вечность. Хэйзел, может, и не полюбила его с первого взгляда, но, в конце концов, она к этому придет. В сказках так постоянно происходит.

Бен был разбит. Он бы полюбил принца в ту же секунду.

— Я пожаловал поведать тебе историю, — тихо сказал Северин. — Ты рассказывал мне множество. Ныне же мой черед.

— Почему? — спросил Бен, по-прежнему не в силах осмыслить тот факт, что Северин пришел к нему в спальню. — Чего ты хочешь?

Даже с выключенным светом он сознавал, что на стенах висят дурацкие плакаты, а на полу валяются джинсы, которые он так и не удосужился подобрать. Корзина для грязного белья набита до краев, а рядом с комодом висит пробковая доска, к которой приколата истрепанная фотография спящего рогатого мальчика. Все в его комнате было смущающим.

— Чего я хочу? Многого. Но ныне — просто побеседовать, — ответил Северин. — Я нахожу твой голос... умиротворяющим. Мы могли бы потолковать о сестрах.

— О сестрах, — тупо повторил Бен. — Хочешь, чтобы я рассказал о Хэйзел?

— Ты превратно истолковал мои слова, — возразил Северин. — Я предлагаю, чтобы ты просто меня послушал.

Парень вспомнил, что сказал Северин, прежде чем поцеловал Хэйзел. Казалось, слова были выжжены у Бена на коже. *Мне ведом каждый твой секрет. Все твои мечты.*

Если принц знал секреты Хэйзел, то секреты Бена он, конечно, знал еще лучше. Ведь Бен приходил к гробу почти каждый день и беседовал с лежащим там мальчиком, как будто говорил вслух с самим собой.

Он признался Северину, что вылакал слишком много дешевого шампанского в канун прошлого Нового года, и его вырвало прямо в кустах у дома Намии; он в красках описал принцу, как невероятно хорошо ему было, когда его впервые трогал мальчик; он объяснил, кто кого ненавидит в школе, а кто только притворяется, что ненавидит. Может, Хэйзел была и права, что не доверяла Бену ничего важного.

Северин вздохнул и заговорил:

— Дремучие леса, вроде тех, что окружают Фэйр-фолд, населяет множество фэй-одиночек, которым не по нраву состоять при волшебном дворе. Они

слишком дики, слишком уродливы и слишком жестоки.

— Феи-одиночки? — переспросил Бен, пытаясь ничего не упустить.

— Шаловливые пуки. Зеленые леди, сдирающие человеческую плоть с костей, стоит лишь ступить не на ту кочку в болоте, — ответил Северин. — Девы, вдохновляющие творцов на шедевры и низвергающие их в пучину отчаянья. Мужички с длинными волосатыми хвостами и неуголимимым чувством голода. Проказливые гоблины, домовики, пикси с радужными витражными крыльями и все остальные. Те из нас, кто устраивается в глуши или селится близ очага смертных. Кто не состоит при дворе и не играет в королей, королев и пажей. Кто не принадлежит к аристократии, как мой отец.

— О. — Слово «смертный» произвело на Бена сильное впечатление. Оно было таким странным и старомодным. Смертным было то, что *умирало*.

Северин поднес пальцы к щеке Бена — холодные по сравнению с теплой кожей. Парень почувствовал едва уловимый запах земли и травы, когда принц завел прядь волос ему за ухо.

Все тело Бена сосредоточилось на этом прикосновении.

Затем Северин убрал руку, оставив Бена недоумевать: что это прикосновение значило, и значило ли оно хоть что-нибудь? Когда принц продолжил рассказ, его сияющие глаза казались ярче обычного:

— Скоррель, моя сестрица, родилась у придворной леди еще до изгнания моего отца. Бежав, отец выкрал ее и семь магических мечей — включая тот, что я ищу, — и кузнеца, их выковавшего, существо по имени Гримсен, в чьей власти сотворить из металла все, чего душа пожелает. Отец явился в Фэйр-фолд со своей свитой и назвался Ольховым королем, ведь ольховое дерево почитается королем леса. Но имя *Ольховый король* имеет и более зловещее значение. Возможно, ты слышал эти строки раньше: *Mein Vater, mein Vater, jetzt faßt er mich an! Erbkönig hat mir ein Leids getan!**

Бен покачал головой. Что-то на немецком.

Северин отошел от кровати и прислонился к подоконнику. Его плечи коснулись стекла.

Внезапно Бен почувствовал, что снова может дышать. Губы пересохли; он поспешно облизал их.

— *Отец мой, отец, меня он схватил! Ольховый король мне навредил!* — Руки Северина сжались в кулаки. Кольца по-прежнему поблескивали на его пальцах, контрастируя с убожеством позаимствованных джинсов и толстовки с капюшоном. — Один ваш стихотворец написал о муже, чье дитя умирает у него на руках по вине Ольхового короля. Болью Ольховый король утоляет голод, страданиями — жажду. Он властвует над феями-одиночками

* «Лесной царь» или «Король Ольхи» (нем. Der Erbkönig) — баллада Иоганна Вольфганга фон Гете (1749—1832), написанная в 1782 г

здесь, в Фэйрфолде. Одна из них даже подарила ему сына. Сына, который выглядит почти как его отец: от матери ему достались лишь венчающие чело рога. Моя мать была одной из диких фей — пукой. Сие означает, что хоть кровь отца и течет по моим венам, мне не суждено быть его истинным наследником. Во мне слишком много листьев, деревьев и шального ветра. Может статься, если бы я был люб своему отцу, он бы пощадил мою мать.

«Рогатый мальчик — и правда принц», — подумал Бен. Он вспомнил, что Северин сказал о своей матери — ее зарезали у него на глазах. По приказу отца?

Северин продолжал говорить. Он был искусным рассказчиком: голос его поднимался и опускался, делая речь похожей на напев.

— И хотя я искал одобрения отца, а Скоррель пальцем о палец не ударила ради этого, он всегда благоволил ей. Я слышал, как он говорил о своих намерениях низвергнуть королеву Силариаль, изгнавшую его: ни жажда власти, ни гнев моего отца не остыли со временем. Но моя сестрица возразила ему: это судьба направила его в сей край, и он должен этому возрадоваться. Скоррель любила лес, и город она тоже полюбила. И все было хорошо, пока она не воспылала любовью к смертному юноше.

Северин сказал последние слова таким тоном, будто сообщал, что сестра заболела смертельной болезнью.

— А это плохо? — спросил Бен. Он то надеялся, что Северин вернется к кровати, то не хотел этого. И чувствовал себя идиотом.

Эльф приподнял брови:

— По разумению моего отца? То было худшее, что она могла затеять.

— И ты согласился с ним? — уточнил Бен, чтобы понять, насколько он сам отвратителен Северину.

— Еще как. Юношу звали Йоханнес Эрман, и он был светловолос и широкоплеч. Он любил подолгу бродить по лесу, предаваясь мечтам и сочиняя оды илистым прудам и полевым цветам, которые читал любому, кто был готов слушать. Не очень-то сильно он пришелся мне по нраву, — признался Северин. — Честно сказать, я его и убил.

Бен не смог ничего с собой поделать — он рассмеялся. Все было прямо как в сказке: безумно и страшно.

Северин ухмыльнулся, будто бы тоже немного воспрял духом. Возможно, из-за реакции Бена. А может быть, вспомнил, как весело убивать.

Улыбка сделала принца еще прекраснее, так что теперь невозможно было забыть, что он не из людей, — и Бен понял, как глупо воображать, что тот будет вести себя, словно человек.

— Я убил его не сразу — тогда, возможно, все сложилось бы иначе. Сестрица стала его женой, отринув платья, сотканые из лунного света, и отрекшись от диких лесных наслаждений. Она позволила

обрядить себя в тяжелое поношенное шелковое платье из Германии, которое даже не было ей впору — его дала ей мать жениха, — отправилась в одну из их церквей и совершила их обряд.

Бен попытался себе это представить. Нашептывание через стекло гроба чем-то напоминало вопли музыкального фаната, стоящего у сцены, или обморок при встрече с кинозвездой. Но что делать, если тебя выбрали из толпы? Если тебя зовут на закрытую вечеринку после концерта? Он силился представить, испытывал ли Йоханнес нечто подобное, приведя домой жену-фею.

— Отец сказал, что позволит Скорелли выйти замуж, только если жених исполнит гейс. Знаешь, что это?

Бен не знал:

— Какое-то испытание?

Северин покачал головой.

— Это табу, запрет. Что-то, что ты должен или не должен делать. Отец предостерег, что если сестра трижды прольет слезы из-за Йоханнеса, тот никогда ее больше не увидит. Йоханнес, ослепленный, согласился.

Скоррель стала покорной женой: готовила яства и чинила одежду, ухаживала за садом и ходила в церковь по воскресеньям. Она старалась сотворить уют своему супругу, но ее инаковость была очевидна, как бы она ни старалась подстроиться. Она вышивала причудливые листья и розы на манжетах

простых верхних платьев. Приручила голубую сойку. Добавляла травы в свои варенья и желе, распевая озорные песни. И обожала Фэйрфолд — этого я никогда не понимал. Неважно, что горожане на нее косо смотрели, — она все равно их любила. Любила играть с детьми и смеяться над сплетнями. И, как бы я ни презирал Йоханнеса, любила мужа.

Ты должен понять. Мы любим не так, как вы: единожды завоеванная, наша любовь может длиться бесконечно. Но когда они поженились, Йоханнес изменился к Скоррели. Он начал бояться ее странностей, хотя она всегда оставалась ему верной женой.

— Значит, он оказался придурком? — спросил Бен, садясь повыше в изголовье. Было что-то волнующе интимное в том, чтобы разговаривать о подобных вещах, сидя в кровати — пусть даже история и закончится трагедией. — Она пожалела, что вышла замуж?

— Мы любим, пока не отрежет. Наша любовь не уходит по капле. Она ломается, словно слишком сильно согнутая ветка.

Для Бена любовь была пламенем, в котором он хотел бы возродиться, изменившись под ее влиянием. Парень понял, почему Скоррель сбежала, чтобы начать все с нуля. И впервые осознал, каким неудачным был этот план.

— Так и случилось?

— Боюсь, нет, — Северин залился румянцем и отвернулся; его пальцы прикоснулись к стеклу. Про-

филь казался размытым в лунном свете. Бен подозревал, что Северин не хочет, чтобы он увидел, как изменилось выражение его лица. — Может быть, Йоханнес позабыл гейс или не думал о последствиях, но сестра плакала из-за него. Первый раз, когда Йоханнес прилюдно выговорил ей за дикость. Второй, когда отругал ее за то, что она не соблюдала субботу. Третий, потому что ударил ее. Четвертого раза не было.

Из семи волшебных мечей, что мой отец принес с Восточного двора, два особенные. Зовутся они Сердце охотника и Верное сердце. Сердце охотника никогда не промахивается мимо цели, а Верное сердце может прорубить все, что угодно: от камня до металла и кости. Отец вручил мне Верное сердце и наказал убить Йоханнеса. Я был изрядно зол и презирал людей; сильнее же всего я жаждал угодить отцу. Пока Скоррель собирала травы, я пошел к ним в дом и низверг Йоханнеса.

— Ты убил его? Хладнокровно?

Это была кошмарная история вроде тех, после которых дети лежат в кроватях без сна, прислушиваясь к ночным шорохам.

— Его кровь была весьма горяча, — возразил Северин, задумчиво глядя в сторону леса. — И моя тоже. Я так гневался, что не взял в расчет, что почувствует Скоррель.

— Она все еще его любила? Ее чувства не сломались, как ветка, или что-то там еще?

Эльф покачал головой:

— Полагаю, то, что я сказал, недопустимо. Может, наша любовь ничем не отличается от вашей. Может, все любят, пока не отрежет, или же все любят по-разному: и люди, и феи. Прости меня. Я возвращен на хвастовстве отца о превосходстве моего Народа, и несмотря на то, что слушал подобных тебе десятилетие за десятилетием, это не сбilo с меня ужасной спеси.

Бен, который был совершенно серьезен, спрашивая, изменились ли чувства Скоррели, огорчился, что Северин посчитал, будто тот обиделся:

— Нет, я...

— Не понимаю, — перебил его Северин. — Я мнил, раз Йоханнес — человек, то его жизнь ничего не значит. Так как могла что-то значить его смерть? Казалось смехотворным, что моя сестрица умудрялась души не чаять в таком существе, а уж страдать из-за него — и подавно. Коли он оказался недостоин ее, отчего бы не взять другого? И я не мог вообразить, каким долгим может оказаться один-единственный день. Я не ведал, что промежуток одной смертной жизни столь бесконечен, пока не лег недвижно в свой гроб.

Не успев сообразить, что он делает, Бен соскользнул с кровати. И хотя это явно была худшая идея в мире, и ему казалось, что он может потерять сознание или даже умереть, парень положил руку на спину Северина, почувствовав под пальцами жили-

стые мышцы и легкое прикосновение шелковистых волос.

Северин напрягся, а потом судорожно выдохнул:

— Возможно, моей рукой двигала зависть, ведь Скоррель была моей наперсницей при дворе. Она брала мою сторону, когда я прекословил с отцом. Сочиняла потешные песенки, когда печалился. Мне было одиноко без нее, и я хотел, чтобы она воротилась. Все мы способны на великий самообман, двигаясь к заветной цели.

Бен по-прежнему касался Северина, не уверенный, что делать с рукой дальше: казалось странным оставить ее там, где есть, но непомерно смелым передвинуть на плечо принца и уж тем более — ему на грудь. Поэтому Бен продолжал вдыхать травянистый запах Северина, вбирая тепло его кожи.

Как-то раз он привел одного мальчика к гробу принца и целовался с ним, сидя на крышке, представляя, что целует Северина, — о чем тоже не преминул рассказать рогатому мальчику. И это еще не самая унижительная вещь, которую он выболтал.

Бен так и не пошевелил рукой. Через мгновение Северин снова заговорил:

— Скоррель скорбела, бесконечно оплакивая своего мертвого мужа. Она покинула дом и ушла в лес, где пала на поросшую мхом землю, заливаясь слезами. Так страшно было ее горе, что жуки и птицы, мыши и олени — все плакали вместе с нею, пока не прогнивали до самых костей от своего не-

утешного горя. Камни и деревья тоже горевали, рас-трескиваясь и сбрасывая листья. Я приходил к сестрице, моля позабыть горе, но она возненавидела меня и ничего не хотела слышать. Я бросил к ее ногам Верное сердце, заклиная отомстить за мужа, но она и этого не пожелала. Скорбь преобразила ее. Она стала чудовищем, кошмарным существом, сеющим горе и печаль — и все из-за меня.

— Твоя сестра... *чудовище*? — Бен запнулся.

— Да, — проговорил Северин. — Существо, обрушившееся на твой город — моя сестра. Вот какую историю я пришел тебе поведать. И ты должен понять, что если ее возможно спасти, я все для этого сделаю. Но также ты должен понимать, какой опасности подвергаешься.

Бен разобрался с сестрами и историями. Но по-прежнему не мог взять в толк, чем заслужил, чтобы принц ему обо всем этом рассказал.

— Так ты пришел *предостеречь* меня?

— Когда я услышал твой голос той ночью, то мгновенно его признал. Этот голос я знаю лучше собственного. На долгие годы я лишился речи. Но теперь вновь могу говорить. И ты — тот, с кем я хотел побеседовать. Тот, пред кем я нахожусь в большом долгу.

— В долгу? — повторяя за Северином его последние слова, Бен чувствовал себя безмозглым попугаем.

— Знаешь, это почти свело меня с ума — пытаться поймать ускользающее время, слышать так мно-

го голосов, мешанину звуков и слов, которых я не мог разобрать. А потом ты заговорил со мной — со мной. И я начал понимать, что в промежутке между твоими визитами умещается день.

Щеки Бена начали розоветь. Это было уже слишком. Он осознал, что Северин может причинить ему такую боль, какой он до этого никогда не испытывал, потому что Бен уже приставил лезвие к своей груди и вложил рукоять в ладонь этого незнакомца.

Он любил Северина, но едва его знал.

Северин рассказал Бену остальное: как отец опечалился, что Скоррель превратилась в чудовище, но возжелал использовать ее мощь. Как приказал Гримсену сделать гроб, который будет удерживать ее, пока не найдется способ ею управлять. Северин описал, как делали гроб: ковали металлический каркас из закаленного кровью железа и ткали стекло из слез. Он рассказал, как выступил против отца, отговаривая Ольхового короля запереть Скоррель в гробу. Король рассердился на него, заявив, что мечтает, чтобы Северин со Скоррелью никогда не появлялись на свет; еще он поклялся, что если породит третьего ребенка, то лучше перережет ему горло, чем будет растить и ждать, пока тот предаст его, как предали они. Но Северин не отступал, как бы ни кричал отец. Он не позволил бы ему положить сестру в гроб.

Тогда Ольховый король обратил против сына свой волшебный меч, Сердце охотника, который никогда

не бьет мимо цели. И поскольку Северин расстался с Верным сердцем, то был побежден. Он оказался в стеклянном гробу вместо Скоррели и лежал в нем до тех пор, пока сестра Бена его не освободила.

Бен пытался сосредоточиться на словах и их смысле, но все, о чем он мог думать — так это о том, что пропал.

ГЛАВА 16

— *Проснись!* — голос Джека плыл где-то над Хэйзел, его рука похлопывала ее по щеке. Голос был хриплым, как будто он долго кричал. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Пожалуйста, проснись.

Хэйзел изо всех сил пыталась открыть как будто склеенные глаза. Когда девушке наконец удалось моргнуть, она увидела нависающего над ней Джека — сердитого, как никогда раньше. Он вдарил кулаком по земле и надолго закрыл глаза, переводя дух.

— О чем ты только *думала?* — прокричал он. Слова эхом заметались между деревьев.

Только тогда Хэйзел поняла, что они все еще в лесу, она лежит на траве, а над головой занимается бледно-серый рассвет.

Девушка попыталась сесть, но голова кружилась слишком сильно.

— Не знаю, — растеряно пробормотала она. — Я была... не знаю. Прости. Что... что случилось?

— До или после того, как ты пыталась утопиться в подземном озере? — Джек перестал вышагивать

взад-вперед по ковру из сосновых иголок, уперся затылком в ствол и посмотрел на облака, будто не мог до конца поверить, что отягощен столь ужасным бременем. — А как насчет того, что ты перечисляла простые числа вместо того, чтобы нормально разговаривать? Или угрожала гигантскому гриму рыцарским мечом? Кстати, понятия не имею, как тебе удалось его выпыгнать. Или потеряла сознание, а я не мог тебя разбудить и *по-настоящему волновался*, потому что вокруг столько всего происходит?

— Прости, — слабо повторила Хэйзел, потому что честно не могла придумать, что еще сказать. Девушка мало что помнила после того, как эльфийка ее поцеловала, и она почувствовала вкус меда и вина. Все остальное застилала тьма.

— Не извиняйся, — сказал Джек, проводя ладонью по лицу. — Я... не в себе. Не слушай меня.

Хэйзел заставила себя сесть и осмотрелась по сторонам. Головокружение и туман перед глазами немного отступили.

— Как мы здесь очутились? — спросила она, не узнавая лес. — Мы гуляли?

— Я тебя нес, — ответил он, улыбнувшись одним уголком губ.

Она, должно быть, ужасно тяжелая — как мешок муки, который к тому же порет всякую чепуху. Хэйзел и вообразить не могла, что можно испытать еще большее унижение; но оказалось, что как бы низко ты ни пал, всегда можно упасть еще ниже.

— Спасибо, — пробормотала она, стараясь не показать, как раздосадована. И только потом спохватилась: Народеу ведь не любит благодарностей. Раньше она никогда не думала, что с Джеком нужно соблюдать их правила, но после пира все изменилось. — Прости.

Это было уже третье извинение, и ей хотелось извиниться и в четвертый, и в пятый раз, бесконечно бормоча *прости-прости-прости*.

— Хэйзел, — произнес он с тяжелым вздохом. — Я не сержусь, окей?

— Окей, — девушка не поверила ему, но какой был смысл спорить?

Она снова повалилась на землю. Ноги были мокрыми — ботинки отсырели. Она не помнила, но догадывалась, как это произошло. Подземное озеро. Хэйзел хотелось сбросить их, но еще больше ей не хотелось шевелиться, а только лежать на спине и жалеть себя.

Джек присел на корень рядом. Куртку он, должно быть, где-то потерял; футболка была немного порвана на груди, будто ее кто-то сильно дернул.

— Во всяком случае, на *тебя* я не сержусь. Только на себя.

— Почему? — спросила она, недоверчиво фыркнув. — Я знала правила, но нарушила их.

— Ты вела себя, как любой человек, испивший волшебного вина. *Любой* человек с начала времен. Мне следовало тебя остановить. Я видел, что ты де-

лаешь и что делает она: поймал момент, но ничего не предпринял. Иногда, когда я с ними, то чувствую себя другим человеком. Другим существом, *отличным* от человека. Но ты... ты должна была находиться под моей защитой. Я тебя не уберег, а потом еще и наорал. Я вел себя просто омерзительно. Обе мои матери велели бы просить у тебя прощения. Мне очень жаль, Хэйзел.

В его голосе по-прежнему слышался странный призыв. Как ни странно, так он звучал более знакомо. Так полусонные люди иногда говорят с акцентом, который пропадает, стоит им полностью проснуться.

Солнечные лучи, просачиваясь сквозь кроны деревьев, согревали папоротники и траву вокруг Хэйзел. Птицы в небе перекликались друг с другом, воздух наполнял аромат раздавленной ежевики.

Близился рассвет.

— Я в порядке, — сказала она, приподнявшись, чтобы потянуть его за руку. Джек плюхнулся рядом.

— Но не благодаря мне, — заметил он.

— Во многом благодаря тебе я по-прежнему в *порядке*. У меня было настоящее приключение, — она вздохнула. — Только Ольховый король кое-что мне сказал. Велел привести ему Северина.

— Северина? — эхом повторил Джек.

— Принца, — пояснила Хэйзел. — У меня есть два дня. Если я не смогу этого сделать, Ольховый король грозитя насрать свой народ на город.

Брови Джека поползли вверх:

— Но ты сказала, что ничего не выяснила, когда с ним разговаривала.

— Я солгала, — пробормотала Хэйзел, скривив губы.

Джек выглядел скорее заинтригованным, чем рассерженным:

— Почему?

Не задавай вопросов, да не услышишь лжи. Откуда это? Фраза эхом отдавалась у нее в голове — народная мудрость, которую заучивают еще детьми. Девушка глубоко вдохнула и попыталась быть настолько честной, насколько могла.

— Не хотела видеть выражение твоего лица, потому что была уверена, что это будет ужас — ты и сейчас выглядишь напуганным. А я должна была признаться, как нас всех надули.

— Ты не должна делать это одна, — сказал Джек, перекатываясь на спину и глядя на небо, светлеющее над макушками деревьев.

Хэйзел вспомнила, каково это — иметь напарника. Тогда она считала, что нет ничего страшнее, чем если Бен откажется от их игры, и что ее предназначение — быть рыцарем. Рыцарем Бена. Рыцарем, который идет впереди, держа меч над головой и защищая барда — чтобы тот мог защитить всех остальных и потом рассказать историю.

— А ты не обязан так говорить, — ответила девушка Джеку.

— Если бы я был *обязан*, не многого бы это стоило, — он коротко улыбнулся. — Я тут подумал — а почему Ольховый король выбрал тебя? Почему он считает, что ты сможешь привести ему Северина? И почему ты не задала ему этих вопросов? Хэйзел, ты что-то недоговариваешь.

— Ты о чем? — Вопрос загнал Хэйзел в тупик. Сердце заколотилось.

Джек был достаточно умен, чтобы понять: она опускает кое-какие вещи. И даже догадаться, какие именно.

Одна мысль об этом побуждала сдаться и все рассказать. Девушка слишком устала от одиночества.

— Мне страшно. Сердце отбивает миллион ударов в час. Посмотри. Просто дай мне руку.

Он покачал головой, но затем, казалось, смягчился, позволив взять свою руку и прижать к ее груди. Его ладонь раскрылась, прохладные пальцы осторожно легли на ее сердце.

— Кто угодно бы испугался, — сказал он. — Это нормально.

— Я никогда не хотела быть нормальной, — тихо ответила Хэйзел. Это было больно — признаваться в подобном кому-то, кто, возможно, никогда не испытывал ничего похожего. Потом, еще тише, она попросила: — Отвлеки меня.

— Отвлечь тебя? — он посмотрел на нее из-под полуопущенных ресниц. Рука по-прежнему лежала на ее груди.

— Что? — спросила она, непроизвольно улыбаясь. Девушка не могла прочесть выражение его лица, но не могла не видеть, как его тело тянется к ней.

— Ты правда хочешь, чтобы я...

— Больше всего на свете, — ответила она уверенно.

Не говоря больше ни слова, он наклонился и приблизил губы к ее губам. На мгновение девушка испугалась: хочет ли он ее? Ее — и не только *так*.

Сперва поцелуй казался мечтательно-безумным продолжением ночных танцев. Джек целовал ее, будто был убежден, что она в сознании и в порядке, только пока они прикасаются друг к другу. Целовал, будто думал, что она обратится в дым, как только он остановится.

Девушка пододвинулась к Джеку, и его руки обвили ее, прижимая ближе, а пальцы спустились к талии. Все вокруг казалось текучим и замедленным. Хэйзел принялась возиться с рубашкой Джека, пытаясь стянуть ее через широкие плечи и прижимаясь щекой к его гладкой коричневой коже. С губ парня сорвался тихий горловой стон, словно прикрывающий какие-то другие, более дикие звуки, которые девушка так отчаянно хотела услышать. Хотя она и не могла перестать думать, как странно заниматься этим с другом.

Хэйзел чуть отстранилась, глядя на него: припухшие губы, неровное дыхание, глаза полузакрыты.

— Хэйзел... — начал парень, и она вдруг поняла: что бы он ни собирался ей сказать, она не желает

слушать. Не желает извинений, не желает отговорок — и не желает останавливаться.

Хэйзел поцеловала Джека, снова повалив его на землю, а потом еще раз — для закрепления эффекта. Руки парня скользнули под ее топ, нежные пальцы пробежали по ребрам. Джек выглядел бесстыдным и прекрасным с расстегнутыми и приспущенными джинсами. Ее руки легли ему на живот, и бедра толкнулись к ней.

— Хэйзел, — снова позвал парень, на сей раз положив руки ей на плечи, чтобы удерживать на небольшом расстоянии. Первые слова Джек произнес медленно, будто ему стоило больших усилий сосредоточиться, но только он заговорил, как речь полилась бурным потоком. — Хэйзел, я просто хочу сказать — ты мне нравишься. И... может, я с ума сошел, но я не уверен, захочешь ли ты продолжать, зная это. Мне думается, что нет, поэтому и решил уточнить. Но если ты по-прежнему хочешь, я готов сейчас же заткнуться.

Лицо Хэйзел потемнело; всего на мгновение на нем проступила паника. И хотя девушка попыталась улыбнуться, чтобы скрыть ее, было уже поздно. Джек знал Хэйзел лучше, чем она думала. Лучше, чем ей хотелось бы, чтобы ее знали. Парень коротко кивнул, и его руки соскользнули с ее плеч, чтобы застегнуть джинсы.

— Я нравлюсь тебе? — переспросила Хэйзел, желая удостовериться, что Джек имел в виду именно то, что сказал.

Он потер ладонями лицо.

— Да. Ты удивлена? Мне казалось, все уже догадались. Почему, думаешь, Картер постоянно поливает тебя грязью?

— Не знаю, — пробормотала Хэйзел. — Но уж точно не из-за этого!

Джек посмотрел на девушку голодным и немного отчаянным взглядом: она не была уверена, что когда-либо прежде видела на его лице подобное выражение.

— На вечеринках я постоянно думал, как бы тебя поцеловать. Воображал, как прижму тебя к дереву, отпихнув всех этих парней, на которых тебе плевать. Но думал, ты только посмеешься надо мной, ведь я лучший друг твоего брата — и все.

— Думаешь, я хочу обидеть Бена?

Джек пожал плечами:

— Я думаю, вы оба всегда хотите маленький кусочек того, чем обладает второй, вот и все.

То, как он был близок к истине, лишало присутствия духа.

— Но почему тогда ты этого не сделал? Почему не поцеловал меня?

Он почти беззвучно рассмеялся:

— Последнее, что мне нужно, так это еще один повод для притворства. Я не хочу вести себя так, будто ничего к тебе не чувствую. Ты нравишься мне уже очень давно. Однажды мама... она показала мне девочку с твоим лицом.

Хэйзел отстранилась от Джека, чтобы не чувствовать тепла его тела, затуманивающего мысли:

— С моим лицом?

— Ну да. Ты ведь знаешь, мой Народ может принимать разные обличья. Они просто играли со мной, — он нахмурился. — Хэйзел? Что такое?

К ее горлу подступила тошнота.

— Хэйзел? — повторил Джек, на этот раз громче. Он помахал рукой у нее перед лицом. — Слушай, я совсем не хотел тебя пугать. Давай забудем, что я сказал.

— Не в этом дело, — тихо пробормотала она, приводя свою одежду в порядок. — Мне нужно тебе кое-что рассказать. То, что я должна была рассказать раньше.

Он терпеливо ждал, пока девушка сядет.

Джек догадывался о многом, и Хэйзел надеялась, что парень поймет, почему она скрывала остальное. Хэйзел начала говорить прежде, чем успела все лучше обдумать.

Она рассказала ему обо всем. От охоты с бра-том — до ее сделки и пробуждения с землей на ногах и осколками стекла в ладонях; от загадок в орехах — до чудовища и всего, что Ольховый король сказал ей этой ночью.

Джек смотрел на нее в изумлении:

— Так он сказал, что ты служила ему все это время? Была рыцарем?

Она вздохнула:

— Понимаю, это звучит глупо, когда ты...

Не успела она договорить, как Джек схватил с земли длинную палку, с воплем подскочил и замахнулся на девушку.

Пораженная, она отреагировала, не задумываясь. Пнула его в живот и вырвала ветку из рук такими быстрыми движениями, что казалось, будто это произошло одновременно. Джек со стоном повалился в мешанину грязи, листьев и сосновых иголок. Хэйзел шагнула вперед, бессознательно переворачивая ветку и остановившись лишь за мгновение до того, как нанести удар.

Джек перекатился на спину и вдруг захохотал.

— Ты спятил? — закричала Хэйзел. — Что ты делаешь? Почему смеешься?!

Он затряс головой, прижимая одну ладонь к животу, а на другую опираясь, чтобы подняться.

— Не знаю. Подумал, что мы, возможно, разберемся, если... Ох, это действительно больно. Похоже, Ольховый король сказал правду. Тебя многому научили.

Она протянула руку, помогая ему встать.

— Ты в порядке?

— Контужен, но заслуженно, — ответил он, пошатнувшись. — Это был блестящий план, правда?

— Так ты не знал, что я его рыцарь? Тебе не запрещали меня об этом предупреждать?

Джек покачал головой:

— Если бы я знал, то рассказал бы. Нашел бы способ. Хэйзел, клянусь.

Несмотря ни на что, Хэйзел улыбнулась.

— Я просто... боюсь, что все разрушила.

— Это невозможно, — возразил он, сжимая ее пальцы. — Не все рушится, так что ты не могла разрушить *все*.

Одно мгновение Джек выглядел так, будто собирался сказать нечто большее, и она заметила тот переломный момент, когда он решил сменить тему:

— Ладно, нам обоим нужно поспать. Если мы не пойдем сейчас, то уже не сможем пробраться домой незамеченными.

— Да, ты прав. — У Хэйзел было столько всего, чтобы поломать голову, что перспектива вздремнуть казалась невероятно прекрасной. Просто на время отключиться от всего происходящего было лучшим, что она могла вообразить.

Они брели по лесу, пока не вышли к опушке рядом с домом Джека и не пересекли лужайку. Бледный мягкий свет едва начинал пробиваться сквозь деревья.

— Сможешь добраться до дома? — спросил Джек. Воспоминания о его прикосновениях не давали Хэйзел покоя. Ее легкие помнили его запах, а пальцы жаждали снова прикоснуться к его коже — чтобы увидеть, как он улыбается, почувствовать, что она по-прежнему ему нравится, и наконец-то успокоиться. — Я могу тебя проводить.

Хэйзел покачала головой:

— Я дойду.

Он засунул руки в карманы и отступил на шаг с рассеянной прощальной улыбкой:

— Тогда увидимся через пару часов.

В следующую секунду задняя дверь дома Гордонов открылась, и на пороге показалась его мама в голубом махровом халате. Она была босиком, волосы перетягивал шелковый шарф.

— Картер! Иди сюда немед... Джек?!

Они оба уставились на нее, слишком потрясенные, чтобы двигаться или тем более отвечать.

— Джек! — повторила мама, направляясь к ним через газон. — Я бы поверила, будь это твой брат, но чтобы ты... И Хэйзел Эванс. Что скажет твоя мать, когда узнает, что ты провела ночь с мальчиком... — она замолчала, как только получше их разглядела.

Лицо Хэйзел залила краска.

— Где вы были? — требовательно спросила миссис Гордон.

— Ну, вы знаете, — выпалила Хэйзел. — Как вы и сказали. Проводили ночь.

— В лесу? В полнолуние? — она произнесла эти слова гораздо тише — будто не им, а самой себе. Потом повернулась к Джеку: — Ты водил ее к ним? Да как ты мог?

Джек отшатнулся, словно от удара.

— Ты знаешь, что говорят в городе? Будто все это происходит из-за тебя.

— Но это не значит... — начала было Хэйзел.

Миссис Гордон подняла руку, обрывая девушку на полуслове:

— Достаточно, вы оба. Джек, ты должен уйти. Тебе пока нельзя домой. Можешь пойти к Эвансам или в любое другое место, где тебя примут на какое-то время. И не возвращайся, пока я не скажу. Ты понимаешь?

Хэйзел никогда не думала, что миссис Гордон выгонит Джека вот так, ни за что. Посадить под домашний арест — пожалуйста. Заставить заниматься домашними делами, или отобрать мобильник, или лишить карманных денег — но не это. Не выгонять из дома, будто он никогда не был ей сыном.

На скулах Джека заходили желваки, глаза вспыхнули ярким светом. Но он не протестовал и не просил, даже не объяснился. Только коротко кивнул. Потом развернулся и зашагал прочь. Хэйзел побежала за ним.

— Пойдем ко мне, — предложила она.

Джек снова кивнул.

Ничего не говоря, они пошли, держась края дороги. Хэйзел наслаждалась утренним воздухом, и хотя ноги все еще болели после танцев, идти по асфальту было приятно. Солнце быстро карабкалось по небу, пригревая спину, но для автомобилей было еще слишком рано, так что Хэйзел пошла прямо по разделительной полосе.

Джек шагал с ней в ногу, будто они были наемниками, направляющимися в неизвестный новый город в поисках неприятностей.

ГЛАВА 17

Бен сидел за письменным столом, глядя на спящего Северина. Он никак не мог поверить, что мальчик, которому он шептал через стекло, теперь лежит в его кровати. Голова принца покоилась на подушке — один рог оставил в ней глубокую вмятину, — на которую Бен пускал слюни, в которую плакал, на которой оставались частички его кожи, и чем больше парень об этом думал, тем отвратительней это выглядело. Отчасти из-за этого казалось, что Северин просто не может здесь находиться. Комната Бена была совершенно обыкновенной, забитой барахлом, накопившимся за семнадцать лет, а Северин был совершенно необыкновенным.

Они проговорили несколько часов, сидя в темноте. Ближе к рассвету Северин опустил голову на пол; его голова откинулась назад, открывая длинную шею, глаза закрылись.

— Можешь лечь в кровать, — сказал Бен, переминаясь на ее край и сминая стеганое одеяло. — Если ты, конечно, хочешь отдохнуть.

Глаза Северина распахнулись. Он быстро заморгал, словно позабыл, где находился:

— Благодарю. Но мне не пристало. Боюсь больше не проснуться.

Бен произвел в уме нехитрый подсчет.

— Ты спал с тех пор, как проклятие было снято? Это случилось два дня назад. Прошло около сорока восьми часов.

Северин неопределенно кивнул.

— Ты планируешь *больше никогда* не спать? — поинтересовался Бен, немного преувеличенно приподнимая брови.

Уголки губ Северина поползли вверх:

— Находишь, будто я так утомился, что не смогу уловить сарказм?

— Это не сарказм, — улыбнувшись, ответил Бен. — Во всяком случае, не совсем сарказм.

Северин со стоном заставил себя встать и растянулся на Беновом стареньком покрывале с картинками из «Звездного пути»; сестре Бен говорил, что оно нелепое, но втайне очень его любил.

— Неужто я недостаточно наспался? — спросил принц, но речь его стала неразборчивой, он потянулся и провалился в сон.

Он был красив, как никогда: тяжелые волны темных волос кудрявились вокруг рогов, брови выгнулись, ярко-розовые губы слегка приоткрылись. Теперь, когда принц больше не был заколдован, он спал, беспокойно ворочаясь; глаза двигались под ве-

ками. Может, с тех пор, как он был заперт в гробу, ему впервые снился сон.

Бен так и сидел, как одинокий страж, пока небо не начало светлеть и он не услышал скрип ступенек на лестнице. Парень подошел к двери и приоткрыл ее. В коридоре стояла его сестра, позади нее — Джек. Хэйзел выглядела, как будто вернулась с вечеринки: на ней был зеленый бархатный топ, которого она точно не надевала вчера утром. Джинсы были грязны, а топ разорван вдоль одного из швов. Из взъерошенных волос торчали веточки. Бен наблюдал, как они вошли в комнату Хэйзел.

— У тебя точно не будет проблем, что ты меня привела? — прошептал Джек, присаживаясь на край ее кровати.

Хэйзел покачала головой и пошла закрыть дверь: — Маме будет все равно. Ты ей нравишься.

Где они были? Бен уставился на закрытую дверь, недоумевая, что именно он сейчас видел. Куда бы Хэйзел ни заставила Джека взять ее этой ночью, это явно имело отношение к тому, как у нее получилось освободить Северина, и всему остальному, о чем она вралась в последнее время. Но то, что он увидел их вместе, причем выглядящих так, будто они собирались спать в одной кровати, беспокоило Бена по совершенно другим причинам.

Он любил свою сестру, но она стольким разбила сердца! И парень предпочел бы, чтобы Джек избегал их участи.

В коридоре снова стало темно. Через несколько секунд Хэйзел вышла из комнаты. Бен подумал, что она собирается в ванную. Он мог бы поймать ее по пути и расспросить, что происходит. Но девушка остановилась, прислонилась к стене и начала рыдать.

Ужасный, беззвучный плач заставил ее сложиться пополам, обхватив живот руками, как будто плакать было очень больно. Сползя по стене, она присела на пол — тоже почти бесшумно. Слезы бежали по щекам и капали с подбородка, а она все раскачивалась взад и вперед.

Хэйзел никогда не плакала. Она была выкована из железа и никогда не ломалась. Никто не был таким выносливым, как его сестра. Хуже всего оказалось то, как тихо она рыдала — словно училась этому, словно успела к этому привыкнуть. Бен помнил, как в детстве завидовал Хэйзел, свободной от обязательств или чужих надежд. Если она хотела учиться сражаться на мечях по роликам на Ютубе и книгам, взятым в библиотеке, мама с папой не говорили, что вместо этого она должна играть гаммы. Она не была мишенью для родительских лекций о том, что таланту не следует пропадать впустую, дар подразумевает обязательства, а искусство — самое главное в жизни.

Теперь Бен понимал, как они старались быть внимательны друг к другу, как боялись невзначай ударить в больное место. Но щадить другого человека не так-то просто. Легко посчитать, что ты преуспел, хотя на самом деле с треском провалился.

Через пару мгновений Хэйзел протерла глаза краем бархатного топа. Потом поднялась, еще раз судорожно вздохнула и вернулась в свою комнату.

Бен пошел следом и повернул ручку. Джек расшнуровывал ботинки, Хэйзел расчесывала волосы; ее глаза были красными и немного припухшими. Увидев Бена, оба замерли.

— Всего лишь я, — сказал он.

— Мы не... то есть не совсем... — начал Джек, делая жесты в сторону кровати, что, как расшифровал Бен, означало: «Я не пытаюсь обесчестить твою сестру, хотя, возможно, и надеюсь, что у нас будет секс». Хэйзел одновременно принялась извиняться, что бросила Бена.

Он поднял руку, призывая их помолчать:

— Пусть говорит кто-нибудь один — лучше Хэйзел. Я хочу знать, что на самом деле произошло. Прямо сейчас. Начиная с того, где вы провели прошлую ночь.

— Мы ходили на фейский пир, — ответила Хэйзел, с размаху садясь на кровать. Она выглядела изнуренной: под глазами залегли темные тени. Бен не ожидал, что после стольких отговорок сестра так легко признается. — Не все прошло так, как я надеялась, но кое-что выяснить удалось. Ольховый король предложил поймать его сына в обмен на безопасность города. Проблема лишь одна: он чокнутый. Окей, две проблемы: его представления о безопасности города — чушь собачья.

Бен вытаращился на нее. Он видел существ из Народца, но лишь нескольких, и все они были устрашающими. Парень даже представить себе не мог, как можно добровольно посетить их сборище. Особенно если бы он был Хэйзел — убившей, по крайней мере, троих из них. Смелость сестры всегда его удивляла, но сейчас он был просто поражен.

— Ольховый король хочет, чтобы ты привела ему Северина?

Хэйзел впиалась в него взглядом:

— Откуда ты знаешь, что Северин его сын? Он нам этого не говорил.

Бен пожал плечами:

— Догадался. Кем еще он может ему приходиться?

Хэйзел покачала головой:

— Ты никудышный лжец. И все еще во вчерашней одежде. Очевидно, секреты есть не только у меня. Так где же *ты* был прошлой ночью?

Бен вздохнул, прошел через комнату и притворил дверь.

— Нигде. Здесь. Северин пришел сюда. Ему нужна моя помощь.

Брови Джека взметнулись вверх. Хэйзел словно окаменела: она сознавала, что должна что-то сделать, но понятия не имела, что именно. Бен с затаенным удовольствием подумал, что время от времени тоже может быть шокирующим.

— Он... что сказал рогатый мальчик? — спросила Хэйзел.

Джек сел на стул перед ее туалетным столиком, чувствуя себя ужасно неудобно: парень боялся, что его попросят занять чью-то сторону в еще не завязавшемся споре.

— Прежде всего, он хочет вернуть свой волшебный меч, — сказал Бен.

— Надеюсь, ты ему этого не пообещал, — ответила Хэйзел. — У меня его нет. И, предвосхищая твой вопрос, я не знаю, кто его взял или где он спрятан. Я искала зацепку на пире.

— И что тебе еще удалось узнать?

Хэйзел потерла лицо ладонями и взглянула на Джека. Он ответил ей выразительным взглядом.

— Не слишком много, — наконец ответила она. — Ты можешь снова связаться с Северином? Попросить его с нами встретиться?

— Не знаю. Ты же не собираешься выполнять приказ Ольхового короля? Не будешь причинить Северину боль?

— Я готова сделать все, что нужно, — ответила Хэйзел, вставая. Мускулы на ее челюсти дернулись: она стиснула зубы.

Мгновение Бен думал ничего не говорить — просто развернуться и уйти. Но потом вспомнил о ребятах, которых вытаскивали из школы на носилках, и о том, что рассказал Северин о своей сестре.

— А ты расскажешь мне все, абсолютно *все*, что скрывала?

Хэйзел посмотрела на Джека, и он приподнял брови в ответ. Должно быть, она что-то ему рассказала, раз они обмениваются такими взглядами, подумал Бен.

— Расскажу, — кивнула Хэйзел. — Мне следовало сделать это раньше. Ты хочешь услышать все прямо сейчас? Если честно, я ног под собой не чувствую, а рассказывать долго.

И хотя это звучало очередной отговоркой, на этот раз Бен поверил сестре. Она выглядела совершенно обессиленной.

— Окей. Но учтите — он в моей комнате.

— Что? — Хэйзел вскочила с кровати и сделала несколько шагов к двери. — Ты издеваешься?

— Нет, — ответил Бен. — И ты не имеешь права на меня злиться, потому что сама врала мне и кучу всего скрывала. Навязалась моему лучшему другу и сделала его своим соучастником. Ты не имеешь права сердиться!

Хэйзел передернуло:

— Я пыталась защитить тебя.

Джек явно хотел что-то сказать. Но он тоже слишком устал: глаза парня казались прозрачными, щеки впали.

— Он спит. И я не собираюсь будить его ради допроса, — сердце Бена бешено колотилось. Увидев реакцию сестры, он начал подозревать: что бы она от него ни скрывала, это гораздо серьезней, чем он предполагал. Ему было немного страшно услышать правду.

— Ты обещаешь его удержать? — спросила Хэйзел. Бен не имел ни малейшего представления, как это сделать.

— Да. Когда вы проснетесь, мы обо всем поговорим.

Джек поднялся, как будто только сейчас вспомнил, что оставаться в комнате девушки — не по-джентльменски, а вот у ее брата он ночевал миллион раз.

— Нет, не уходи, — тихо попросила Хэйзел, ловя его за руку.

И Джек не смог ей отказать.

Это заставило Бена предположить, что он напрасно считал, будто Хэйзел предопределена Северину.

— Крепких снов, — выпалил Бен, отступая к двери, пока Джек не передумал.

Он не был готов делить Северина с кем бы то ни было. Он только начинал узнавать его, только учился думать о нем как о ком-то, кого вообще можно *узнать*.

Вернувшись в свою комнату, Бен замер от окатившего его страха: Северина там уже не было. Как будто, произнеся его имя вслух, рассказав сестре о его полуночном визите, он разрушил некие чары. Окно было распахнуто, занавески колыхались на ветру. На полу валялись несколько сухих коричневых листьев.

Паникуя все сильнее, Бен выбрался на скат крыши. Несколько незакрепленных реек полетели на

землю. Утреннее небо было светлым и ярким, роса еще не высохла.

Бен втянул прохладный воздух. В первое мгновение он увидел только деревья и дорогу. Затем, секунду спустя, заметил Северина, сидящего на ветке огромного платана, который рос неподалеку от водосточного желоба.

Бен с облегчением выдохнул и медленно пошел по крыше, пытаясь не поскользнуться.

— Эй...

— Я не вещь, чтобы за меня бороться, — отрезал рогатый мальчик.

Он снял Бенову толстовку с капюшоном и остался в позаимствованной футболке и джинсах; босые ноги опирались на кору. В тени ветвей платана он казался совершенно чужим.

— Я знаю, — пробормотал Бен, подходя ближе к дереву. — Прости. Я не в курсе, что ты услышал — могу только догадываться. Но она не причинила бы тебе вреда, даже если бы могла.

Северин улыбнулся:

— У меня тоже есть сестрица, ты же помнишь. Я разумею, каково это — не видеть родных братьев или сестер такими, какие они есть на самом деле. Ты оказал мне добрую услугу, которую я не скоро позабуду, Бенджамин Эванс. Этой ночью ты подарил мне утешение. Я не вправе просить у тебя чего-либо большего.

Бен взобрался на дерево, не зная, правда, куда деть ноги. На мгновение ему показалось, что он сейчас сорвется, но парень все-таки смог удержаться.

— Хэйзел ходила на пир и видела твоего отца. Он с ней говорил. Мы должны объединить знания и вместе продумать следующие шаги. К тому же, я знаю, тебе нравится Хэйзел, даже если ты притворяешься, будто это не так.

Северин взял Бена за руку и потянул вглубь кроны, где было легче сохранять равновесие:

— Ибо я подарил ей поцелуй?

— Потому что Хэйзел такая... Она всем нравится. Всем парням. Она идет по жизни, будто ничего ее не трогает и никто не может до нее дотянуться. Как будто она сосредоточена на чем-то лучшем и более важном, о чем она ни слова не собирается тебе рассказывать. Это сводит людей с ума. Это их очаровывает.

— А ты не очаровываешь? — поинтересовался Северин. Бен не смог понять, дразнит тот его или нет.

— Уверен, когда ты ее целовал, то заметил, что она не какой-то там раздражительный неуклюжий парень, — произнеся это, Бен почувствовал себя ужасно нелепым. Одно дело считать себя неуверенным, но показывать свою неуверенность — совсем другое.

Северин посмотрел на него долгим внимательным взглядом, а потом наклонился и прильнул к

губам Бена. Это был проникновенный, голодный поцелуй. Рука, которой принц до этого держался за дерево, обвила голову Бена. Тот зарылся пальцами в волосы Северина и провел по рогам, твердым и холодным, как морские ракушки. Отстранившись от Северина несколько мгновений спустя, Бен затрепетал от гремучей смеси вожделения, ярости и страха. Да, он этого хотел. Но не желал, чтобы это швыряли ему в лицо.

— Плохо ли то, что мне по нраву, как ты дрожишь и отшатываешься? — спросил Северин.

Бен слотнул:

— Уверен, что не слишком хорошо.

Рогатый мальчик приподнял брови:

— Как ты думаешь, что я заметил, когда целовал тебя?

Бен вздохнул, глядя вниз, на разношерстный газон. Он хотел, чтобы Северин *рассказал* ему. О чем тот думал, когда его пальцы впились в кожу над бедром Бена? Что чувствовал, когда, задыхаясь, его целовал? Но парень повел себя, как ребенок:

— До меня дошло: нелепо ревновать, когда у тебя есть настоящие проблемы с сестрой-чудовищем и отцом-убийцей.

Зашелестели листья — Северин отодвинулся. Его глаза были зелеными, как густые рощи и заросшие овраги.

— Мои, как ты говоришь, проблемы — также и твои. Весь Фэйрфолд «осчастливлен» моими пробле-

мами, но они не умаляют твоих собственных. Вы с сестрой очень дорожите друг другом. И, чтобы выказать заботу, обмениваетесь изысканными букетами лжи.

— Не совсем так.

— Я знаю тебя, Бенджамин Эванс, — возразил Северин. — Помнишь?

Бен поскользнулся, почти потеряв равновесие. Он думал о Северине как о ком-то ненастоящем, как об истории, *волшебном принце* — прекрасном и недостижимом. И все еще не мог привыкнуть, что Северин знал о нем больше, чем кто-либо в этом мире.

— Ты множество раз говорил, что любишь меня, — тихо заметил мальчик. Щеки Бена горячо вспыхнули, стоило ему это услышать. — Но, возможно, больше всего ты любил собственное лицо, отражавшееся в стекле.

Было что-то несправедливое в том, как принц знал Бена. Несправедливо, что он мог сыграть на всех Беновых комплексах столетней давности, и как заправский хирург, препарировать его душу рядом стремительных хирургических надразов — таких тонких и уверенных, что Бену казалось: он истечет чувствами еще до того, как осознает, насколько глубоки раны.

— Нет... это не так, — ответил Бен. — Но да, мне бы хотелось любить, как в сказках, песнях и балладах. Любовью, что поражает, словно удар молнии.

И мне жаль, что я добился лишь того, что ты считаешь меня прибабахнутым. Смешным. Это понятно по тому, как ты надо мной подшучиваешь. Я знаю, насколько глуп, но хотя бы не строю иллюзий на этот счет.

Северин плавно вернулся на крышу и учтиво подал Бену руку, помогая слезть с дерева, как мог бы предложить даме в длинной юбке помочь спуститься с лошади.

— Я тоже знаю, Бенджамин Эванс. Ты вовсе не такой глупый, как считаешь.

Бен протянул руку, принимая помощь. Они уже подходили к окну, когда на подъездную дорожку въехал грузовик. Он принадлежал Сьюзи, маминой знакомой; эта татуированная скульпторша лепила лица маленьких зеленых человечков для украшения окон и дверей. Она была в юбке, со стянутыми в хвост волосами, как будто собиралась в церковь или вроде того.

— Странно, — заметил Бен, неподвижно ожидая, пока Сьюзи скроется в доме. — Надо выяснить, что там происходит.

— Ты задаешься вопросом, останусь ли я, — заключил Северин.

Бен кивнул.

— Я буду там, где ты меня покинешь, — заявил принц, усаживаясь на крутящийся стул перед компьютером и изучая Бена непостижимыми мшисто-зелеными глазами.

Бен мысленно составил список смущающих вещей, которые увидит Северин, если посмотрит по сторонам, а потом понял: там нет ничего и вполвину такого же смущающего, что Северин уже знал.

Рогатый мальчик усмехнулся, будто читая его мысли.

Бен спустился по лестнице.

— О боже, ты проснулся, — всплеснула руками мама. Она была очень необычно одета: джинсы без пятен краски, свободный топ в цветочек и три нитки серебряно-бирюзовых бус. Если бы не проблески седины в волосах, издалека ее можно было бы принять за Хэйзел. — Я слышала, как твоя сестра вернулась на рассвете. Скажи ей, чтобы собиралась. Как только я вернусь, мы отправимся в путь.

— А куда ты идешь?

— Весь город собирается у Гордонов. Поговорить о Джеке.

— О Джеке? — эхом повторил Бен.

— Ты знаешь, он мне нравится. Но одни говорят — он заодно с Народцем. А другие, что если он вернется к феям, то все эти ужасные вещи, происходящие в последнее время, прекратятся.

— Но ты ведь в это не веришь, правда? — Бен подумал о Джеке, примостившемся рядом с Хэйзел в ее комнате, и почувствовал вспышку чистой ярости к каждому человеку в Фэйрфорде, который думал так, как озвучила мама.

Она вздохнула и потянулась за термосом с кофе и старым коричневым кошельком с вышитыми на нем голубыми птицами.

— Я не знаю. Не думаю, что он в сговоре с Народцем, но Джек был у них *украден*. Может, они жаждут его возвращения. А может, хотят отомстить. Я бы так и сделала, будь его матерью.

— Джек ни в чем не виноват.

— Послушай, никто еще ничего не решил. Мы просто идем к Гордонам, чтобы все как следует обсудить. А когда я вернусь, надеюсь, мы сможем уехать из города на некоторое время.

— Мам, — сказал Бен. — Если ты позволишь им сделать что-нибудь с Джеком, я тебе никогда не прощу. Он такой же, как мы. Он такой же человек, как и все остальные люди.

— Я просто хочу, чтобы вы с Хэйзел были в безопасности, — возразила мама. — Это все, чего каждый из нас хочет для своих детей.

— Тогда, возможно, вам не следовало воспитывать нас здесь, в Фэйрфолде, — ответил Бен.

Мама мрачно на него посмотрела:

— Мы вернулись сюда из-за тебя, Бенджамин. Мы могли бы остаться в Филадельфии, если бы ты шел по своему пути, делая то, о чем остальные могут только мечтать. Но ты не выдержал отъезда из Фэйрфолда. У тебя был шанс зажить другой жизнью, а ты даже не обеспокоился тем, чтобы как следует разработать руку.

Бен был слишком потрясен, чтобы ответить. Они никогда не говорили о Филадельфии, а если и говорили, то не так: обычно никто из них не подавал виду, что произошло что-то плохое. Они никогда не упоминали о грозных событиях его детства. О трупе, который Хэйзел нашла в лесу, или о том, что мама с папой разрешали им бродить где угодно. Бен всегда считал, они связаны негласным семейным соглашением: у каждого был собственный источник печали, и припадать к нему следовало, никого не беспокоя.

По-видимому, что-то изменилось.

Подойдя к двери, мама обернулась и пронзила его взглядом:

— Скажи сестре, чтобы собиралась, окей?

Дверь закрылась. Задержавшаяся на кухне Сюзи подошла к Бену и похлопала его по плечу:

— Ты сказал, он такой же человек, как и мы. Откуда такая уверенность? Как можно узнать, что скрыто в их сердцах?

Прежде чем Бен успел ей ответить, она поспешила на улицу. Несколько мгновений спустя парень услышал, как по гравию зашуршали шины грузовика.

Бен уронил голову на стол. Его мысли пребывали в полнейшем беспорядке. Затем, не зная, что еще сделать, он достал четыре кружки и принялся разливать кофе.

Всем им предстояло адское утро.

ГЛАВА 18

Хэйзел никогда не спала в одной кровати с парнем, разве что с братом. Девушке казалось, это сразу даст понять, что она не так уж хороша в отношениях. Она воображала, как будет ворочаться с боку на бок, тянуть на себя одеяло, брыкаться, а потом чувствовать себя виноватой. Но Хэйзел не представляла, что ощутит, положив голову на руку Джека. Или какой теплой будет его кожа, или что у нее появится возможность сполна насладиться его запахом — леса и гор, и глубоких топистых озер, — а он даже не заметит. Она не знала, каким сильным он покажется. Хэйзел не представляла, как рука Джека будет прикасаться к ее спине, медленно, будто он не может прекратить до нее дотрагиваться — или как она будет дрожать, когда парень это сделает.

Впервые с момента, как Джек сказал ей *те* слова, она позволила себе окунуться в них. «Я просто хочу сказать, что ты мне нравишься». *Ты мне нравишься*, сказал он перед тем, как она призналась, что служит Ольховому королю. *Ты мне нравишься* — перед тем, как она покаялась, что скрывала от

него кучу разных вещей. Все произошло так неожиданно, что в это было трудно поверить.

И она не призналась ему в ответ.

Она могла сделать это сейчас — разбудить и сказать. А вдруг он наполовину бодрствовал, как она — наполовину спала? Тогда она может просто шепнуть ему на ухо. Пока девушка размышляла над этим, на лестнице послышались шаги.

В комнату, не постучавшись, вошел брат с тремя чашками кофе. За ним — опираясь на дверной косяк, тоже с чашкой в руках — стоял рогатый мальчик. Северин в Беновой одежде выглядел так же естественно, как и в лесу. Северин, на которого она должна была охотиться. Северин, которого она освободила. Северин, который одарил ее плутовской улыбкой.

Хэйзел, зевая, скинула одеяло. Выскользнув из кровати, она схватила с туалетного столика шпильку для волос и взмахнула ею в направлении принца, словно мечом, а потом подобрала волосы.

Северин отсалютовал ей кофейной чашкой.

— Гляжу, ты еще не сыскала моего меча, — он приподнял брови, отхлебывая кофе. На его лице мелькнула улыбка — девушка покраснела.

Бен пересек комнату и протянул сестре чашку, явно в знак примирения.

Она сделала большой глоток, однако кофеину было не под силу справиться с такой усталостью. Но все же напиток был теплым, разбавленным соевым

молоком и вымывал изо рта вкус слез. Девушка тяжело опустилась на стул возле зеркала:

— Что происходит?

— У тебя дома что-то вроде городского собрания, — объяснил Бен Джеку. — Все думают, что беда с Амандой и в школе произошла из-за того, что ты не возвращаешься в Волшебное царство. Они хотят, чтобы ты ушел к феям. Надо вытащить тебя отсюда. Спрячем там, где они не найдут.

— Что? — у Джека округлились глаза. Он растерянно провел рукой по лицу и волосам. — Мама тоже так думает?

— Он же не хомячок, которого можно сбить в добрые руки! — возмутилась Хэйзел.

— Не думаю, что твои родители имеют к этому отношение, — покачал головой Бен. — Скорее всего, это кучка глупых напуганных людишек.

— Вот почему она меня отослала, — тихо сказал Джек, как будто не был до конца уверен в правоте своих слов. — Не потому что не хотела, чтобы я возвращался домой. Просто знала, что зайвится толпа. Но она... Они обвинят мою семью, если меня там не окажется.

С этими словами он начал обуваться.

— Джек, там будет весь город, — сказала Хэйзел. — Ты знаешь, что это не твоя вина. Случившееся не имеет к тебе никакого отношения. Никакого.

— Вот это я и собираюсь им сказать, — заявил парень, выходя из комнаты и сбегая по ступенькам.

— Я с тобой, — Хэйзел схватила сапоги, не потрудившись их надеть. Затем она повернулась к Бену: — Держи его здесь, пока мы не вернемся.

Она бросилась вниз по лестнице.

— Полагаю, что все-таки покину сей дом, — крикнул ей вслед Северин. — Утомляет, что обо мне толкуют, будто я по-прежнему сплю.

Когда девушка выбежала на газон, Джек уже заводил машину ее брата. Должно быть, он знал, где Бен хранит запасные ключи. Хэйзел едва успела плюхнуться на пассажирское сиденье, прежде чем Джек вывел автомобиль на дорогу.

* * *

Дом Гордонов — кремовый, с белой отделкой и идеальной, нигде не отслаивающейся штукатуркой, — был построен в английском колониальном стиле и выглядел просто отлично. Он стоял на невысоком холме с видом на дома поменьше и позапущенней.

Дом был старым, но любовно отремонтированным и достаточно большим, чтобы оказать гостеприимство половине города. Это пришлось очень кстати, потому что, судя по всему, как раз половина города там и собралась.

Автомобили, припаркованные вдоль дороги, исполосовали колесами лужайку мистера Гордона. Хэйзел все лето наблюдала, как папа Джека сеял, поливал и косил; его лоб блестел от пота. Никто не ходил по

этой лужайке: ни почтальон, ни друзья Картера и Джека, ни даже собака, которая знала, что побегать можно на заднем дворе. Вид грязных канав, убивших всю работу мистера Гордона, выбил Хэйзел из колеи. Как будто внезапно изменились правила.

Пока Джек все быстрее и быстрее шагал к дому, его руки сжались в кулаки.

Наконец он дернул дверь и вошел в прихожую. Все деревянные детали дома были покрашены свежей блестящей краской. Она мерцала в залитых солнцем комнатах, где стояли или сидели на складных стульях люди; некоторые держали на коленях пластиковые стаканчики с чаем. Пуфики и стулья явно собирали по всему дому, чтобы разместить многочисленных гостей. Никто не обратил внимания на вошедших.

Миссис Питтс, работавшая на почте, качала головой, глядя на маму Джека:

— Ниа, не то чтобы этого кто-то хочет. Но мы не можем избавиться от мысли, что именно твой поступок обострил отношения с лесными людьми. Это не совпадение: они ухудшились, когда ты украла у них Джека.

Это правда? Хэйзел тогда была совсем ребенком — только родилась. Когда люди говорили, будто бы раньше в Фэйрфорде жилось спокойнее и Народец не так свирепствовал, она считала, что это было многие десятилетия назад, а не в недавнем прошлом.

Значит, вот когда все стало плохо?

— Нам нужно навести порядок, — заявил шериф. — В прошлом месяце в лесу чего только не происходило. Возможно, кто-то из вас слышал о нескольких инцидентах, которые не попали в газету, и все наверняка знают, что случилось в школе. Аманда Уоткинс не первая, кто впал в кому. Месяц назад мы нашли на окраине города какого-то искателя приключений. Все вокруг заросло — виноградные лозы были такими буйными, что практически скрыли его машину. А две недели спустя Брайана Кеннинга, который играл в лесу рядом с домом, нашли свернувшимся на куче листьев. Они настроены против нас, эти феи. И тем, кто тешит себя надеждой, что рогатый пацан проснулся, чтобы спасти нас всех, самое время разуть глаза.

Хэйзел вспомнила об обещании Ольхового короля: если она приведет ему Северина, в городе все снова станет хорошо, *вернется на круги своя*. Как будто бы великодушное предложение. Девушка полагала, что знает, насколько в Фэйрфолде все плохо; верила, что в курсе всех его секретов. Но, как оказалось, была очень далека от истины.

«Что бы я сделал, если бы вы мне позволили? — спрашивал маленький гоблин. — Что бы я сделал, если бы вы мне позволили?.. Чего бы я *не* сделал?»

— Мы не можем доверять подменышу, — заявил мистер Шредер. — Даже если они не хотят его возвращения, я против, чтобы он остался. Это слишком опасно.

Все лето, пока Хэйзел работала в «Лаки», она обожала мистера Шредера. Теперь девушка его возненавидела.

— Оба моих ребенка дружат с Джеком, — возразила мама Хэйзел и Бена. — Я знаю мальчика с самого рождения. Обвинять его просто потому, что он единственный из Народеца, кого многие из нас когда-либо встречали, — неправильно. Он вырос здесь. Он такой же гражданин Фэйрфолда, как каждый из нас.

Хэйзел почувствовала большое облегчение, услышав слова матери, но не была уверена, что они убедили остальных. Похоже, горожане уже приняли решение.

— Народец был добр к фэйрфолдцам, — вставила пожилая миссис Киртлинг, которая стояла под двумя скрещенными саблями времен Испано-американской войны и выглядела в высшей степени непоколебимой. Много лет назад она занимала пост мэра города и, как все помнили, была этого достойна. — У нас было взаимопонимание. Но что-то его нарушило.

— Они не всегда были добры к нам, — отрезала мама Джека. — Не пытайтесь переиначить историю, чтобы стало легче принять решение. Нет, они не относятся к нам хуже с тех пор, как Джек стал жить с нами. Если вы припомните, они прекратили забирать наших детей, не сумев забрать Картера.

— Что ж, возможно, добры — слишком громко сказано, — согласилась миссис Киртлинг. — Но вы

не можете отрицать, что жизнь в этом городе отличается от жизни в других местах. И вы не можете отрицать, что вам здесь нравится — ведь вы привезли с собой этого мужчину из Лиги плюща вместо того, чтобы остаться с ним. Если бы вы хотели нормальности, то поселились бы в Чикаго. И там бы никогда не было бы никакого Джека.

Стоящий рядом с Хэйзел Джек напрягся.

— Вы забрали своего сына у Этих Самых и даже на довольно долгое время получили на воспитание одного из них — хотя не имели на него никаких прав, а основывались лишь на недальновидности его матери. Но не могли же вы думать, что он останется с вами навсегда?

Хэйзел видела буклеты различных университетов на буфете Гордонов. Его мать была совершенно уверена, что он останется навсегда. Оглядывая комнату, Хэйзел узнавала школьных учителей, лавочников, родителей ребят, которых знала всю свою жизнь; даже нескольких детей. Большинство из них кивали, как будто передача Джека феям была чем-то большим, чем средством успокоить страхи.

В конце концов, в Фэйрфорде Народец причинял вред только туристам. Если вы пострадали, значит, вели себя, как турист, верно? Сделали что-то неправильно. Кто-то *должен* был сделать что-то неправильно.

И пока виновным считался кто-то другой, никто не допускал мысли, насколько беспомощными были они все.

— Так бывает, когда находишь одного из этих престестных птенцов хищных птиц, — вставила Лекси Карвер, сестра Франклина и одна из самых молодых присутствующих женщин. В городе ее семья была печально известна поеданием сбитых зверьков. Если верить слухам, они состояли в дальнем родстве с троллем. — Хочется забрать их домой и заботиться о них, кормить мясными обрезками, но если это сделать, нарушится их охотничий инстинкт. Позже они не смогут выжить самостоятельно, когда возникнет такая необходимость. Ему здесь не место, Ниа. Это нехорошо для него. Это неправильно.

— А вам не кажется, что для подобных метафор слишком поздно? — громко поинтересовался Картер. Теперь стало ясно, что он все это время подслушивал с лестницы. — Вред уже причинен. Она уже прикормила его мясными обрезками или чем там еще. Все точно так, как вы говорите: Джек не сможет выжить, если мы отправим его обратно.

— *Картер*, — оборвала его мама тоном, который явно давал понять: он не должен был ничего говорить.

— Прощу прощения, — пробормотал парень, садясь на прежнее место — а потом вздрогнул от неожиданности, увидев, что в коридоре напротив него стоят Джек с Хэйзел.

— Мы примем к сведению все, что вы сказали. Надеюсь, вы понимаете: это решение должна принимать семья, и... — начала была мама Джека, но,

проследив за взглядом Картера, остолбенела. Гул вновь закипающего спора поплыл по комнате и вдруг стих: горожане постепенно поняли, что тот, кого они обсуждают, стоит здесь же и слышит каждое слово.

— Я пойду, — сказал Джек в полной тишине.

Теперь был слышен только скрип пальцев по пластиковым стаканчикам и нервные глотки чая. Кажется, никто не знал, что сказать.

— Да, — ответила Хэйзел — возможно, слишком громко, — хватая парня за руку и делая вид, что произошло недоразумение. — Ты прав. Пошли. Давай выбираться отсюда. Прямо сейчас.

— Нет, — возразил Джек, качая головой. — Я хотел сказать, что уйду. Вернусь к ним. Если это то, чего вы все хотите, я уйду.

Его мама затрясла головой.

— Ты остаешься, — в ее голосе звенела сталь, но Хэйзел видела, что все остальные согласно кивают друг другу. Они уже приняли его предложение. В таком городе, как Фэйрфорд, любые слова могли послужить договором, который было невозможно отменить.

По крайней мере, если они не были *неправильными*.

— Ты не можешь, — сказала Хэйзел, но Джек только покачал головой. — Расскажи им, — взмолилась она. — Расскажи про Ольхового короля и Скорбь! Расскажи им правду. Я за тебя поручусь.

— Они мне не поверят, — возразил он. — И наверняка найдут причину, чтобы не поверить тебе.

— Ниа, будь разумной. Может, он не хочет с нами оставаться. Мы — не его народ, — вступила в разговор одна из женщин. Хэйзел не разобрала, кто именно: кровь прилила к голове, сердце барабанной дробью стучало в висках, заглушая все мысли. В груди сделалось тесно, все в комнате слилось в одно сплошное пятно.

— Не волнуйся, мама, — подал голос Картер. — Он никуда не денется.

Джек повернулся к брату, явно недовольный:

— Ты не можешь принимать решения за меня.

— А как насчет того, чтобы ушел я? Может, они боятся, что у них забрали *меня*? Кто-нибудь вообще об этом подумал? — Картер вызывающе оглядел присутствующих, как будто подстрекал их признать, что он не был переходящим призом. — Может, они хотят меня, а вовсе не его.

— Это очень благородно, — сказала миссис Киртлинг. — Но я не думаю...

— Джек, послушай меня, — его мама подошла к нему через комнату. — Я знаю, ты хочешь всех защитить, если это в твоих силах — даже если это подвергнет опасности тебя самого. Ты хороший мальчик. Ты вызвался добровольно, хотя эти трусы думали, что тебя придется вынуждать или обманывать. — Она окинула присутствующих взглядом, но никто не посмел с нею спорить. — Они считают,

что мы с твоим папой сперва воспротивимся тому, чтобы ты уходил, но в конце концов предпочтем благополучие города. Они думают, когда дело дойдет до драки, мы отречемся от тебя. И я уверена, твоя вторая семья придерживается того же мнения.

Люди вокруг зашептались.

Джек выглядел потрясенным. Его лицо окаменело — могло показаться, будто от удивления, но на самом деле от страха, что она может сказать дальше.

Миссис Гордон оглянулась на мужа. Он стоял у стены, скрестив руки на груди.

— Мы с твоей матерью долго разговаривали об этом прошлой ночью, — сказал он. — Мы не так беспокоимся о том, что весь город сгорит, как о тебе.

Услышав это, Джек рассмеялся — явно удивленный, восторженный и, вероятно, немного смущенный. Реакция была странной, и Хэйзел могла видеть, что отразилось на лицах горожан. Феи смеялись на похоронах и плакали на свадьбах; у них не было человеческих чувств для человеческих событий.

— Обсуждение превращается в какой-то балаган, — возмутилась миссис Холт, поджав накрашенные коралловой помадой губы и приложив руку к глазам. Внезапно ее пальцы увлажнились. Она издала тихий всхлип и в замешательстве огляделась по сторонам.

Затем заплакал шериф. Волна печали прокатилась по комнате. У всех на глазах наворачивались

слезы. Мама Хэйзел издала сдавленный стон и начала тянуть себя за волосы.

Хэйзел взглянула на Джека. Его губы сложились в тонкую линию. Он качал головой, как будто от того, что происходит, можно было отказаться. Скорбь была здесь. Хэйзел слышала голос в голове. Девушку как будто подхватило течение реки. Она чувствовала себя потерявшим направление ныряльщиком, который мечется в попытке понять, в какую сторону всплывать...

Хэйзел моргнула. Джек завязывал узелок на ее волосах, шепча в шею:

— Ты не будешь плакать, пока я тебя не отпущу.

Он защитил ее от волшебства Скорби. Девушка только сейчас поняла, что ее щеки мокры. Она понятия не имела, на сколько выпала из жизни, но люди вокруг уже рыдали и стонали.

Внезапно входная дверь распахнулась, и в дом вбежал Бен.

— Надо отсюда выбираться! — Его голос произвел эффект разбившегося об пол стакана. Все уставились на него. — Это чудовище из самого сердца леса. Она идет!

За его спиной стоял Северин. Мгновение Хэйзел смотрела только на него — как, должно быть, и все в комнате. Высокий и нечеловечески красивый, с рогами, виднеющимися из-под каштановых кудрей, и мшисто-зелеными глазами, обращенными к ним, он был слишком необычаен. И не имело значения,

что он надел обычную одежду. Принц был таким, какими они представляли себе фей; он был мечтой, которая привела их в Фэйрфолд, тем, что вынудило их остаться, несмотря на все опасности.

В то мгновение Хэйзел знала, что они должны чувствовать: смесь надежды и ужаса. Она ощущала то же самое. Он был ее принцем. Она спасла его, и он должен был спасти ее в ответ.

— Сыщите укрытие, — скомандовал Северин, направляясь к стене, где висели сабли, и одним плавным движением вытягивая их из ножен. Мгновение он держал по клинку в каждой руке, взвешивая их, как будто проверял балансировку. Потом, оглядев комнату, ухмыльнулся Хэйзел и бросил ей один.

Она поймала его прежде, чем поняла, что сделала это. Сабля приятно легла в руке, став ее продолжением — словно потерянная конечность, вернувшаяся на место. Весила сабля прилично: явно настоящая, а не копия. Девушка невольно подумала, дорогая ли она, потому что была уверена — оружие не переживет сражения с чудовищем.

Кровь, вскипая, понеслась по венам.

— Обычные лезвия не навредят ей, — заметила Хэйзел, подходя к рогатому мальчику.

— Нам нужно просто ее отогнать, — ответил он, двигаясь к двери. — Вымотать. На самом деле она не хочет делать никому больно.

Джек фыркнул:

— Ага, как же.

Ветер снаружи раскачивал деревья, как погремушки.

Плачущий Картер стоял рядом с матерью на другом конце комнаты. Джек наклонился над отцом, что-то шепча ему на ухо и возясь с седыми волосами.

Хэйзел приготовилась. Все сомнения разом накатили на нее. Ее ночная сущность, может, и была обучена Ольховым королем, а вот дневная умела сражаться не лучше, чем в двенадцать лет. И у нее больше не было волшебного меча. И она боялась все испортить.

Девушка глубоко вздохнула и закрыла глаза.

«Ты рыцарь, — сказала она самой себе. — Настоящий рыцарь».

Когда она открыла глаза, чудовище уже стояло в дверях. Люди, которые находились рядом и еще не плакали, зарыдали. Некоторые бросились на лестницу, другие спрятались за мебелью, а третьи замерли, будто от страха обратились в статуи.

Хэйзел не отступила. Когда она видела Скорбь через стекло, то представляла ее омерзительной, грязной и узловатой. На самом деле та оказалась сродни ожившему дереву, опутанному мхом и гнилыми виноградными лозами. Вместо костей у нее были ветви, а ноги проросли корнями, стелящимися, как шлейф платья. Из головы поднимались густые заросли маленьких веточек, покрытые плотными комьями грязи и листьями. Из дырок от сучков

выглядывали черные глаза. Липкий красноватый сок вытекал из глазных дупел и смачивал лицо, напоминая дорожки слез. Она была столь же красива, сколь и ужасающа.

Скорбь возвышалась над ними — она была по крайней мере на голову выше любого, кто находился в комнате.

— Скоррель, — окликнул ее Северин, неуверенно шагая навстречу. Даже он казался испуганным — как будто, пока он спал, она стала еще ужасней. — Сестра, пожалуйста...

Похоже, она его даже не заметила. Хриплый от слез голос вырывался из горла и разносился по комнате, твердя о безутешном горе:

— Я любила его, а он умер — остались одни косточки. Я любила его, а они забрали его у меня. Где он? Где он? Умер — остались одни косточки. Умер — остались одни косточки. Где он?

Еще больше людей скорчились в рыданиях.

Скорбь сделала шаг к брату, опрокинув по пути столик. Когда она говорила, ее голос звучал скорее как ветер, гуляющий в кронах деревьев, чем как человеческий:

— Я любила его, я любила его, а он умер — остались одни косточки. Я любила его, а они забрали его у меня. Где он? Где он? Умер — остались одни косточки. Умер — остались одни косточки. Мой отец забрал его. Мой брат убил его. Где он? Умер — остались одни косточки. Умер — остались одни косточки.

— Ты же не этого хочешь, — сказал Северин. — Ты не должна этого делать. Сестрица, умоляю. Не вволь меня пытаться тебя остановить.

Скорбь двинулась вглубь комнаты, Хэйзел с Северином шли по обе стороны от нее. Люди завопили. Миссис Киртлинг в панике бросилась прямо наперерез чудовищу. Длинная рука с пальцами-прутиками протянулась и отодвинула ее, как щетка, сметающая паутину. Но это незаметное движение впечатало миссис Киртлинг в стену. По обеим сторонам от нее треснула штукатурка, и женщина со стоном осела на пол.

Через образовавшуюся трещину в комнату хлынули мох и плесень — словно вода в лодку, давшую течь.

Еще одна женщина начала откашливаться грязью.

Не имея представления, что ей делать, Хэйзел ударила чудовище саблей.

Всю свою жизнь она слышала о чудовище из самого сердца леса. Она воображала, что как только оно будет убито, феи снова станут озорными и волшебными.

Хэйзел представляла это столько раз, что даже сейчас, когда знала, что нет никакой надежды, какая-то ее часть верила: попав в чудовище, клинок нанесет ему глубокую рану.

Сабля не оставила вообще никакого следа, но вынудила Скорбь повернуться к девушке и потянуться к ней длинными пальцами, Хэйзел увернулась, по-

чувствовав легкое прикосновение сухих листьев и запах свежевскопанной земли. Увы, она оказалась недостаточно проворна, и Скорбь ухватила ее за волосы. Несколько выданных прядей, искрясь, проплыли по воздуху. Продолжая удерживать Хэйзел за волосы, чудовище швырнуло ее на диван. Сабля вылетела из рук девушки, громыхнув об пол.

Превозмогая боль, Хэйзел заставила себя встать. Голова раскалывалась, кости скрипели, словно больше не были скреплены друг с другом. Но Хэйзел все равно дотянулась до сабли, подняла ее и повернулась к чудовищу.

Северин прыгнул Скорби на спину, ухватившись за ветви и лозы, но она стряхнула его и обрушила на брата новый удар. Принц откатился и поднялся на ноги, двигаясь с такой быстротой и уверенностью, которых Хэйзел раньше не знала. Его клинок взметнулся в воздух. Он был великолепным фехтовальщиком. И все же его лезвие отскочило от Скорби, а она снова сбила его с ног.

Это произошло как раз в тот момент, когда мистер Гордон сбежал по лестнице с зажатым в руках охотничьим ружьем. Он пристроил приклад к плечу и, глядя в прицел, навел оружие на Скорбь.

— Пожалуйста, нет! — прокричал Северин с пола, но Хэйзел не была уверена, что мистер Гордон его услышал. Он спустил курок.

Выстрел огласил комнату, как раскат грома. Хэйзел качнулась. Однако пуля отскочила от коры чудо-

вища, будто камешек, брошенный ребенком. Скорбь развернулась и пошла на мистера Гордона.

Картер заслонил отца, замахнувшись подсвечником, но существо тут же обхватило его своими длинными пальцами. Хэйзел бросилась к ним, ударив Скорбь саблей по спине. Чудовище, похоже, этого даже не заметило.

— Эй! — закричал Джек, а потом брызнул чем-то на Скорбь.

По воздуху разлился едкий запах спирта. Парень облил ее родительским бренди из открытого бара.

— Я сожгу тебя, — прошипел он, дрожащими пальцами сжимая спичечный коробок. — Уйди от них. Убирайся отсюда.

Чудовище вперило в него долгим взглядом, уронив Картера на пол. Тот был без сознания, его губы пошли зелеными пятнами.

Все случилось так быстро.

Хэйзел слышала, как с другой стороны комнаты кричит ее мама; посмотрев туда, она увидела, что Бен тащит ее за старое фортепиано.

Джек чиркнул спичкой.

Чудовище ринулось на него быстрее, чем вспыхнуло пламя. Хэйзел бросилась между ними, целясь существу в глаза. Удар сабли пришелся Скорби в щеку, но из нее даже сок не потек.

Джек возился, чтобы зажечь еще одну спичку, но как только у него получилось, по комнате пронесся порыв ветра. Где-то вдалеке закаркали вороны.

Северин взвыл и снова прыгнул Скорби на спину. Держась за ветви, он прижал саблю к ее горлу, явно надеясь, что она испугается. Но она лишь встряхнулась, пытаясь его сбросить. Хэйзел постаралась ранить ее в бок, порезать руки или хотя бы неимоверно длинные пальцы-веточки. Но ни один удар не оставил на чудовище даже царапины. Хэйзел отбросило к стене, у которой жалась горстка людей; они закричали, когда девушка обрушилась рядом с ними.

По всему телу разлилась боль. Встать получилось только с усилием. Голова кружилась, грозя скорым обмороком. Хэйзел сморгнула с глаз пот. Десяток порезов сочились кровью — а она даже не помнила, как их получила. И понятия не имела, сколько еще продержится.

Северин рухнул на пол, быстро перекатился и встал. Он все еще двигался, но Хэйзел чувствовала, что какая-то его часть уже сдалась.

А потом она услышала музыку.

Девушка обернулась, и Скорбь снова сбила ее с ног. Хэйзел с размаху ударилась о деревянный пол, так что перехватило дыхание.

Перевернувшись на бок, она увидела брата. Тот сидел на банкетке перед фортепиано, его сломанные пальцы бегали по клавишам. Он играл.

Комната наполнилась звуками: Бен как будто извлекал из инструмента плач. Скорбь завывала.

Но потом Бен ошибся. Музыка оборвалась. Он больше не мог. Его сломанные пальцы, которым па-

рень не дал правильно срастись, которые никогда даже не лечил, были недостаточно ловки для клавиш. Хэйзел не имела права с изумлением на него глядеть; она должна была использовать это остановившееся мгновение, которое подарил ей брат. Девушка заставила себя подняться, надеясь, что еще не слишком поздно.

Она кинулась к Скорби, но чудовище уже было наготове. Схватив девушку, оно бросило ее на диван так сильно, что затрещали ноги, а потом двинулось назад, волоча Хэйзел за собой. Та в шоке смотрела на нависающее над ней существо: ветки, мох и слезящиеся алым глаза.

— Умер — остались одни косточки. Умер — остались одни косточки, — тихо сказала Скорбь. Длинные руки потянулись к Хэйзел.

И тогда Бен запел. Но не привычную человеческому уху мелодию, которую он мог бы сыграть, будь его пальцы целы. Нет, его голос его звучал как плач, почти как стенания Скорби. В нем слышалось горе, страшное и парализующее. Несмотря на узелок в волосах и заклинание Джека, Хэйзел почувствовала, как глаза обжигают слезы.

Скорбь издала ужасный вопль и заметалась вперед и назад, сбивая стулья. Острые края поломанных веток вспороли обивку дивана. Она горестно взывала.

— Бен! — закричала Хэйзел. — Ты делаешь только хуже!

Но Бен не останавливался. Он продолжал петь. Люди стонали в отчаянье и гнев. Слезы орошали их одежду и пропитывали волосы. Сбившись в кучи, они колотили кулаками по стенам. Скорбь ринулась к фортепиано, со страшным грохотом повалив его набок. Ее пальцы закрыли лицо. Плечи чудовища сотрясали рыдания.

И тогда Хэйзел поняла.

Бен вел ее сквозь бурю страданий. Он пел ей ярость и отчаянье. Пел страшное одиночество, потому что не было никакого способа заглушить горе, никакого способа отбросить его в сторону или побороть. Единственной возможностью положить конец скорби было пережить ее.

Когда Хэйзел это поняла, песня Бена начала меняться. Она стала мягче, слаще, как утро после долгого плача, когда по-прежнему болит голова, но сердечные раны начинают затягиваться. Как цветы, расцветшие на могиле. Люди в комнате один за другим прекращали рыдать.

Чудовище замерло.

Бен перестал петь и в изнеможении опустился на банкетку. Мама подошла к нему и переплела свои пальцы с пальцами сына. Она по-прежнему плакала.

На мгновение воцарилась тишина. Скорбь осмотрелась вокруг своими странными черными глазами, как будто очнулась от долгого сна. Северин поднялся на ноги и подошел к ней.

Она посмотрела на него и вдруг протянула свои длинные пальцы-веточки. На сей раз она казалась мыслящей, понимающей. Но ее настроение было невозможно прочесть. Хэйзел понятия не имела, собирается Скорбь ударить Северина или нет.

Принц поднял руку и коснулся поросшей мхом щеки. Скорбь на мгновение прижалась к его руке, почти уткнувшись в нее носом. Затем, отстранившись, ринулась к двери мимо искореженной мебели и ошеломленных людей — и пропала.

ГЛАВА 19

Хэйзел выронила саблю, та упала с глухим лязгом. Костяшки пальцев дико болели. *Все* дико болело, но, по крайней мере, кости оказались целы. Гостиная Гордонов превратилась в свалку: сломанные рамы, вспоротые пуфики, листья и земля, разбросанные по исцарапанному паркету.

В углу стенала женщина; еще одна тоже плакала, но теперь рыдания, вырывающиеся из ее груди, не казались вынужденными: она плакала по своей воле.

— Нам нужна кровь чудовища, — сказал Джек, который сидел на полу, бережно обнимая бесчувственного Картера.

Хэйзел испуганно повернулась к нему — обычно парень не был таким жестоким.

Заметив выражение ее лица, он покачал головой:

— Ты же сама говорила: это единственное средство, чтобы разбудить людей. Чтобы разбудить Картера. Нам нужна *ее* кровь.

Хэйзел кивнула. Конечно. Ей рассказал об этом Ольховый король. Задача вроде тех, что проходят в школе на математике. Чтобы получить кровь чудо-

вища, нужен волшебный меч; чтобы достать волшебный меч, нужно вспомнить, с кем ее секретная ночная сущность состоит в сговоре; чтобы узнать, с кем секретная ночная сущность состоит в сговоре, нужно понять, кто хотел освободить Северина; чтобы догадаться, кто хотел освободить Северина...

— Пойдем, — позвал Бен. Его голос звучал низко и грубо, будто после пения у него болело горло. Он протянул руку к Джеку и сжал его плечо. — Давай отсюда выбираться. Нам всем нужна одна и та же вещь, а времени, чтобы ее найти, не так уж много.

— Верное сердце, — подтвердил Северин и кивнул Хэйзел, низко опустив голову в знак признательности. — Ты знатный боец.

Девушкой двигал инстинкт: она даже не представляла, что на такое способна — пока не начинала думать. В тот же момент, когда Хэйзел бралась прикидывать, почему держит клинок под определенным углом или что собирается делать в следующий момент, она запинаясь, теряя импульс. Страх сослужил ей хорошую службу, удерживая внимание на происходящем, но теперь, когда она больше не боялась, то не смогла бы заставить свое тело проделывать что-либо подобное.

Джек скрепя сердце поднялся. Вокруг них оправлялись от происшедшего горожане: спускались со второго этажа, выбирались из своих укрытий, а потом мчались через газон — к машинам, домам, прочь, прочь...

— Бен прав. Нужно выбираться.

Подойдя к двери, Хэйзел обернулась на дальний конец комнаты. Мама стояла, держась за настенную лампу, чтобы не потерять равновесие. Она смотрела на своих детей так, будто видела их впервые. Хэйзел повернулась к Джеку. Он, не отрываясь, глядел на родителей, склонившихся над Картером; мама пыталась приподнять его бесчувственное тело. На лице Джека проступило страдание. Его отец, конечно, сказал, что ему все равно — пусть хоть весь город сторит, — но девушка была уверена: он не имел в виду другого своего сына.

— Ты не виноват, — сказала Хэйзел Джеку.

Тот кивнул, и они пошли дальше, мимо глубоких грязных следов, оставленных Скорбью на траве и так не похожих на следы от ботинок. Оглядываясь на разгромленный дом и проломленное деревянное крыльцо, Хэйзел задумалась — как люди собираются это объяснить? Посмеют ли фэйрфолдцы по-новому взглянуть на «договор» с Народцем, к которому уже привыкли? Поймут ли, что не всем феям достаточно отхлебнуть молока из отбитой миски, — некоторые жаждут крови?

— Ты не против поехать на машине? — спросил Бен рогатого мальчика, когда они подошли к «Фольксвагену».

— На *твоей* машине? — уточнил тот, проследив за его взглядом. Настороженность на лице Северина почти заставила Хэйзел рассмеяться — несмо-

тря на остальную ситуацию. Наконец принц склонил голову. — Если такова моя судьба, я готов ей покориться.

Рогатый мальчик занял место рядом с водителем, Хэйзел с Джеком сели позади. Девушка взяла Джека за руку и сжала ее.

Он коротко пожал ее ладонь в ответ и тут же отпустил.

Домой ехали в полной тишине.

Чем больше времени проходило, тем сильнее пульсировали виски Хэйзел и ныли отбитые о диван руки. Лодыжка распухла и немного подергивалась. Боль разливалась по всему телу; а если она заснет с наступлением сумерек, то превратится в кого-то другого. В кого-то с другими воспоминаниями и, может быть, с другими привязанностями.

Она не могла отделаться от мысли о сне, в котором оказалась одной из отряда Ольхового короля — такой же жестокой, как остальные. Хэйзел не испытывала никакой уверенности, что ей нравился человек, которым она становилась ночью.

Едва они оказались дома, девушка как следует напилась прямо из-под крана. Потом с трудом усе-лась на стол.

Бен поставил чайник на плиту, вытащил из буфета мед и отправился в ванную — за перекисью и бинтами.

— То, что ты там сделал, — тихо сказала брату Хэйзел. — Это было потрясающе.

Он пожал плечами:

— Странно, что сработало.

— Что делает случившееся даже еще более потрясающим, — ответила она, вытирая руки о джинсы.

Северин подошел к столу и сел на стул задом наперед, будто оседлал эльфийского коня. На его щеку расцветал синяк. Выглядающий потеряннным Джек стоял посреди комнаты.

— Стало быть, Верное сердце, — наконец сказал Северин. — Но нет ли чего-нибудь еще, что ты позабыла поведать нам, Хэйзел? Я подметил, что ты знатный боец, и это чистая правда; доверил тебе второй меч, ибо по стойке твоей уразумел, что ты способна воевать. Лучше, когда оружие держит тот, кто знает в нем хоть какой-то толк. Но по тому, как ты билась, я осознал другое. Ты сражаешься не как смертный воин.

Хэйзел подошла к одному из шкафов и достала оттуда миску. Налила в нее перекиси и смочила полотенце, чтобы протереть свои раны. Это был момент, которого она страшилась, момент, который мог перевернуть все с ног на голову.

Она избегала смотреть на любого из них, когда заговорила:

— На пиру я узнала, что последние пять лет служу Ольховому королю. Стоит мне заснуть ночью, как я просыпаюсь кем-то другим. И этот человек... Я не знаю, что она делает, но она обучена сражать-

ся, и, кажется, мое тело это помнит, даже если остальная часть сознания — нет.

По крайней мере, Джек уже все знал и не смотрел на нее так, как Бен — словно она вдруг стала чужой.

— Постарайся понять, — попросила Хэйзел, заставляя себя продолжить. — Много лет назад я заключила сделку, но...

— Ты заключила сделку с Ольховым королем?! — заорал Бен, заставив ее подпрыгнуть от неожиданности. — Ты же выросла в этом городе! Тебе ли не знать!

Хэйзел смотрела, как полотенце розовеет от крови с ее рук.

— Я была ребенком. Я была глупой. Чего ты от меня хочешь?

— Почему ты это сделала? — спросил Бен. — Ради чего?

На плите завыл чайник.

Через нескольких бесконечных мгновений Хэйзел спрыгнула со стола и сняла его с огня.

— Тогда мы еще охотились на фей, у нас были приключения, — сказала она, поворачиваясь к брату. — Я не хотела останавливаться. Ты же знаешь — я не хотела останавливаться.

Она ожидала, что Бен рассердится, когда поймет, насколько глупой она была. Но не думала, что он испугается.

— Хэйзел, что ты натворила?..

— Я заключила сделку, чтобы нам не пришлось останавливаться. Ты сказал, что если бы научился играть лучше, мы могли бы продолжить...

В ее голосе послышались детские умоляющие нотки. Она ненавидела себя за это.

— Ты сделала это *для меня*? — на лице Бена отразился ужас.

Хэйзел яростно замотала головой. Он все неправильно понял.

— Я сделала это для себя. Я не хотела останавливаться. Я была эгоисткой.

— Ты попросила для меня стипендию. Это была ты, — его голос упал, как будто он говорил сам с собой.

— Бен...

— Какова точная природа этой сделки? — бесстрастно спросил Северин.

— Я обещала отдать семь лет своей жизни — думала, что просто умру раньше. Как будто время — что-то, что можно отрезать с конца и вроде как закупорить в бутылку.

Северин мрачно кивнул.

Бен явно не считал вариант со смертью на семь лет раньше отпущенного срока лучшим выбором. Он выглядел так, будто хотел как следует встряхнуть сестру. А Хэйзел хотелось просто замолчать, пойти и исправить все свои ошибки.

— Вот почему ты не хотела ничего мне рассказывать, — заключил Бен.

— Вот почему я не хотела ничего тебе рассказывать. Неважно, зачем я это сделала. В любом случае, я сама испортила все, что должно было произойти в Филадельфии. Так какая разница, чего я добивалась, если ничего не получилось?

— О чем ты? — он уставился на нее так, словно действительно не понимал.

— Ты знаешь, — ей совсем не хотелось объяснять. Джек и так смотрел на нее с явным беспокойством. А что будет, когда он поймет, что она натворила? Он говорил, что тот, кто преподносит свое сердце на серебряном блюде, сам виноват в том, что получает, — но это было не так.

— Хэйзел, что ты сделала? Ты имеешь в виду тот случай, когда Керем тебя поцеловал?

— Именно это я и имею в виду, — буркнула Хэйзел.

Бен раздраженно развел руками:

— Это сделала не ты — это сделал *он*, потому что был придурком, ему было тринадцать, и он дико из-за всего переживал. Он запаниковал. Слушай, я переписывался с ним в Фейсбуке, с ним сейчас все хорошо. Он завел парня, вышел из шкафа, и его родители смирились. Но тогда Керем испугался, и его родители испугались тоже. Он хотел доказать, что я ему не нравлюсь, а ты просто попала под руку. Вот и все.

— Я знаю, что произошло из-за этого поцелуя, — сказала Хэйзел, сосредоточившись на чайнике и чашках.

Бен заговорил еще тише:

— Это случилось не из-за того, что... Ты не должна винить себя, что я потерял контроль. Я терял его и раньше. Я хотел попасть в музыкальную школу, потому что начал бояться того, *как* терял контроль. Первое, о чем я подумал, когда увидел с тобой Керема, — что, может быть, я просто его зачаровал, чтобы ему понравиться. Потому что он мне очень нравился. После того, что произошло с моей учительницей, я сломал руку. И это было правильно. То, что случилось в Филадельфии — моя вина, и больше ничья.

Хэйзел так и подмывало возразить, что это было *ее* виной, но потом она представила, как глупо это прозвучит. Они так долго молчали, и все зря. Бен никогда ее не винил.

Решение скрывать все от Бена влияло и на многие другие решения. Теперь же бремя свалилось, и девушка почувствовала невероятную легкость.

— В том, что ты переломал себе пальцы, нет ничего хорошего. То, что ты можешь делать — невероятно.

— Ты обменяла семь лет своей жизни на мою чертову стипендию и ничего мне не сказала, — Бен все еще злился, но уже не на нее. — Ты должна была мне рассказать. Может, мы смогли бы что-нибудь выяснить.

— Ну, мы кое-что выяснили, — перебил их Джек. — Расскажи им остальное.

И Хэйзел рассказала: о записках, о том, как про-
снулась с землей на ногах и испугалась, что пришло
время отдавать долг; о пире и словах Ольхового ко-
роля. А Северин, под кивки Бена, рассказал свою
историю.

— Почему сейчас? — спросил Бен. — Вопрос
ведь в этом, правда? Что изменилось? Чего добива-
ется Ольховый король?

— Он придумал, как сдерживать Скорбь, — ска-
зала Хэйзел. — Разве нет?

Джек покачал головой:

— Нам следует думать не о том, что поменялось
недавно, а оглянуться в прошлое. Что-то выбило его
из колеи, и он потерял влияние на диких фей, как
заметили горожане на собрании. Восемь лет назад
Восточный престол был захвачен. Это могло его обо-
злить?

— Не так уж давно это было, — заметил Бен.

— Кто там владевает теперь? — спросил Се-
верин, но Джек беспомощно развел руками.

— Я никогда не запоминал имен, — ответил
он. — Ни одно из них ничего мне не скажет.

Северин задумчиво кивнул:

— У меня по-прежнему есть знакомства при дво-
ре отца. Ни с кем, кто обладал бы настоящей вла-
стью — но кое-кто из диких фей, что знали мою
мать, говорили со мною. Они рассказали, будто се-
сквидекаду назад у Ольхового короля была еще од-
на возлюбленная из диких фей. Хотя она связала

свою жизнь со смертным и подарила ему ребенка. Как раз тогда люди начали гибнуть. Вот когда он всерьез взялся искать способ управлять моей сестрицей, обратив кости ее мертвого мужа в зачарованное кольцо.

— Сескви... чего? — переспросила Хэйзел, вздрогнув от ужаса. Она видела перстень на пальце Ольхового короля, но и предположить не могла, из чьей кости он был высечен.

— Сесквидекаду. Пятнадцать лет, — пояснил Джек, скривив рот, будто попробовал что-то невкусное. — Это «умное» слово. И женщина, о которой вы говорите — моя мама.

Брови Бена поползли вверх. Даже Северин удивился.

— Твоя мама? — переспросила Хэйзел. Она вспомнила эльфийку с пира, которая вцепилась Джеку в рукав. На ее лице тогда читался настоящий страх.

Джек кивнул:

— Вот почему она меня спрятала. Мама была возлюбленной Ольхового короля, но он оказался не слишком учтив, и она сблизилась с человеком и родила меня. Вот почему она хотела оставить меня с людьми — чтобы я не попадался ему на пути. По крайней мере, до тех пор, пока память не уляжется.

Хэйзел задумалась: рассказывал ли Джек эту историю кому-нибудь раньше? По тому, как он смотрел в свою чашку, не встречаясь ни с кем глазами, девушка догадалась, что нет.

На лице Северина отразилось сожаление.

— Если твоя мать отвергла его ради благосклонности смертного, его гнев наверняка был страшен. Не только на город и того смертного, но и на твою маму. Он, должно быть, причинил ей боль.

Джек помрачнел:

— Нет. Ничего такого она мне не говорила.

— Подходящая причина, чтобы его прикончить, — заметил Бен. — Может, меч взяла она?

— Она сказала кое-что, что показалось мне странным, — помедлив, призналась Хэйзел. — Когда я объяснила, что пришла на пир в поисках существа по имени Васма, она показала, что о чем-то знает, но дала мне понять, чтобы я замолчала.

Джек провел разбитой рукой по губам:

— А еще она сказала, будто я был там, чтобы спасти тебя. Значит, люди на городском собрании были правы? Это все моя вина?

— Нет, — возразила Хэйзел. — Ни в коем случае.

— Но мама Джека... Как ее имя? — спросил Северин.

— Иоланта, — ответил Джек.

— Я ее немного знаю, — Северин наградил Джека странным взглядом, который заставил Хэйзел подумать, что он знает ее лучше, чем «немного». — Очень красива и очень умна, но она не мечница. Если твоей матери удалось забрать Верное сердце у Хэйзел — неважно, обманом ли, силой или благодаря великодушию ночного сердца Хэйзел, — ей

нужно было бы найти кого-то, кто смог бы им воспользоваться.

— Так, ладно, поехали дальше, — сказал Бен. — Джек без задней мысли рассказал своей эльфийской маме о знакомой девушке, может быть, упомянул, что та нашла меч. И что Иоланта решает сделать? Заставить Хэйзел разрушить проклятие Северина? Освободить спящего принца Волшебного царства, но не дать ему то единственное, благодаря чему он сможет предстать перед своим отцом и повергнуть Сердце охотника?

Джек кивнул. Он начал мерить комнату шагами, ни на кого не глядя и совершенно уйдя в свои мысли.

— Возможно, я рассказывал что-то о Хэйзел и ее мече, когда был ребенком. И, вероятно, Хэйзел не пришлось долго уговаривать освободить Северина.

Девушка рассмеялась:

— Бена пришлось бы уговаривать и того меньше.

Брат скорчил ей рожу.

— Не похоже, чтобы твоя мама стала с кем-либо объединяться. Особенно со мной. Я ей не очень-то понравилась.

— А что, если она просто взяла меч? — предположил Бен. — Может, она его украла, а потом оставила кучу всякой загадочной чуши, чтобы нас запутать.

— А что насчет проклятия Северина? — спросила Хэйзел. — Зачем тогда было нужно его будить?

— Возможно, чтобы отвлечь Ольхового короля, — предположил Джек, неодобрительно глядя на Бена, как будто они выбрали окольный путь вместо того, чтобы пойти напрямую. — К тому же это доказывает, что у Хэйзел было Верное сердце. Только оно могло расколоть гроб и снять проклятие. Так что нет никакого смысла красть меч, пока не будешь уверен.

Северин поднял тонкие брови:

— Тогда мы воротились к тому, что ей нужен фехтовальщик.

Бен пожал плечами:

— Ты сказал, она красива и умна. Может, она нашла кого-то, кто умеет обращаться с оружием и хочет остановить Ольхового короля. При дворе должно быть несколько головорезов, правильно?

— По крайней мере, один, — ответила Хэйзел с фырканьем, не имеющим никакого отношения к смеху. — И я хочу его остановить.

— Я знаю, как отправить сообщение моей матери, — сказал Джек, подойдя к ящику со столовыми приборами и вытащив тонкий нож для стейков. — Кровь к крови. — Он вышел из кухни на задний двор. — Если у нее есть меч, я пообещаю ей все, что угодно, за его возвращение. Если она захочет меня, я покорюсь. Чем бы ни пришлось поклясться, я поклянусь.

— Ты не должен этого делать, — возразила Хэйзел.

— Может, это и не она, — заметил Бен. — Это мог быть кто-то, кого мы вообще никогда не встречали. Кого мы даже не узнаем при встрече.

— Или это может быть человек, который спрятал сына от Ольхового короля и имеет причины его ненавидеть. Что вероятнее? — лицо Джека стало испуганным.

— Джек! — окликнула его Хэйзел, но тот не оглянулся, даже не вздрогнул.

В следующую секунду он вонзил острие ножа в указательный палец, поднял лист бумаги и начал писать по нему кровью так же небрежно, как кто-нибудь другой — обычными чернилами. Потом пошептал что-то над ним и отпустил лететь по воздуху.

Но Хэйзел успела прочитать:

Мама, если Верное сердце у тебя, принеси его к дому в конце Речной улицы, и чего бы ты ни захотела, это будет твоим.

* * *

Сообщение было отправлено. Теперь им оставалось только ждать.

Бену показалось, что он откуда-то знает имя Васма, и парень, взяв чашку медового чая, пошел полистать книги, надеясь найти слово в алфавитных указателях. Северин отправился в сарай — взглянуть на топор Бена и поискать, что еще можно заточить и использовать как оружие.

Раскрыв свои секреты, Хэйзел чувствовала страх и тревожащую уязвимость. Тени ждали, чтобы наброситься на нее. Чтобы занять себя, девушка взялась собирать все железо и ножницы в доме, всю соль и могильную землю, толокно, ягоды и амулеты.

К тому моменту, как Северин вернулся в дом с оружием, она прикрепила по оберегу на каждое окно и на каждую дверь.

Когда с оберегами было покончено, Хэйзел присела на стул и задремала. Какое бы волшебство ни позволяло ей служить Ольховому королю и не спать ночами, оно явно было не всемогущим. Усталость ее свалила.

Проснувшись, она обнаружила, что солнце уже заходит, блестя расплавленным золотом. Затем она услышала со второго этажа голос Северина, что-то низко и тепло бормочущий, а за ним — залиvistый смех брата.

— Эй, — тихо сказал Джек, подходя к ней. Низкие джинсы обнажали полоску теплой коричневой кожи, не прикрытой футболкой.

Хэйзел представила, как проводит по ней рукой, и сцепила пальцы, чтобы не потянуться к парню.

— Я пришел разбудить тебя прежде, чем ты... изменишься.

Хэйзел вздрогнула. Она уже почти забыла.

— Ты ни в чем не виновата — просто знай об этом.

— Я потеряла меч. Освободила Северина. Заключила глупую сделку. По крайней мере, отчасти это

моя вина, — она принялась расчесывать волосы пальцами, а потом завесила ими лицо. — Но я не дам ей забрать тебя, если ты не захочешь уходить.

Джек невесело улыбнулся.

— Это не будет так уж плохо. Мне не придется учиться, не придется искать подработку на лето и выбирать специализацию. Я смогу день напролет пить бузинное вино, танцевать всю ночь и спать в беседке из роз.

Хэйзел скорчила гримасу:

— Уверена, найдутся колледжи, в которых ты сможешь делать то же самое. Бьюсь об заклад, есть и такие, где ты сможешь даже *специализироваться* на этом.

— Может быть, — ответил он, а потом покачал головой. — Знаешь, это всегда было непростой игрой — притворяться человеком, живя здесь, в Фэйрфорде. Притворяться, что никто ничего не заподозрил, когда мама обзванивала родственников и объясняла, что на самом деле родила близнецов, но один был так болен, что о нем сперва решили не рассказывать. Притворяться, что все ей поверили. Что я не кажусь странным отцу. Что никто в городе на меня не пялится. Что все эти годы я не убегал тайком в лес. Что я никогда не думал о том, чтобы уйти насовсем. Что не владею магией. Моя жизнь всегда походила на пороховую бочку — чтобы взорваться, не хватало одной спички.

— Ну здравствуй, спичка, — сказала Хэйзел, показывая на саму себя пальцем и искусственно улы-

баясь, словно улыбка могла скрыть боль, стоящую за этими словами.

— Здравствуй, спичка. — Каким-то образом его обволакивающий шелковистый голос придал им совершенно другой смысл. Девушка вспомнила о пробуждении в лесу, о прикосновении его губ, шероховатой земле под спиной — и смущенно поежилась.

Сейчас они были далеко от пьянящего, напоенного сосновым ароматом леса.

А она до сих пор кое-чего ему не сказала.

— Ты мне нравишься, — резко выпалила Хэйзел. Слова прозвучали странно — как обвинение.

Джек приподнял брови:

— Серьезно?

— Зачем иначе мне это говорить?

Теперь, когда он знал, они могли вернуться к разговору о колледжах, убийствах, планах или о чем-нибудь — чем угодно! — другом. Теперь они могли вернуться к тревоге о том, что его заберут феи. Теперь, когда он знает. Теперь, когда она сказала.

— Если я тебе нравлюсь, почему ты говоришь так, будто в ярости?

— Я не *сержусь*, — возразила она. Хотя голос опять прозвучал сердито. Скорее даже и вправду яростно.

Он вздохнул:

— Ты не обязана говорить, что я тебе нравлюсь, просто потому, что у меня плохой день. Или из-за того, что я признался тебе в этом. Не обязана.

— Я знаю.

Она правда это знала. Она любила Джека все эти годы, любила так долго, что любовь обратилась в боль, которая никогда ее не оставляла. Джека, который поцеловал ее так, будто все остальное не имеет значения. Джека, который знал ее слишком хорошо. Она любила его и была уверена, что никогда ему не понравится; верила так твердо, что ей по-прежнему казалось, будто парень вот-вот заберет свои слова обратно, заявив, что ошибся.

Ему, вероятно, и следовало забрать их обратно. Она была недостойна. Она даже не смогла как следует признаться в любви.

— Ты ничего мне не должна, — повторил он. — И если ты хочешь просто утешить меня напоследок, потому что скоро меня здесь не будет, и я все равно не смогу поймать тебя на лжи...

Хэйзел внезапно осознала: Джек ей не поверил. Ее признание оказалось еще хуже, чем она думала.

— Нет. Нет. Я не лгу!

— Хэйзел... — начал он ровным голосом.

— Послушай, — перебила она, надеясь, что уж на этот раз скажет все правильно. — Заключив ту сделку, я думала, Народец заберет меня. И это могло бы произойти! Я не хотела ни с кем сближаться, понимаешь? У меня не очень хорошо получается ладить с людьми. У меня не было парней. Не было свиданий. Я целовалась на вечеринках, но никому не говорила о чувствах. Я не слишком в этом хороша, понимаешь? Но это не означает, что я лгу.

— Допустим, — кивнул Джек. — Но я знаю тебя всю жизнь, Хэйзел. Твой брат — мой лучший друг. Я слышу, что вы говорите друг другу, слышу и то, чего не говорите. Знаю, вы не хотите ни с кем сближаться, но не только из-за фей.

— Что ты хочешь сказать?

Он покачал головой:

— Нам не стоит об этом говорить.

— Нет, — возразила она, хотя и чувствовала, как сердце сковывает холод. — Скажи, что ты думаешь.

Он вздохнул:

— Я хочу сказать... Ты показала мне, как добывать пищу в лесу. Нам было — сколько? — девять или десять, когда ты объяснила, как найти что-нибудь съедобное. Помнишь, почему ты все это выучила — для чего стала таким спецом? А как насчет тех дней, когда ты оставалась у нас на ужин и прятала еду в платок, чтобы потом перекусить — потому что не была уверена, что родители вспомнят вас накормить, но мы дружно притворялись, будто все хорошо? О вечеринках, которые устраивали ваши родители, ходили легенды, но я слышал истории и о том, как вы с братом ели из собачьей миски. Вы сами рассказывали об этом, словно это было шуткой. Вы говорите о своем детстве, как о диком божественном веселье, но я помню, что для тебя оно было не таким уж веселым.

Хэйзел недоуменно моргнула. Она мастерски блокировала воспоминания, которые ей не нравились,

попросту отфутболивая их. Ничто из того, что он сказал, не должно было удивить девушку; в конце концов, это были факты ее жизни. Но она все равно удивилась. Все это происходило настолько давно, что Хэйзел не думала, будто это имеет хоть какое-то значение.

— Но сейчас с родителями все в порядке. Они повзрослели. Стали лучше.

Джек кивнул.

— Знаю. А еще знаю, что ты думаешь, будто одна обязана исправить все на свете, но так не должно быть. Некоторые люди заслуживают того, чтобы принять их помощь.

— Я хотела спасти Фэйрфолд.

— Нельзя спасти место. Иногда даже человека не удается спасти.

— А ты мог бы спасти себя? — спросила Хэйзел. Это казалось важным — как будто его ответ мог быть Ответом с большой буквы; как будто он мог знать наверняка.

Джек пожал плечами:

— Разве мы уже не пробовали?

— Значит, ты не веришь? Что нравишься мне? — прошептала она.

Но парень не успел ответить. Бен с видом триумфатора вошел в комнату, держа книгу высоко над головой.

— Я нашел. Нашел! Я гений! Моя память не знает границ. Я мог бы считать карты в Vegas!

Хэйзел вскочила:

— Васма?

Он кивнул:

— И кстати, Хэйзел. Книга лежала в твоей комнате.

Она с тревогой ее признала. На корешке значилось: «Английский фольклор». Это была книга, которую она нашла в сундуке под кроватью. Получается, девушка не поняла ее значения?

Брат распахнул томик.

— Это нортумберлендская сказка о малыше, который не хотел спать. Мама сказала ему, что если он не пойдет в кровать, явятся феи и заберут его. Он не поверил и продолжил играть, пока в очаге не потух огонь. В этот момент феи действительно объявляются: точнее, одна милая маленькая феечка, желающая с ним поиграть. Мальчик спрашивает феечку, как ее зовут, и она говорит: «Васма». Потом она спрашивает имя мальчика, а он с шаловливой усмешкой отвечает: «Ясма».

Они еще немного играют, и мальчик пытается разжечь огонь. Он раздувает его, но одна искра вылетает из очага и обжигает палец на ноге феечки. Она скулит, как безумная, и из трубы вываливается огромная страшная мама-фея.

Мальчик запрыгивает в кровать, но слышит, как мама-фея допытывается у дочери, кто ее обжег.

— Ясма! Ясма! — завывает маленькая фея.

Очевидно, «я сама» звучит, как «ясма» с нортумберлендским акцентом, поэтому, услышав это, маматфея страшно хмурится.

— Ну тогда, — говорит она, хватая своего фейского детеныша за ухо и утаскивая в дымоход, — ты не можешь винить никого, кроме себя самой.

Вот и вся история. Васма. Ясма. Я сама.

Бен театрально поклонился.

— И что это значит? — поинтересовался Джек.
Я сама.

— Дай мне ручку, — попросила Хэйзел немного дрожащим голосом, открывая книгу на странице для заметок.

Бен вытащил маркер из ящика с кухонными мелочами и протянул сестре:

— Что не так?

Взяв маркер в правую руку, она написала: *Семь годков — отдай должок*. Потом, переложив в левую, написала те же слова. Это был тот же почерк, каким были написаны записки из орехов, тот же почерк, каким было намалевано «васма» на стене ее комнаты. Долгое время Хэйзел просто таращилась на исписанную страничку.

Слово, нацарапанное грязью на стене, не было именем союзника или врага. Это была ее собственная подпись.

Не было никого другого. Никакой таинственной фигуры, дергающей за ниточки, оставляющей подсказки и направляющей ее руку. Только она сама,

открывшая сундук и догадавшаяся о ценности меча, которым обладала. Только она сама, понявшая, что Ольховый король собирается уничтожить Фэйрфолд, и пытающаяся остановить его.

Ясма. Я сама.

Сообщения были зашифрованы, потому что Ольховый король запретил ей ночной раскрывать подробности сделки себе дневной, так что все, что она могла сделать — это оставить несколько туманных подсказок.

Она вспомнила, что рассказал Северин о своем пробуждении. Он услышал ее голос, но к тому моменту, как проснулся — проснулся по-настоящему, — солнце светило высоко в небе, а она уже ушла. Конечно, ушла; ведь ей надо было вернуться в кровать и стать дневной Хэйзел. Она, должно быть, едва успела — даже не смыла грязь с ног. В панике написала имя на стене и бросила книгу в недавно опустошенный сундук. Она разбила гроб, держа в голове какой-то план, идею заключить сделку с Северином или намереваясь отдать ему меч. Что бы девушка ни замышляла, когда он еще не проснулся, она, должно быть, поняла: то, что она владеет Верным сердцем, будет обнаружено.

Поэтому спрятала его где-то, где никто не догадается искать. Где Ольховый король не сможет его найти, даже если найдет ее саму.

А потом Хэйзел не спала всю следующую ночь, преследуя Бена по лесу и выслушивая угрозы Севе-

рина. Она вздремнула лишь несколько минут на рассвете. Этого ей ночной хватило лишь на то, чтобы оставить записку, которую Хэйзел нашла в своей школьной сумке: *В небе полная луна — быть в кровати ты должна.*

Но Хэйзел не послушалась. Она не ложилась и следующей ночью, и у ночной Хэйзел не было времени достать меч и придумать новый план; не было времени ни для чего.

Первая записка, которую она обнаружила в грецком орехе в «Лаки», наверняка была проверкой ее ночной: она хотела удостовериться, что сможет отправить себе дневной сообщение и не быть пойманной Ольховым королем. Следующую записку она написала в панике, когда не была уверена, что ее не раскроют, и не хотела оставлять никаких улик. Она не собиралась давать себе дневной слишком много зацепок, которые могли бы завести ее в беду, — а та даже не будет знать причины.

Как же она все запутала.

Северин сбежал по лестнице с гарпуноподобной штукой, сделанной из пилы и древка от граблей.

— Снаружи кто-то есть, — сказал он.

Хэйзел подошла к окну и увидела их, кружащих возле дома. Рыцарей на фейских скакунах. Мама Джека в зелено-золотом наряде, развевающимся по воздуху, сидела за спиной одного из рыцарей. Затем Иоланта соскользнула с лошади и двинулась к дому.

— Мама, — констатировал Джек и пошел открывать дверь.

— Подожди! — крикнула Хэйзел. — У нее нет меча!

Но Бен уже раскидал ногой ягоды и соль, чтобы эльфийка смогла войти. Ее глаза были серебряными, а волосы — зелеными, как молодая трава. Она бросила взгляд на Северина, и ее улыбка стала холодной.

— Я предполагала, что найду тебя здесь, — заметила она.

Он грациозно поклонился:

— Миледи Иоланта. Чем мы обязаны удовольствию вас созерцать? С вами королевская охрана, а я не пользуюсь благосклонностью короля.

— Ты должен понять, — сказала она, поворачиваясь к Джеку, который стоял, все еще держась за дверную ручку. — Когда я сказала Ольховому королю, где его сын, он пообещал пощадить моего. Он гарантирует твою безопасность. Джек, ты не представляешь, что это значит.

Хэйзел уже подозревала, что они совершили ужасную ошибку, предположив, что Верное сердце у Иоланты. Теперь же девушка осознала, что они ошибались и в ее преданности. Ошибались во всем.

— Как ты могла? — почти выплюнул Джек. Он дрожал всем телом, словно сейчас развалится на части. — Как ты можешь называть себя моей матерью, если готова пожертвовать жизнями моих друзей?!

Она сделала шаг назад, обескураженная силой его ярости:

— Ради твоей безопасности! У меня есть всего несколько мгновений, чтобы забрать тебя отсюда. Пойдем. Что бы ты обо мне ни думал, ты сможешь сделать для своих друзей больше, если не окажешься в кандалах вместе с ними.

— Нет, — отрезал Джек. — Я не пойду. Нет.

— Внемли ей, — посоветовал Северин. — Нет ничего постыдного в том, чтобы уйти. Без Верного сердца нам не осилить Ольхового короля.

Но Джек только покачал головой.

Хэйзел должна была что-нибудь сделать, но она могла думать только об одном возможном шаге. Девушка вспомнила историю, которую рассказала ей Леони: как Джек приказал Мэтту ударить себя кулаком в лицо, и тот подчинился. А еще Джек завязал узелок на ее волосах и велел не плакать.

— Джек, — сказала Хэйзел, настойчиво беря парня за руку. — Ты можешь заставить меня спать?

В его глазах отразилась печаль. Похоже, он не понял, что она имеет в виду.

Его мама нахмурилась:

— Джек, ты должен пойти со мной.

— Ты можешь заставить меня спать? — повторила она, повысив голос почти до крика. — Заколдовать — как тогда, когда заставил меня не плакать. Сейчас уже ночь, и если я засну, а потом проснусь,

то буду не собой. Это будет она. Другая Хэйзел. Она вам все расскажет.

Все с недоумением на нее уставились — но она не могла сказать большего при Иоланте, стоящей прямо напротив них и готовой доложить обо всем Ольховому королю.

— А коли Хэйзел ночи выступит против нас? — спросил Северин, изгибая одну бровь. — Во всяком случае, наша Хэйзел сражается на нашей стороне.

Девушка улыбнулась — их принц назвал ее *нашей Хэйзел*. Как в одной из их историй.

— Хэйзел всегда на нашей стороне, — возразил Джек и осторожно коснулся ее лба.

Она подумала, что он собирается отдать ей приказ, но вместо этого парень наклонился и поцеловал ее. Хэйзел почувствовала мягкое тепло его губ и успела увидеть улыбку. Затем Джек немного отстранился и сказал:

— Спи. Спи.

Она ощутила, как ее бескрайней волной окутывает волшебство, и в последнюю секунду — несмотря на то, что сама его об этом попросила, — попыталась сопротивляться магии, удерживая глаза открытыми.

А затем качнулась вперед и упала. Последним, что запомнила Хэйзел, был крик Бена — и Джек, подхватывающий ее за мгновение до того, как голова коснулась бы пола.

ГЛАВА 20

Между двумя взмахами ресниц Хэйзел проснулась.

Она маршировала вместе с другими рыцарями Ольхового короля. Сквозь листву лился молочно-белый свет, ветви плясали под порывами ветра. Наступал новый день. Потом они вступили во тьму пустого холма, и у них над головами зазмеились корни, похожие на бледные руки, и колючие лозы, которые ползли вверх по стенам и цвели причудливыми белыми цветами. Вдоль тропинки росли грибы на голубых ножках.

За спиной поскрипывала, охраняемая с каждой стороны десятью рыцарями, клетка из витых прутьев черного металла и на больших резных колесах. В ней были заперты Северин и ее брат. Бен — испуганный, но невредимый — сидел на полу. Северин метался, словно дикое животное; его ярость не знала границ. Щека принца была рассечена, на животе расплылось темное пятно, и даже с такого расстояния девушка понимала, что это, скорее всего, кровь.

Хэйзел похолодела. Когда они сражались? Почему она не сражалась вместе с ними? Почему она на свободе, если они в плену?

— Сэр Хэйзел? — позвал незнакомый голос.

Она догадалась, что стоит среди рыцарей Ольхового короля, одетая, как один из них: в плотную пару, найденную в сундуке вместо меча. Взглянув на рыцаря, который к ней обратился, Хэйзел поняла, что на ней почти такое же облачение, только у него на каждой руке, локте и нижней челюсти поблескивало по внушительной золотой пластине. Это выглядело странно, угрожающе и прекрасно.

Маркан, как назвал его Джек. Он был на полнолуном пиру. Нет, она не просто стояла среди рыцарей Ольхового короля; не просто была одета так же, как они. Она была *одной из них*. Поэтому Маркан и произнес ее имя таким тоном. Он знал рыцаря Хэйзел, ту Хэйзел, которая служила Ольховому королю и стояла на ее месте мгновение назад. Она вспомнила слова Маркана на пиру: *Хэйзел не против пойти со мной. Мы уже скрещивали мечи раньше*.

— Я в порядке, — сказала Хэйзел. Она автоматически потянулась к поясу, но меча на бедре не висело. Конечно, нет. Ее меч пропал. Она его спрятала.

— У тебя большие неприятности, — тихо проговорил Маркан. — Будь осторожнее.

Процессия остановилась у трона Ольхового короля, ожидающего их со своими придворными. Возле

него возвышался гроб из металла и хрустала, справленный даже еще более затейливо, чем тот, что покоился в лесу.

Рядом, по-хозяйски опираясь на стеклянную крышку, стояло маленькое морщинистое существо в алом дублете, с облачком серебристых волос на голове. На его запястьях поблескивали наручи, украшенные драгоценными камнями, а крылышки прикрепленной к рубашке булавки подергивались на ветру, словно золотой с жемчугом мотылек был живым. *Гримсен*, как назвал его Северин, рассказывая свою историю. Кузнец, чье мастерство было столь велико, что Ольховый король выкрал его с прежнего двора. Гримсен, который вместе со своими братьями выковал Верное сердце и Сердце охотника. Который может придать металлу любую форму. Должно быть, Хэйзел слишком откровенно на него уставилась — Гримсен повернулся к ней и одарил лживой ухмылкой. Его черные глаза мерцали.

Хэйзел в отчаянии общаривала взглядом толпу придворных, пока не обнаружила Джека, гарцующего близ своей эльфийской матери на волшебном пятнистом коне. На его лице не было никакого выражения — лишь странная нечитаемая пустота. Хэйзел не сводила с Джека взгляда, пока тот ее не заметил. Его глаза расширились, он раскрыл ладони и выразительно опустил на них глаза.

Сбитая с толку, она сделала то же самое.

Ее сердце забилося сильнее.

На правой руке черным маркером было написано «морковь» и «железные прутья» — тем же небрежным почерком, что и все остальные послания. А на левой — уже ее собственным, знакомым почерком — «не забудь преклонить колено».

Первые два слова отсылали к сказке о фермере и боггарте, в которой, как ей казалось, не было никакого смысла. Те же слова, которые были обведены грязью. И так же, как тогда, она не могла разгадать подсказку.

Надо понимать, третье — что-то из этикета?

Девушка уставилась на толпу, снова ища Джека: ее глаза пробежали по согбенной женщине, держащей сучковатую трость, длинноносому зеленому существу с копной черных волос, золотистому созданию с длинными, как у кузнечика, ногами...

Никто не ответил на ее взгляд. Джека там уже не было.

— Сэр Хэйзел, — сказал Ольховый король. — Солнце воскресло, и ты больше не моя маленькая марионетка.

Несколько придворных — некоторые в изодранных кружевных нарядах, некоторые вообще без ничего — захихикали, прикрывая рты руками и веерами.

Один пука захохотал так громко, словно заржал пони.

Хэйзел сжала кулаки, пытаясь побороть панику.

— Ну и лицо! — закричал пука, и золотые козы глаза дурашливо закатились. — Видела бы ты свое лицо!

Хэйзел обернулась на Бена в клетке. Тот стоял, обхватив прутья руками. Заметив взгляд сестры, он улыбнулся ей немного неуверенной улыбкой, как будто пытался придать своему лицу храбрости, — улыбкой, которую она, возможно, не заслужила.

— Но ты по-прежнему моя, — продолжил Ольховый король. — И лучше бы тебе об этом не забывать, Хэйзел. Выйди вперед и преклони предо мной колено.

Она опустила на одно колено, ощутив холод камня, который просачивался даже сквозь странную, почти металлическую ткань надетых на нее брюк.

Не забудь преклонить колено.

— Смотри на меня, — приказал Ольховый король.

Она подняла взгляд на зеленый яд его глаз и длинную, цвета воронова крыла, мантию: каждое перо мерцало иссиня-черным маслянистым блеском. Он был губительно красив, как могут быть красивы ножи и скальпели. Хэйзел пыталась не думать об этом, поскольку он приходился Северину отцом, и то, что он казался ей равным по красоте своему сыну, было неправильно. Но глядя на него, это невозможно было игнорировать. Он был волшебным королем, блистательным и ужасным. Часть ее жаждала служить ему — и чем дольше он смотрел на нее сверху вниз, тем сильнее становилось это чувство.

Она заставила себя отвести взгляд от его глаз и вместо этого уставилась на губы.

— Вообрази мое удивление, когда я обнаружил, что Северин скрывается в твоём доме! Мало того, что ты провалила задание, так ещё и обманула мое доверие.

Она молчала, покусывая щеку изнутри и склонив голову.

Ольховый король явно не ожидал ничего большего:

— Посмеешь ли ты отрицать это, маленькая паршивка? Станешь ли притворяться, что намеревалась предать его? Будешь ли утверждать, что по-прежнему являешься моим верным слугой?

— Нет, — сказала Хэйзел, стараясь не показывать паники. — Не буду.

Впервые с того момента, как она перед ним предстала, Ольховый король выглядел настороженным:

— Подойди, Иоланта. Поведай двору, что тебе известно.

Мама Джека вышла вперед, держа в одной руке лист бумаги. Хэйзел мгновенно поняла, что это. Иоланта прочитала вслух слова, написанные кровью ее сына. Когда она упомянула Верное сердце, гул придворной болтовни смолк, будто имя меча было заклинанием.

Иоланта немного дрожала. Ольховый король смотрел на нее пылающими властными глазами — как будто вспомнил, что был на нее зол, и воспоминание

о собственной злости обрадовало его. Хэйзел отчетливо поняла, почему Иоланта не хотела, чтобы Джек привлекал внимание Ольхового короля.

Мгновение спустя вся сила его взгляда снова обратилась на Хэйзел.

— Поведай, почему ты считаешь, будто Верное сердце у кого-то из моих придворных?

Хэйзел слотнула:

— У кого-то же оно должно быть. Только с его помощью можно было разбить гроб и освободить Северина.

Ольховый король с нетерпением подался вперед:

— И кто поделился с тобой тайной проклятия?

Хэйзел покачала головой. На этот вопрос ответить было нетрудно:

— Мне рассказал Северин.

Ольховый король сделал знак, чтобы клетку поднесли поближе. Он смотрел на сына странным собственническим взглядом, как на особенно ценное полотно, убранный в хранилище, потому что на нем появились царапины. Картину, которую вы больше не хотите вывешивать на всеобщее обозрение, но и не готовы с нею расстаться.

Северин ответил ему яростным взглядом.

Бен шагнул в тень, так что его лицо было трудно разглядеть. Хотелось бы Хэйзел знать, о чем думает брат...

— Кто освободил тебя? — спросил Ольховый король сына. — Скажи мне, где меч, и я прощу тебя.

Переиди на мою сторону, и снова станешь моим наследником. Что ты об этом думаешь? У меня есть возможность вернуть себе Восточный престол. С двумя мечами и твоей сестрой, находящейся в моей власти, меня ничто не остановит. Давай разрушим Фэйрфолд и низвергнем всех, кто таращился на тебя эти долгие годы. Я покажу тебе мощь твоей обузданной сестры. Ты увидишь, как просто мы вернем Восточный престол и вырвем трон из рук зарвавшегося самозванца, узурпировавшего власть.

Хэйзел втянула воздух.

Он говорил о разрушении Фэйрфолда, как будто город был ничем — пятнышком, которое можно с легкостью стереть.

Бен что-то прошептал Северину, но рогатый мальчик покачал головой. Когда он снова повернулся к отцу, его глаза горели неистовством.

— Позвольте смертным уйти, отец, и я останусь подле вас. Выпустите меня из клетки, и я встану на вашу сторону.

Губы Ольхового короля тронула слабая улыбка.

— Где Верное сердце?

Северин покачал головой:

— Сперва вы. Это же я сижу в клетке.

Одно бесконечное мгновение Хэйзел думала, освободит ли Ольховый король Северина, если тот на самом деле их предаст. Но король лишь рассмеялся и подозвал существо в красных доспехах, с болтающимся хвостом и ушами, как у лисы.

— Вытащи смертного и приведи Костяную Деву со всеми ее ножами.

Бен закричал, когда дюжина рыцарей сгрудились вокруг клетки, просунули мечи между прутьями, чтобы отпихнуть Северина назад, и выволокли Бена наружу.

Северин схватил одного из рыцарей, скрутил ему руку и почти протащил между прутьями. Тот завопил, и Хэйзел услышала резкий звук ломающихся костей.

Хэйзел ринулась к ним.

— Остановись, сэр Хэйзел, — сказал Ольховый король. — Стой, где стоишь, иначе я перережу глотку юному Бенджамину.

Хэйзел замерла. Три рыцаря уперли мечи в Северина. Он тяжело дышал, но больше не сопротивлялся. Двое рыцарей схватили Бена, проволокли по каменному полу и швырнули к ногам ведьмы с лицом синим, как синька, в ободранном черном платье. Она прижала длинный костяной палец ко лбу Бена, изучая его родимое пятно.

— Теперь ты или мой сын расскажете мне, что случилось с Верным сердцем. Смолчите — этому мальчишке не жить, — и лицо Ольхового короля озарила ужасная улыбка.

— Благословенный и проклятый, проклятый и благословенный, — зашипела синяя ведьма, беря парня за палец и выкручивая его.

Бен отчаянно завопил.

— Хватит! — крикнула Хэйзел. Если бы она знала, где меч, то, возможно, рассказала бы Ольховому королю. Но пока Бен кричал, она не могла ничего разгадывать. Хорошо, что Джек завязал на ее волосах узелок. Без этого она бы точно расплакалась. — Остановитесь! Остановитесь, или вас я остановлю!

Ольховый король рассмеялся:

— О, вот и твоя истинная природа. Ты играешь в повиновение, но выполняешь только те приказы, которые тебе нравятся. Прямо как мой сын.

Бен снова закричал. Второй палец.

На правом боку Ольхового короля висел меч Сердце охотника, вложенный в ножны из кожи какого-то существа. Успеет ли Хэйзел схватить другое оружие и перерезать ему горло, прежде чем он его вытащит? Хэйзел думала, что это маловероятно, но все равно оглядела придворных, приметив девочку-козу с ножом на поясе. Представила себя хватающей нож. Прикинула, сколько шагов до трона и как быстро она сможет до него добежать. Ее рука непроизвольно дернулась.

— Нельзя исцелить пальцы музыканта, не сломав их, — заметил Ольховый король. — Твоему брату больно, но страдание может обернуться для него благом. Если вы оба продолжите упрямиться, я сделаю гораздо хуже. Некоторые мучения так страшны, что навсегда искажают лицо. Рассудок просто не в силах их выдержать. Лучше расскажите, что знаете, и сделайте это прямо сейчас.

— Не троньте Бенджамина, — попросил Северин. — Вы недовольны мною, отец. Не троньте его!

Хэйзел должна была что-нибудь сделать. Должна была помешать причинять Бену боль.

— Это была я, — сказала Хэйзел. — Я освободила Северина. Так что оставьте Бена в покое. Я сделала это, и сделала это сама.

— Ты? — Ольховый король встал, глаза его пылали. — Ты, которая пришла к нашему священному боярышнику и попросила помощи? Разве не ты отдала семь лет своей жизни добровольно, даже с охотой? Я мог бы взять их любым способом, каким только пожелал, но я не был жесток. Я дал тебе не только то, чего ты просила, но и то, о чем ты никогда не осмелилась бы попросить. Когда ты пришла ко мне, то была ребенком одиннадцати лет. Мы забирали тебя из кровати, и ты летала по небу на камышах и крестовнике. Мы научили тебя владеть мечом и держать удар. Мы обучили тебя скакать на наших быstroногих конях, словно ты сам Тэм Лин. Какая-то часть тебя вспомнила это. Вспомнила ветер, треплющий волосы, и вой ночного неба. Вспомнила уроки изысканных манер. Вспомнила смех, когда ты гнала по шоссе девушку из Фэйрфолда, шаги других рыцарей за спиной и свою лошадь, опередившую их...

— Нет. Это ложь. Я этого не делала, — возразила Хэйзел, стараясь унять дрожь в голосе.

Но феи не врали — не могли врать. Значит, хотя бы отчасти это было правдой. Она подумала о своем

сне, в котором мучила семью и смеялась, когда они обернулись в камни. Как сильно она менялась, находясь у него на службе? Насколько могла доверять себе другой?

— Я претворил твои мечты в жизнь, — Ольховый король с улыбкой развел руки в стороны. — И если у волшебных даров есть шипы, ты достаточно знала нашу природу, чтобы этого ожидать. Поэтому расскажи, кто научил тебя, как освободить моего сына? Кто дал Верное сердце? И где мой меч?

— Я не знаю, — ответила Хэйзел, запаниковав, потому что правда не знала, где меч — но у Ольхового короля имелось достаточно причин ей не верить.

Тот поманил Костяную Деву, и она подошла к трону, волоча за собой тонкий зазубренный клинок. На лезвии виднелась то ли ржавчина, то ли кровь.

— Смертные рождены лжецами, — покачал головой Ольховый король. — Это единственный исключительный талант, которым вы обладаете.

Хэйзел слотнула и собралась. Она позволила себе испугаться и упустить момент, но старалась об этом не думать. Пора включить инстинкты. Она надеялась, что выглядит достаточно ошеломленной. Нужно, чтобы Костяная Дева посчитала, будто девушка настолько слаба, что позволит подвергнуть себя пыткам, будет кричать и плакать и не окажет никакого сопротивления. Только когда существо подошло достаточно близко, чтобы Хэйзел почуяла исходя-

ций от него запах сосновых иголок и увидела странный блеск рубиновых глаз, девушка ринулась на ржавый клинок.

Она порезала руку, хватаясь за лезвие, но все же выдернула его из ведьминых когтей и вонзила той в горло. Хлынула черная кровь. Крючковатые пальцы принялись скрести по шее, но глаза уже потускнели.

Один из рыцарей схватил Бена и заломил ему руки за спину, уже не обращая внимания на пальцы. Бен взвыл от боли.

Еще три рыцаря окружили Хэйзел, опасливо глядя на тонкий ржавый меч.

Она встала в низкую стойку, наблюдая за ними.

— Нет, — сказал Ольховый король. — Оставьте ее. Видишь ли, сэр Хэйзел, пока твой брат у меня, именно моя рука держит нож.

— Похоже, ваша рука не тверда, — заметила девушка, когда ведьмино тело в последний раз дернулось и затихло. Победа и насилие опьянили Хэйзел. Она чувствовала себя своей самой опасной половиной — той, что шла по фэйрфордским лесам и верила, будто была их защитницей. Толпа придворных безмолвствовала. Она принесла смерть этим бессмертным созданиям, и они глядели на нее широко раскрытыми глазами.

— А сейчас, Хэйзел, — Ольховый король говорил, будто давал урок неразумному ребенку, — я хочу, чтобы ты прочитала стишок, призывающий чудовище из самого сердца леса. Мою дражайшую дочь.

Ты ведь его знаешь? Читай, или твоему брату выпустят кишки.

Мгновение Хэйзел колебалась, сознавая, в какую ловушку они попали.

— Хорошо, — выдавила она, глубоко вздохнув. Распевный тон заклинания напомнил ей о прыгалках, прикосновении босых ног к горячему асфальту и постоянном искушении произнести последнее слово. — В темной чаще ведьма есть. Она может тебя съесть. Обглодает твой скелет — вот ты был, а вот уж нет. Непослушный и плохой, не вернешься ты... домой.

Хэйзел почувствовала пульсацию магии, легкий ветерок, дующий сквозь пустой холм, — а затем прикосновение холода.

Скорбь явилась. И если Ольховый король действительно подчинил ее своей воле, им всем пришел конец.

Ольховый король кивнул:

— Очень хорошо. А теперь давай посмотрим, на что еще ты способна. Порежь себе руку, или мой рыцарь срежет твоему брату лицо. Видишь, как ты спешишь повиноваться? Давай же, поторопись.

Хэйзел дрожащими пальцами завернула рукав рубашки, подняла кривой клинок Костяной Девы и приставила к коже. Затем начала вдавливать острие, пока руку не пронзила ослепительная боль, и по кисти, капая на каменный пол, не потекла тонкая струйка крови.

Улыбка, расцветшая на лице Ольхового короля, была ужасна.

— Хэйзел, стой! — закричал Бен. — Не волнуйся за меня..

— Достаточно, отец! — властно крикнул Северин. — Верное сердце не у нее.

— Она лжет, — возразил Ольховый король. — Все смертные — лжецы.

— Хэйзел защищает меня, — объявил Джек, выходя из толпы других придворных. Его глаза пылали серебром, голова была высоко поднята.

Иоланта потянулась к сыну, но тот от нее отмахнулся. Придворные, стоявшие вокруг, смолкли. Джек подошел к трону Ольхового короля и замысловато поклонился. Хэйзел понятия не имела, что он так умеет.

— Я втайне замыслил предать вас. Отпустите Хэйзел. Отпустите ее и накажите меня.

— Нет! — воскликнула его мать. — Ты поклялся! Поклялся не вредить ему!

— Джек? — нахмурившись, пробормотала Хэйзел.

Она чувствовала легкость: может быть, из-за того, что по руке стекала кровь. На мгновение она задумалась, было ли это правдой или очередным еще не раскрытым секретом. А потом увидела вспышку паники на лице Джека и услышала дрожь в его голосе.

Он тянул время. Чтобы она разгадала головоломку по подсказкам, которые сама же себе и оставила.

Морковь. Железные прутья. Не забудь преклонить колено.

Что это значит? Фермер перехитрил боггарта, посадив морковку, растущую под землей. А потом посадил железные прутья.

Может, она закопала меч?

— Мальчик, играющий в смертного? — Ольховый король, прищурившись, изучал Джека. Потом прошествовал к трону, подметая мантией пол, и уселся: — И по каким же причинам ты противостояшь мне? Твое рождение доказывает предательство твоей матери, но ты все же здесь, живой и невредимый.

Не забудь преклонить колено.

— Разве имеет значение, почему? — возразил Джек. В его тоне было что-то такое, как будто он нарочно провоцировал Ольхового короля нападать дальше.

— Ты много себе позволяешь, подменишь, — приподнял брови Ольховый король. — Возможно, я и обещал твоей матери, что не подниму на тебя руку, но Скорбь с удовольствием одарит тебя болью или даже смертью — потому что все, что ей известно, это боль и смерть. Заприте его в клетку вместе с моим сыном!

Джек глубоко вздохнул, а потом чуть улыбнулся, позволив провести себя у Хэйзел за спиной. Ее накрыло отчаянье. Все они умрут. Хэйзел хотелось опуститься на холодный каменный пол, молить о по-

щаде и обещать принести в жертву все что угодно. Но ей было нечего предложить.

Морковь. Железные прутья.

Не забудь преклонить колено.

И вдруг она поняла, каким должен быть ответ.

Верное сердце, меч, который может разрубить что угодно, острый настолько, что может быть вложен в ножны из цельного камня. Вот где она должна была его спрятать — там, где впервые нашла: глубоко в грязи и песке у озера Уайт. Ольховый король не догадался бы искать его у подножия своего трона, как не стал бы искать его среди облаков.

Не забудь преклонить колено.

Хэйзел перевела взгляд на пол, ища что-нибудь в грязи между огромными каменными плитами. Внезапно она заметила что-то похожее на металлический блеск, но с тем же успехом это могла быть игра света. У нее был лишь один шанс, чтобы найти пропажу.

Три рыцаря отконвоировали Джека к клетке и осторожно открыли дверь. Когда она отворилась, Северин нырнул вниз и проскользнул под мечами рыцарей, которые принялись толкать дверь обратно, чтобы его удержать. Он этого явно ожидал, поэтому двигался очень быстро. Достаточно быстро: к тому моменту, как они выхватили мечи, Северин был снаружи и уже выпрямился.

Раненый в произошедшем до этого бою, он носил вокруг пояса какие-то рваные окровавленные лохмотья — остатки майки Джека, как поняла Хэйзел.

Рыцари, стоящие возле девушки, обнажили мечи и ринулись к Северину. У Хэйзел появился шанс. Более не сомневаясь, она кинулась к тому месту, где, как ей показалось, видела блеск рукояти.

Потом, злясь на себя, оглянулась на клетку.

Рыцари окружили Северина, но ни один не оказался настолько смел, чтобы напасть на принца — хотя тот и не был вооружен.

— Дай мне свой меч, — сказал Северин Маркану. Сейчас он действительно выглядел, как принц из детства Хэйзел — тот, что собирался все исправить, когда проснется. — Позволь умереть с оружием в руках. Я не хочу сражаться ни с кем из вас, а у моего отца Сердце охотника. Вам едва ли стоит за него бояться. Конечно, он меня низвергнет. Мне не победить.

Придворные с тревогой переглянулись.

Ольховый король встал и с ужасным металлическим скрежетом вытянул из ножен Сердце охотника. Толпа смотрела на него с напряжением и еще каким-то странным чувством, — Хэйзел показалось, что с отвращением. Ольховый король не мог потерпеть поражение с зачарованным клинком, но никто не был бы в восторге от такой победы.

— Возьми, — кивнул Маркан, вкладывая меч в руку Северина.

— Я не отдавал тебе приказа вооружать его, — рявкнул Ольховый король.

— Принц не должен умирать без меча, — возразил Маркан, и желваки на его челюстях задвигались. Поучать короля было ох как небезопасно.

Ольховый король усмехнулся:

— И все же со многими это случается.

Северин умрет даже с выкованным феей мечом. Умрет, даже если он лучший фехтовальщик в мире. Никакие навыки не могут защитить от клинка, который никогда не промахивается. Если Хэйзел не добудет ему Верное сердце, он обречен.

Наконец девушка нашла то, что, как она думала, могло быть поблескивающей рукоятью, и упала на колени. Хэйзел попыталась ухватиться за нее и вытянуть меч, но он выскальзывал из пальцев. Похоже, ее пока никто не заметил, но это было лишь делом времени. Нужно делать все быстро.

Северин и его отец закружили друг возле друга. Затем Сердце охотника метнулось к плечу принца. Рогатый мальчик попытался блокировать удар, но меч противника оказался слишком быстр. Он вонзился в его руку, заставив вскрикнуть. Хватка на рукояти его собственного меча ослабла. Металл обрушивался на металл шквалом яростных ударов. Северин не успевал противостоять им. Сердце охотника снова и снова впивалось в его плоть. Уже раненный, он продолжал получать небольшие, но кровооточающие раны.

И тем не менее, Хэйзел могла поклясться, что Ольховый король недоволен. Северин явно был лучшим фехтовальщиком. Ольховый король постоянно терял баланс собственного меча; он ошибался, нанося неаккуратные размашистые удары, а меч выправлял его

ошибки. Северин не сдавался, неустанно парируя, хотя никакой надежды на победу не было. Ольховый король мог убить его, но не сломить.

— Каким бы забавным это ни было, — сказал, задыхаясь, Ольховый король, — вечно так продолжаться не может. Уймись. Твоя сестра идет. Она разорвет тебя на части, если я первым не перережу тебе горло. В любом случае, на этот раз, когда ты ляжешь в стеклянный гроб, то будешь мертв по-настоящему. Мертв и выставлен на обозрение всему лесу!

Северин сделал выпад в сторону отца, рассек ткань его одеяния и оставил тонкий кровоточащий порез. Ольховый король уставился на сына, словно видел того впервые.

— Сердце охотника ручается, что вы никогда не промахнетесь, отец, — сказал Северин, снова принимаясь кружить. — Но это не значит, что я всегда буду промахиваться по вам.

Ольховый король с ревом бросился вперед, более не заботясь о правилах боя, и резко вогнал Сердце охотника Северину в живот. Рогатый мальчик взвыл и упал на колени, зажимая руками рану. Ольховый король ударил его туда, куда он уже был ранен.

Однако стоило тому отступить, как меч принца взметнулся снова. Кровь обагрила руку Ольхового короля, словно перчатка. Он поверг сына, но Северин нанес ему еще один удар.

— Достаточно! — тяжело дыша, воскликнул Ольховый король, указывая на рыцарей. — Прикончите его

Они продолжали стоять, будто не слыша приказа. Они могли быть жестокими, своенравными и ценить смертных не выше грязи, — но они были рыцарями, как в книжках, которые Хэйзел читала в детстве. Рыцарями, как в историях Бена. Приказ Ольхового короля противоречил их кодексу чести. Они бы не напали на раненого — особенно того, кто был побит в явно нечестном бою.

Через мгновение Маркан шагнул вперед. Другой рыцарь сжал в руке клинок. Видимо, они решили, что хоть и обязаны следовать приказам Ольхового короля, будут сражаться с Северином один на один, как того требуют законы чести.

Хэйзел наконец-то поймала рукоять меча. Она засунула ладонь между плитами так глубоко, как только получилось, вцепилась ногтями в металл и перебирала пальцами, пока не захватила его как следует. Затем девушка осторожно потянула меч из камня, где сама же его и похоронила, пока он целиком не оказался в ее руке.

Ее меч с блестящим золотым лезвием, с которого осыпалась черная краска. Тот, что она носила за спиной. Тот, что сделал ее рыцарем. Верное сердце.

С трудом веря, что у нее получилось, девушка сделала несколько шагов к Северину — и тут же поняла, что уже слишком поздно. Он истекал кровью, струившейся из множества ран. Когда Маркан начал кружить возле него, Северин споткнулся. Он с трудом стоял на ногах.

Он не смог бы удержать меч, чтобы сразиться с отцом и не менее опасной сестрой.

У нее не получилось. Она опоздала.

— Бен, — позвал Северин, падая на землю. — Бенджамин Эванс. Ты ошибаешься, но ты не глупый.

— Что? — откликнулся Бен, который стоял на краю клетки, вцепившись в прутья сломанными пальцами. Его взгляд метался между Северином и Хэйзел, как будто он не мог решить, за кого больше бояться.

— Я люблю тебя, — сказал Северин, глядя вверх, мимо рыцарей и придворных. Его лицо стало торжественным. — Люблю, как в сказках и балладах. Люблю любовью, что поражает, словно удар молнии. Я полюбил тебя через три месяца после того, как ты начал приходить и говорить со мной. Я полюбил, что ты заставлял меня смеяться. Я полюбил тебя за твою любезность и то, как ты делал паузы, словно ожидал, что я отвечу. Я люблю тебя, и я не насмеялся над тобой, когда целовал, ни капельки.

Бен попытался дотянуться до него между прутьями клетки, но рыцари оттащили его назад.

— Ты с ума сошел! — закричал Бен, и Северин начал смеяться.

Хэйзел прошла перед троном. Она не была уверена, заметили ли другие рыцари, что она держит в руках, или просто не сочли ее достойной внимания. А вот Ольховый король закружил возле девушки, и

его глаза расширились от удивления. Потом он решил развлечься:

— Что ты о себе возомнила, крошка-рыцарь? Ты хотя бы помнишь, как держать меч? Хочешь сыграть в благородство? Только принц тебя больше не спасет.

— Нет, — ответила Хэйзел. — Это я его спасу.

Он замахнулся на нее, но она успела об этом подумать. Она даже не потрудилась отбить удар. Девушка направила Верное сердце не на Ольхового короля, а на его меч.

Верное сердце разбил Сердце охотника с таким звуком, будто раскололось стекло. Ольховый король смотрел на Хэйзел, словно не мог поверить, что она это сделала. Затем его взгляд устремился на то, чего она не могла видеть, и лицо его озарилось улыбкой.

Девушка примерзла к месту, ощутив первобытный ужас.

Скорбь была здесь.

Придворные зажали рты, душа слабые всхлипы. Хэйзел слышала тяжелую поступь чудовища и скрежет ветвей у себя за спиной. Девушка вздрогнула и глубоко вдохнула.

В следующую секунду она прижала Верное сердце к горлу Ольхового короля. Клинок прорезал его кожу, и на ней, словно гранатовое зернышко, выступила бусинка крови.

— Она подходит все ближе, — сказал Ольховый король, протягивая сломанный меч будто в знак ка-

питуляции, словно хотел его бросить. Но Хэйзел была уверена, что он этого не сделает. — Помнишь, у меня есть костяное кольцо. Благодаря этому я могу ею управлять.

Хэйзел слотнула, принимая решение.

— Если ты повернешься, у тебя появится шанс, — продолжал он. — Все, что нужно сделать, так это повернуться. У тебя есть меч. Но если ты не ударишь ее сейчас, она победит. Она сделает так, чтобы ты кашляла грязью и лозами, чтобы ты тонула в океане собственных слез.

Воздух всколыхнулся, словно что-то очень, очень быстро двигалось. Может, чудовище отступило, готовясь нанести удар?

Хэйзел знала, что значит проиграть. Знала это так хорошо, что это тут же вымыло вкус победы с ее губ: она даже не успела им насладиться.

Она была близка к тому, чтобы проиграть снова.

Хэйзел думала о существе, которое видела в школе и дома у Джека. Думала о странной, шероховатой красоте ее древоподобного тела. Думала о том, как пел Бен, и о том, как Северин коснулся ее лица. Скорбь по-прежнему подчиняется Ольховому королю? Или она проснулась, и костяному колечку ее больше не одурачить?

— Давай же, — подстрекал Ольховый король. — Поторопись: доверишься мне или чудовищу?

— Не... — закричал Джек, но Хэйзел не могла ждать, пока он закончит фразу.

Она была сама стремительность: быстрый взмах мечом, и острие Верного сердца разрубило зловещий костяной перстень надвое.

— Я поклялась, что низвергну чудовище из самого сердца леса — и я это сделаю. Им никогда не была она. Им всегда были вы.

В ту же секунду пальцы-ветки оплелись вокруг Ольхового короля. Его глаза распахнулись от удивления, и он завыл, призывая своих рыцарей. Но Скорбь уже схватила отца и держала до тех пор, пока тело его не обмякло, и сломанный меч не выскользнул из руки.

А потом бросила его на каменный пол.

Хэйзел нагнулась, чтобы подобрать то, что осталось от Сердца охотника. Когда ее рука сжала рукоять, глаза Ольхового короля открылись, и он потянулся к ней. Подушечка его пальца пробежала по щеке девушки, и изо рта, окрашенного кровью, чуть слышно донеслось:

— Вспомни, сэр Хэйзел. Вспомни, мой неверный рыцарь. Я заклинаю тебя вспомнить все.

— Нет! — закричала Хэйзел, мотая головой и отпихивая его. — Я этого не хочу! Я не буду!

Глаза Ольхового короля закрылись, лицо разгладилось — он провалился в сон.

Но Хэйзел продолжала кричать.

ГЛАВА 21

Жила-была девочка, нашедшая в лесу меч.

Жила-была девочка, заключившая сделку с Народцем.

Жила-была девочка, ставшая рыцарем на службе у чудовища.

Жила была девочка, которая поклялась, что спасет всех в мире, но забыла про себя.

Жила-была девочка...

Хэйзел вспомнила все разом: все замки раскрылись, все воспоминания всплыли со дна глубокого мутного хранилища, где она их спрятала. И не только те воспоминания, что ранее стирал из ее памяти Ольховый король. Заклятие оказалось гораздо сильнее. Она получила обратно каждую мысль, о которой старалась не думать.

* * *

Вечером того дня, когда Хэйзел убила ведьму, родители закатали вечеринку. Она продолжалась до поздней ночи, становясь все более бурной. Громкий спор о художественной ценности той или иной ил-

люстрации перерос в драку, потому что кто-то кого-то якобы обманул.

Бен и Хэйзел сидели на улице рядом со свежей могилой своей собаки и слушали отдаленный звук бьющихся бутылок.

— Я хочу есть, — сказал Бен. — И замерз.

Он не сказал «жаль, что домой нельзя», но Хэйзел и без слов это понимала.

— Давай что-нибудь поделаем, — предложила она.

Бен посмотрел на звезды. Ночь была ясная и холодная.

У них обоих выдался утомительный и страшный день, и он явно не хотел подвергаться еще каким-либо волнениям.

— Например?

— В твоей книжке написано про церемонию, которую нужно пройти, чтобы подготовиться к рыцарству. Всенощное бдение. Мы должны это сделать. Чтобы доказать самим себе.

Книга лежала на крыльце — там, где они ее и оставили, а новый меч был спрятан в сарае вместе с мачете. Она сходила за ними.

— Там написано, что надо делать? — спросил Бен. Его дыхание затуманивало воздух и улегучивалось призрачными облачками.

Согласно книге, прежде всего им надлежало проявить стойкость. Поскольку они не ужинали, Хэйзел решила, что это считается. Потом следовало

омыться, чтобы очиститься, одеться в робы и не спать всю ночь, молясь на коленях в часовне. После этого они бы считались готовыми к рыцарству.

— У нас нет часовни, — заметил Бен. — Но мы можем сделать алтарь.

Так они и поступили, используя большой камень. Нашли несколько старых свечей и зажгли их — двор озарился жутковатым светом. Потом брат с сестрой скинули одежду и облились ледяной водой из садового шланга. После этого они, дрожа, завернулись в скатерти, прихваченные из прачечной.

— Окей, — кивнул Бен. — Теперь надо молиться?

Их семья была не слишком религиозной. Хэйзел даже не помнила, бывала ли она в церкви, хотя фотографии с крестин подтверждали, что бывала. Она не представляла, какие должны быть молитвы, но знала, как это выглядит со стороны. Она потянула Бена встать на колени рядом с собой.

Земля оказалась ледяной, но меч легко вошел в нее. Хэйзел сжала рукоять и попыталась сосредоточиться на благородных мыслях. Мыслях о храбрости и чести, верности и справедливости. Она раскачивалась взад-вперед, и спустя некоторое время Бен принялся копировать движения сестры. Хэйзел почувствовала, что проваливается в сон. Вскоре она почти смогла унять дрожь и уже едва ли обращала внимание на тяжесть мокрых слипшихся волос и на то, как замерзла.

В какой-то момент она скорее почувствовала, чем увидела, как Бен встал, сказав, что становится слиш-

ком холодно, и позвал ее внутрь. Но она только покачала головой.

Через некоторое время гости начали покидать дом. Хэйзел слышала, как они заводят машины и возбужденно обмениваются репликами. Кого-то громко тошнило в кустах. Никто не заметил девочку, стоящую на коленях в саду.

Потом, золотя траву, взошло солнце.

Родители нашли ее поздним утром, по-прежнему стоящую на коленях на лужайке. Они выбежали из дома, похмельные и паникующие, что не обнаружили дочь в кровати. Мама по-прежнему была в вечернем платье, макияж размазался по щекам. Папа, в одной футболке и трусах, босыми ногами шагал по покрытой инеем траве.

— Что ты делаешь?! — спросил он, сжимая плечо Хэйзел. — Ты провела здесь всю ночь? Господи, Хэйзел, о чем ты только думала?

Она попыталась встать, но ноги ее не слушались. Она не чувствовала пальцев.

Когда отец взял ее на руки, Хэйзел хотела все объяснить, но зубы слишком громко стучали, чтобы говорить.

* * *

Потом она вспомнила другую ночь, когда пробиралась домой через лес после службы Ольховому королю. Дрожь в плечах все никак не стихала.

Она скакала с Народцем и притворялась, что смеется, когда они мучили смертных, передразни-

вая их жестокость и все остальное, чему они ее научили.

Давайте наложим проклятие, чтобы они оставались валунами, пока другие смертные не признают их истинную природу.

Хэйзел понимала, что только она может разрушить проклятие. Лежа в кровати в последние мгновения перед рассветом и ожидая, когда воспоминания смоет, словно волной, она повторяла задачу. Все, что ей надо было сделать — это пойти на поляну, где они лежали, и признать их истинную природу. Она бы их признала.

Но только если останется ночной собой. Дневная она ничего не знала.

Она представила, как оставляет записку Бену. Может, если правильно все написать, он сумеет развеять заклинание? Но что бы и как бы она ни написала, брат наверняка расскажет все ей дневной — а она не была уверена, стоит ли той доверять.

Дневная Хэйзел тоже была ею, но как будто с приглушенными краями. Дневная Хэйзел не понимала, каково это — скакать с развевающимися за спиной волосами среди Народа, подстегивая лоснящуюся волшебную лошадь. Она не помнила, как это — размахивать серебряным мечом так сильно, что воздух, казалось, начинает петь. Она не знала, как это — перехитрить или быть перехитренной. Она не видела тех диких и фантастических вещей, которые видела ночная Хэйзел. Она никогда не врала так много.

Дневную Хэйзел нужно было оберегать и защищать. Помочь она ничем не могла.

Тогда она придумала план. Условия ее служения были простыми. «Каждую ночь с того мига, как ты засыпаешь, и до того, как твоя голова вновь касается подушки на рассвете, ты моя», — сказал Ольховый король.

Обмануть его оказалось просто, даже слишком. Она опускала голову на подушку, но не позволяла себе заснуть. Вместо этого она снова вставала — и оставалась ночной Хэйзел, пока рассвет не прорезал горизонт, и ее воспоминания не растворились вместе с тьмой.

Иногда ей удавалось украсть целый ночной час. Иногда — всего несколько мгновений. Но это позволяло ей снимать проклятия, возмещать убытки.

И время от времени — думать над планом.

Она знала, какие у Ольхового короля виды на Скорбь. Он похвалялся перед нею грядущим разрушением Фэйрфолда и кичился планом захвата и мести Восточному престолу. А потом проговорился, не думая, что это имеет какое-то значение, о потерянном мече и способе освободить рогатого мальчика. Постепенно Хэйзел осознала ценность клинка, который нашла многие годы назад. И поняла, что только она одна в силах остановить Ольхового короля.

«Может, я и застряла у него в услужении, — думала Хэйзел, — но если я освобожу принца, он по-

бедит своего отца. Он не связан какими-либо обещаниями. Он достаточно отомстит за нас обоих».

Вот когда все пошло не так. Хэйзел вспомнила накатившую панику, когда она разбила гроб, а принц не проснулся. Вспомнила, с каким ужасом пыталась спрятать меч, оставляла себе поспешные загадочные намеки и потом устремлялась в кровать, прежде чем ее коснутся первые утренние лучи.

Она думала, у нее еще будет время, но ей выпала всего пара минут, когда в следующий раз она наконец-то очнулась в собственном доме: рядом стояли брат, Джек и Северин, а за окном — половина придворных Ольхового короля.

— Где он? — с ходу спросил Бен.

В это самое мгновение первый эльф ворвался в парадную дверь. Хэйзел схватила Разящего и бросилась вверх по лестнице — за доспехами.

* * *

Хэйзел вспомнила все это, упав на землю, пока Бен кричал ей, что они победили, пока Северин приказывал перенести тело отца в гроб, где тому предстояло проспать до скончания дней, пока придворные толпились вокруг чудовища, пока Джек снова и снова, как будто одним нескончаемым словом, звал Хэйзел по имени.

Она закрыла глаза и позволила тьме заполнить себя до краев.

ГЛАВА 22

Хэйзел проснулась в незнакомом месте. Воздух был напоен ароматом жимолости и далекими звуками арфы. Она лежала на большой, искусно сделанной кровати под серебристо-серым одеялом, легким, как шелк, но теплым, как гусиный пух. Ей хотелось поглубже зарыться в перины и продолжить спать, но она знала как минимум несколько причин, почему делать этого не стоит.

Перевернувшись, девушка увидела профиль Джека. Тот балансировал на наклоненном назад стуле, упершись в стену ногой. На его коленях покоилась открытая книга, но страниц он, казалось, не перелистывал. Мягкий свет свечи, стоящей возле парня, загадочно очерчивал контур его лица. Что-то в густых ресницах и мягких губах делало его одновременно и родным, и бесконечно чуждым в его красоте.

Девушка поняла, что сколько бы раз ни видела Джека до этого, она никогда не смотрела на него глазами ночной Хэйзел.

Кто же она? — задумалась Хэйзел. — Знает ли она, что натворила? Достаточно ли в ней той

Хэйзел Эванс, которая ему понравилась? Была ли она той Хэйзел Эванс, которая понравилась бы ей самой?

Когда бы ее срок службы Ольховому королю истек — если бы тот не перехитрил ее, заставив служить себе вечно, или не убил на месте, — он бы наверняка забрал все ее воспоминания. Считала бы она свою ночную сущность навеки утраченной? Представляла бы пережитое зажившими рубцами, которые однажды и вовсе рассосутся?

Теперь-то Ольховый король не заберет у нее воспоминания. Они останутся с нею. Как и таланты, и знания.

Дневная сущность столько раз слышала историю о том, как Джек стал подменным, но теперь, наблюдая за ним, Хэйзел вспомнила, что слышала об этом и при дворе. Вспомнила, как его эльфийская мать объясняла, почему выбрала Картера — он был таким прелестным ребенком, теплым и сладким, и смеялся у нее на руках. Как та рассказывала об ужасе, когда горячий металл обжег Джека, о запахе горящей плоти и вое, который он издал — таком мучительном, что поверг бы в отчаянье даже баныши. О том, как смертные были безразличны к его боли и оставили у себя из злости и любопытства, чтобы показывать друзьям; как она боялась, что они сделают из него слугу для собственного сына. Хэйзел слышала истории о том, как домовые заглядывали в окна, чтобы удостовериться, что Джек в безопас-

ности; как собирали желуди и каштаны на случай, если он проголодается ночью; как играли с ним в саду, когда его человеческая мама отворачивалась, и как щипали Картера, доводя его до слез.

Хэйзел вздохнула, уже готовая повернуться и заговорить, когда услышала, что в комнату кто-то вошел.

— Я послала тебе десяток записок, — сказала Юланта. — Но ты не соизволил ответить ни на одну.

— Я был здесь, — Джек закрыл книгу и положил ее рядом со свечами. — Ты об этом знала. И могла прийти сюда и поговорить со мной в любое время — как сейчас.

Хэйзел приоткрыла глаза, чтобы взглянуть на эльфийку, стоящую у земляной стены.

— Я понимаю твой гнев из-за моей сделки с Ольховым королем, но ты не понимаешь, почему было так важно...

— Что заставляет тебя так думать? — перебил ее Джек. В его голосе слышалось явное предостережение.

Хэйзел знала: подслушивать, притворяясь, что спишь, — плохо. Но еще ужаснее казалось сесть и признаться, что она проснулась. В конце концов, они при ней не секретничали, а просто разговаривали. Нерешительность заставила ее молчать слишком долго — пока Хэйзел, услышав тон Джека, не поняла, что они собираются обсудить нечто потаенное.

— Когда ты произносил перед Ольховым королем свою маленькую речь, мне показалось, что ты хотел

сказать что-то еще, но потом одумался, — заметила Иоланта.

— Когда я предположил, что Верное сердце у тебя, это заставило меня призадуматься обо всех вещах, которые не сходятся.

— Ты полагал, что это я была творцом всего произошедшего. В этом ты ошибался — но оказался прав в том, что у меня имелся план. Как только я выяснила, что Верное сердце обнаружено, то подумала, что мы с тобой можем подождать, пока они не перебьют друг друга, — ткань мягко зашелестела, как будто эльфийка ходила по комнате. — Если бы и Северин, и Ольховый король умерли, остался бы только один наследник. Если бы ты не заговорил... Если бы он сражался с сыном на несколько минут дольше, все могло бы сложиться иначе. Ты не хочешь спросить, что я имею в виду?

— Нет, не хочу, — отрезал Джек.

— Ты боишься, я расскажу, кто твой...

— Я же сказал: я не спрашиваю, — перебил маму Джек. — И не спрошу. Если ты собираешься мне рассказать, я притворюсь, что ничего не слышал.

— Тогда мне не нужно ничего говорить, — заметила она. — Ты и так все знаешь.

Он надолго замолчал.

— Это твой дар, — продолжила она, — чувствовать, что у других на сердце. Северину понадобится кто-то с таким даром. Кто-то на его стороне, знающий мир смертных, как ты. Тебе больше не надо прятаться.

— Ничего не изменилось, — возразил Джек. — Я возвращаюсь домой — в мой человеческий дом, к человеческой семье. И меня не волнует, кто мой отец.

Хэйзел снова слышала шорох ткани:

— Они никогда не будут любить тебя. Они всегда будут тебя бояться.

— Это неважно. Подари мне время, чтобы я мог побыть человеком, — попросил Джек. — Ты снова и снова говоришь, что я никогда не стану смертным, что вспышка человеческой жизни так коротка, что не имеет никакого значения. Отлично, так позволь мне прожить мою человеческую жизнь. Пусть все смертные, которых я люблю, умрут и рассыплются в пыль. Позволь Ние быть моей матерью, Чарльзу — отцом, а Картеру — братом. Позволь мне быть Джеком Гордоном, и когда я это сделаю, когда все обратится в прах и пепел, я вернусь к тебе и научусь быть твоим сыном.

Она не проронила ни слова.

— Позволь мне сделать это, мама, потому что, когда они умрут, я уже никогда не смогу сделать этого снова, — его голос сквозил мрачной вечностью, которую Хэйзел раньше угадывала в голосах Северина и Ольхового короля. Он был одним из них, бессмертным и нечеловеческим. Но он задержится в ее мире немного дольше.

— Иди, — наконец согласилась Иоланта. — Будь Джеком Гордоном. Но помни — смертная жизнь оставляет горький осадок.

— И все равно я хотел бы полную меру, — ответил он.

Хэйзел продолжала лежать с закрытыми глазами, стараясь следить за дыханием и боясь, что кто-нибудь разоблачит ее притворство. Но после нескольких минут мерных вдохов и выдохов действительно заснула.

Когда Хэйзел снова проснулась, рядом был Бен — сидел на второй половине кровати, опираясь на мягкие подушки, к которым она прижималась с другой стороны.

Одна его рука была на совесть забинтована, второй он набирал эсэмэску.

Девушка, застонав, заставила себя сесть.

— Мы в Волшебном царстве? — заплетающимся языком спросила она.

— Возможно, — пожал плечами Бен. — Если такое место вообще есть. То есть, если мы все живем на одной территории, то технически всегда находимся в Волшебном царстве. Господа присяжные еще не вынесли вердикт.

Она пропустила мимо ушей вторую часть и сосредоточилась на первой.

— Значит, ты переписываешься в Волшебном царстве. И с кем же? Какая здесь ловится сеть?

Он соорудил гримасу:

— С родителями. Мама перепугалась — как и все, кто был у Гордонов. Полгорода ломанулись в большую старую церковь на Главной улице, со всеми

этими защитными штукаами, врезанными в фундамент. Заперлись там с амулетами, консервами и прочей ерундой. Мама думала, мы тоже туда пойдем, но выяснилось, что мы не пошли, потому что мы — засранцы. Папа поехал нас искать. Я сказал маме, что ты вернешься домой сегодня вечером, если будешь лучше себя чувствовать. Ты ведь достаточно хорошо себя чувствуешь?

— Я? — напряглась Хэйзел. — А где Джек?

— Наверное, снова повез кровь Скоррели в больницу. Он потратил адову кучу времени, чтобы убедить людей, что это противоядие, но как только начало действовать, они попросили еще. Скоррель позволила Северину сделать надрез Верным сердцем, и он набрал целый флакон крови.

— А она по-прежнему?..

— Гигантское страшное древочудище? — он притворился, что тянется к Хэйзел пальцами-веточками. — О да. И кровь у нее ярко-зеленая. Но она с нами говорила, и голос у нее звучал... я не знаю... *мило*. Так сказал Северин.

Хэйзел зевнула и впервые за все это время осмотрела комнату. На полу лежал ковер с замысловатым узором, который, казалось, менялся тем сильнее, чем дольше она его разглядывала: зеленые полосы извивались, как змеи, и от этого кружилась голова. Девушка моргнула и перевела взгляд на резной сервант с дубовыми листьями, со стоящей на нем медной чашей. Рядом возвышались три сте-

клянных графина с какими-то жидкостями и кубок.

Еще в комнате была массивная скамья, устланная толстым зеленым бархатом с мерцающей золотой вышивкой по краю. Сверху лежала стопка одежды. Рядом весело потрескивал камин.

— А если не заморачиваться всеми этими измерениями, где мы? — спросила Хэйзел.

— Во дворце Ольхового короля, — Бен отложил телефон и соскользнул с кровати. На нем была уже другая одежда: черные джинсы и ржаво-оранжевый — под цвет волос — свитер с черным единорогом.

Хэйзел узнала в них обновки, которыми брат особенно гордился. Правда, она была совершенно уверена, что вчера он их не надевал. И не было никаких причин собирать вещи на ночь.

Проследив за ее взглядом, Бен скосил глаза на свитер.

— Северин приказал одному домовику сходить к нам и принести кой-какие вещички. Я попросил одежду для тебя и... много всякой всячины для себя.

Бен замолчал, как будто ожидая реакции сестры.

Хэйзел не нравилось, куда он клонит.

— Это имеет отношение к тому, что ты пообещал родителям, будто я вернусь вечером, но ничего не сказал о себе?

Он кивнул:

— Я остаюсь с феями.

Хэйзел выскочила из-под одеяла. Она была готова сделать все, что угодно, сразиться, с кем только понадобится. Может, сейчас у нее и не было Верного сердца, но она попадала в переделки и посерьезней.

— Что они тебе пообещали? На что ты торговался?

Бен покачал головой:

— Все совсем не так.

— А как? Это из-за Северина?

Бен вздрогнул:

— Нет, не из-за него. Или, по крайней мере, в основном не из-за него, — и его лицо залила глубокая краска.

— Он тебя лю-ю-юбит, — радостно закричала Хэйзел, одурманенная ощущением, что жива. — Он сказал, что лю-ю-ю-ю-юбит тебя, перед всеми!

— Хэйзел, — простонал Бен.

Мучить брата было очень весело. Позволяло снова почувствовать себя прежней.

Она схватила его за плечи, раскачала, и они, хоча, вместе повалились на кровать.

— Ты должен его поцеловать! Так сильно, чтобы он почти подавился твоим языком. Надеюсь, ты это уже сделал? Потому что если нет, тебе лучше пойти и поцеловать его так прямо сейчас!

— Заткнись, — Бен попытался притвориться, что даже и не думал улыбаться. — О боже. Это отвратительно.

Хэйзел вдавила его глубже в перину:

— Но это не объясняет, почему ты не собираешься возвращаться домой.

Бен вздохнул:

— Я просто не могу продолжать жить с этой музыкой внутри — она как готовая разорваться бомба. Мне нужно выяснить, что это такое, и научиться ее контролировать. Но я не смогу узнать этого в человеческом мире. Только здесь.

— Но... — начала была она.

— Мне нужно перестать фантазировать о чужих жизнях и наконец разобраться со своей собственной.

— Тебе бы сначала домой вернуться, — посоветовала Хэйзел. — Объясниться с родителями. Попрощаться со всеми в школе.

— Возможно, — кивнул Бен, как будто сестра говорила дело, но соглашаться он не собирался. — Но во всех историях тебе дается лишь один шанс, и если его упускаешь, все пропало. Ты смотришь туда, где была дверь, но ее больше нет. Не бывает второго приглашения на бал. Это мой шанс.

Хэйзел хотела было запротестовать, но поняла, что это не ей решать. Вдруг он снова сможет открыть для себя музыку? Вдруг он сможет полюбить музыку так, как не позволял себе раньше — потому что слишком страшно любить то, что не можешь контролировать? Нельзя причинять людям боль и испытывать от этого удовлетворение.

— Я буду безумно по тебе скучать, — сказал Бен, глядя на сестру и убирая волосы, упавшие ей на

лицо. — Прости, что раньше был с тобой не очень честен.

— Не говори так, — попросила Хэйзел. — Может, мы и не будем делить одну ванну, но я же по-прежнему смогу тебя видеть, правда? Я ведь провела половину последних пяти лет в Волшебном царстве, но не забыла дорогу домой. И твой парень теперь как-никак главный, так что есть на что рассчитывать.

— Как-никак, — кивнул Бен. — Да, конечно, мы будем видеться. Я не имел в виду, что не будем. Просто все станет... другим. Только пообещай мне, что постарайшься стать счастливой.

Может, подумала Хэйзел, они оба смогут этому научиться. Не просто придумай-историю-в-которой-ты-будешь-счастлив, а по-настоящему. Она склонилась над братом, изо всех сил обняла его и не отпускала до тех пор, пока не заболели ребра. Но как бы сильно она его ни обнимала, девушка знала — этого всегда будет недостаточно.

— Обещаю, — прошептала она. — Я очень постараюсь.

* * *

Бен оставил сестру в комнате, чтобы та могла переодеться. Сняв дублет, она обнаружила россыпь ушибов и глубокую рану поперек туловища. Зачерпнула воды из металлической чаши и смыла большую часть крови и грязи. Прополоскала рот эликсиром

со вкусом сосновой смолы и расчесала волосы золотым гребнем, который как по волшебству превратил спутанные космы в мягкие рыжие локоны.

Домовик выбрал для нее легинсы, черную футболку с изображением дымящейся чайной чашки, безразмерный серый свитер и ярко-зеленые кеды. Девушка обрадовалась привычным вещам. Разодранный рыцарский мундир она оставила на кровати. Вряд ли она снова его наденет, даже если получится починить.

Затем Хэйзел без лишних промедлений отправилась домой.

Сразу за дверью начинался длинный разветвленный коридор с самыми причудливыми дверями. Огромными, крохотными, тонкими и широкими. Ручки и дверные молотки были справлены в форме серебряных гоблинских лиц со зловещими ухмылками и заостренными ушами — или золотых ветвей, усыпанных ягодами. Временами из-за них раздавались музыка или смех, временами слышались бормочущие голоса.

Вскоре она подошла к ступенькам, ведущим наверх — в огромное полое дерево, и выбралась наружу через длинное и узкое, как вход в пещеру, дупло.

Над головой светлело небо, воздух подморозило. Хэйзел плотнее закуталась в свитер, сетуя, что домовик не додумался принести куртку. Прогрившись через кучи палой листвы, кустарники и папоротни-

ки, девушка добралась до дома. Парадная дверь висела на одной петле. Там, где эльфийский рыцарь ударил ее ногой, виднелась трещина.

Едва Хэйзел вошла на кухню, родители вскочили из-за потертого деревянного стола и бросились к ней.

— Господи, детка! — воскликнул папа, обнимая Хэйзел за плечи. — Мы так рады, что ты дома!

— Бен ушел, — выпалила девушка, потому что было бы жестоко позволить им думать, будто все вернулось на круги своя. — И не вернется. Решил остаться с ними.

— Садись-ка, — сказал папа. — Мы знаем. Он позвонил и все рассказал. Попросил, чтобы мы думали о Волшебном царстве, как о престижной школе-интернате в Швейцарии. Я сказал, что это больше походит на престижную школу-интернат в аду.

— Вы в порядке? — спросила Хэйзел, позволяя себя усадить. Наверное, Бен сказал им, что делает это только ради музыки. В этом случае родители согласились бы с чем угодно — даже с тем, что им не по душе.

— Нет, мы не в порядке, — покачал головой папа. — Но кроме как сказать ему, что мы не в восторге от его решения, ничего сделать не смогли.

Мама нахмурилась, водя пальцем по обгоревшему пятну на столе:

— Мы бы хотели кое-что у тебя спросить. Ты сражалась вместе с рогатым мальчиком — вы с бра-

том, кажется, его знаете? Хэйзел, где ты научилась так драться? Как ты в это ввязалась?

— Это случилось очень, очень давно... — пробормотала девушка.

С тех пор, как она нашла в лесу мертвого мальчика и меч, ее родители очень изменились. Они стали такими родителями, у которых, казалось, просто не могло родиться дочери, подобной Хэйзел.

Возможно, поэтому оказалось так трудно рассказать им, какой дочерью она все-таки была.

Мама покачала головой:

— Мы просто рады, что с вами обоими все в порядке. Мы места себе не находили.

— Не надо обо мне волноваться — больше не надо. В этом нет смысла. Уже слишком поздно.

Может, родителям и удалось измениться, но ее изменить они не смогут. Она и так потратила слишком много времени, пытаясь себя переделать.

— Никогда не поздно волноваться, — заметила мама, потянувшись через стол и взяв Хэйзел за руку. Та сжала ее ладонь в ответ.

* * *

Несколько дней спустя школа снова открылась. Администрация разослала уведомления, что из-за недавних событий весь запас «снежных дней» за академический год исчерпан, и если школу снова потребуется закрывать, ученикам придется посещать ее до конца июня.

На стенах по-прежнему оставались трещины, а крыша позеленела от мха. Время от времени шальной порыв ветра гнал по коридору черное перо или сухой папоротник, но большую часть виноградных лоз и листьев убрали.

Вернулись Картер и Аманда. Девушка наслаждалась новым витком популярности, смакуя скандальные подробности того, что нечаянно услышала, пока спала волшебным сном. С Картером они больше не встречались.

Казалось, все снова стало нормальным — ну, кроме того, что ребята постоянно тормозили Хэйзел в коридорах. Все, даже Робби, хотели узнать, каков из себя рогатый мальчик и как она его нашла — ведь именно Хэйзел освободила его из гроба. Том Маллинс просил показать фехтовальные приемы на позаимствованной из чулана швабре. Во время обеда Леони трижды заставила Хэйзел рассказать, как Бен с Северином начали встречаться, а Молли требовала бесконечных заверений, что Скорбь за ней не вернется.

У каждого находилось, что сказать Хэйзел, но почти ни у кого не было, что сказать Джеку. Девушка видела, как ребята отворачиваются от него в коридорах, словно их страх и чувство вины объединились и сделали его невидимкой. Но Картер по-прежнему был рядом с братом, толкал его плечом и смеялся, заставляя их друзей смеяться тоже; заставляя их *замечать* Джека. Болтал о колледжах и

предстоящем футбольном матче, о том, куда они пойдут в субботу вечером.

Было очевидно — страх перед Джеком скоро улетучится. Все позабудут, что в его жилах течет магическая кровь.

Но не Хэйзел. Когда они снова встретились глазами, его взгляд стал таким бездонным, что ей показалось, будто она вот-вот утонет. Его губы сложились в кривую улыбку, и ее сердце пропустило удар.

Она ему нравилась. Она — или та, дневная. Что же до Хэйзел, Джек ей не нравился: она его любила. Любила так сильно, что это уже причиняло боль.

Тот, кто преподносит свое сердце на серебряном блюде, заслуживает того, что получает.

Джек Гордон — хороший парень. Скоро он будет учиться в колледже далеко, далеко отсюда. У него появится нормальная человеческая жизнь, которую он проживет сполна, прежде чем начать другую, главную — бессмертную.

— Хэйзел, — окликнул он ее, бегом догоняя после последнего урока.

Они не разговаривали целых три дня, и девушке не хотелось, чтобы он догадался, как сильно она была рада услышать его голос. Парень выглядел не так, как до низвержения Ольхового короля: его уши стали чуть более острыми, лицо — немного тоньше, а в волосах заиграли зеленоватые тени. Но улыбка была все той же — совсем не похожей на улыбку Картера, принадлежащей Джеку, и только ему.

— Эй, подожди. Я хочу с тобой поговорить. Я подумал, что, может, мы...

Один лишь звук его голоса разжег в ней желание улыбнуться. Счастье захлестнуло ее почти до боли.

— Не думаю, что смогу, — выпалила Хэйзел.

— Сможешь что? — Джек выглядел озадаченным.

Но Хэйзел уже было не остановить.

— Со мной не все хорошо. Как с личностью. И я, наверное, только начинаю сознавать, насколько нехорошо. Я продолжаю вспоминать вещи, которые сделала, события, которые со мной произошли, — и все отчетливее понимаю: я не та девушка, с которой станет заводить отношения нормальный человек.

— Хорошая новость — я не совсем нормальный и не совсем человек, — заметил Джек.

— Я все испорчу, — пробормотала она. — У меня никогда не было парня. У меня никогда не было свиданий. А уж тем более — вторых свиданий! В том, что касается любви, я страшная трусиха. Я говорила, что хочу увидеть тайную сторону парней, но ты мне ее раскрыл, и теперь я хочу только сбежать подальше.

Он протянул руку, и она переплела свои пальцы с его. Девушка втянула воздух, глядя на их сомкнувшиеся ладони.

— Чего ты боишься? — спросил Джек.

— Тебя, — ответила она. — Себя.

Он кивнул, как будто теперь все обрело смысл.

— Я не хочу никого нормального. Не хочу никого безопасного. Я хочу тебя. Я полюбил тебя почти с первого мгновения, сразу, как увидел — дикую, неистовую и смелую, бегущую по лесу с фиолетовыми от черничного сока губами. Я понимал, что ты нравишься и всем остальным, но это ничего не меняло.

Щеки Хэйзел тронул румянец.

— А как же Аманда? Ты сказал, что полюбил меня, как только увидел, но мне казалось, ты любил ее.

Джек было улыбнулся, но через мгновение улыбка померкла.

— Я подменыш: ни рыба ни мясо, нигде не подходящий ко двору. Аманда вписывается в этот мир. Я подумал, если она полюбит меня — если сможет меня полюбить, — это будет знаком, что я тоже вписался. Но она меня боялась. Как и все люди.

— Но не я, — возмущенно ответила Хэйзел. — Я не *этого* боюсь.

— Знаю, — сказал Джек. — Меня не пугает, что ты еще выясняешь, каково это — быть одновременно и ночной, и дневной. Я не боюсь запутаться или что-то испортить, потому что это мы. У нас нет нужды ни в первом, ни во втором свидании. Мы же ненормальные, помнишь? Мы сделаем все так, как ты захочешь. Отношения могут быть любыми, какими ты их видишь. Все зависит только от нас. Мы можем написать свою собственную историю.

— И с чего же мы начнем? — спросила Хэйзел.

Парень хитро взглянул на нее сверху вниз.

— С чего захочешь. Можем зависать после школы. Писать друг другу длинные письма. Можешь придумать мне какое-нибудь задание, чтобы я завоевал твою благосклонность.

— Ну нет, — возразила она, наконец улыбаясь, потому что это был ее привычный Джек — с нелепыми скулами и нелепыми идеями. — Если кто и должен выполнять задания, так это я.

Джек улыбнулся:

— Что ж, хорошо. Я могу придумать, как тебе завоевать мою благосклонность. Пожалуй, тебе придется принести мне большую чашку кофе и пончик. Или совершить массовое убийство всех моих врагов. Я еще не решил.

— Это меня не пугает. Ни капельки. А знаешь, чего еще я *не* боюсь?

Он покачал головой.

— Иди сюда, — позвала она, прислонившись к стене и притягивая его к себе, чтобы прижаться губами к губам.

Он издал тихий удивленный возглас — а потом другой звук, сквозящий отнюдь не удивлением.

* * *

Перед тем, как отправиться домой, Хэйзел открыла шкафчик, чтобы оставить учебники. Оттуда сразу же выкатился, дважды отскочив от пола, грец-

кий орех. Скорлупка была перевязана серебряной нитью. Открыв ее, девушка обнаружила внутри свиточек из тонкой воощеной бумаги, на которой рукой брата было выведено: *Скоро полная луна. Приходи-ка к нам на пир. Не умею рифмовать.* Она сжала записку в ладони и улыбнулась.

ЭПИЛОГ

Если пойти тропинкой, ведущей в темный лес — мимо ручья и поваленного дерева, кишашего мокрицами и термитами, — то придешь к стеклянному гробу. Он стоит прямо на земле, а в нем спит эльф — с золотым венцом на голове и острыми, как ножи, ушами.

Горожане помнят, что раньше в гробу спал совсем другой волшебник. С рогами и каштановыми кудрями — тот, кого они обожали, но уже начали забывать. Главное, что у них был новый эльф, который ни разу не проснулся за все долгое лето, когда девочки и мальчики, растянувшись на крышке гроба, рассматривали спящего сквозь хрустальное стекло, затуманивая его своим дыханием. Не просыпался он, и когда на него приходили поглазеть туристы, а разрушители легенд пытались доказать, что он не настоящий, но все равно с ним фотографировались. Он не открыл своих ядовито-зеленых глаз и в осенние выходные, когда девушки танцевали прямо над ним, поднимая бутылки высоко над головой и будто салютуя всем лесным призракам.

В другом уголке леса устраиваются другие вечеринки — внутри пустого холма, полного ночных цветов. Там светлокожий юноша играет на скрипке, зажимая струны исцеленными пальцами, а его сестра танцует с его лучшим другом. Там чудовище кружится и машет ветвями в такт музыке. Там эльфийский принц, ставший королем, обнимает подменыша как брата и, посадив подле себя человеческого парня, называет девушку своим отважным воином.

❧ БЛАГОДАРНОСТИ ❧

Я начала эту книгу, предполагая заново посмотреть на фольклор о феях, который я так люблю, но вышло нечто большее. Писать ее было очень весело: она постоянно изменялась, как будто утекая сквозь пальцы. Я разделяю мнение Джина Вулфа, который сказал: «Нельзя научиться писать романы, можно лишь научиться писать роман, который вы пишете». Эти слова никогда не были для меня столь верны, как во время работы над этой книгой.

Я выражаю благодарность всем фольклористам, которые собрали материалы, сформировавшие мое видение фей. Не могу не отметить труд «Вера в фей в кельтской культуре» У. И. Эванс-Венца; главу, касающуюся сказок о подмесьшах, из книги «Иорубоязычные народы рабовладельческого побережья Западной Африки» А. Б. Эллиса; балладу Иоганна Вольфганга фон Гете «Король Ольхи»; «Комментарии к фольклору северо-восточной Шотландии» Уолтера Грегора; сказку «Кейт Крэкернутс» из «Английских сказок» Джозефа Джейкобса; сказку «Фермер и

боггарт» из «Фольклора народов мира в 5 томах», собранного миссис Гуч и Мэйбл Пикок, и многочисленные отрывки из «Фольклора в английских и шотландских балладах» Лоури Чарльза Уимберли.

Я также благодарна всем, кто поддерживал мою книгу, вносил предложения, помогал и мучился со мной, — особенно тем, кто пережил уже несколько моих проектов.

Спасибо друзьям из Аризоны, где я взялась за роман, и ребятам из Сан-Мигель-де-Альенде, которые помогали мне с ранней версией теперь преобразившегося до неузнаваемости проекта, и тем, кто был со мной в Корнуолле, помогая понять, что делать, когда я вернулась к самому началу и изменила кучу всего.

Огромное спасибо Делии Шерман, Гвенде Бонд и Кристоферу Роу за их мудрые советы. Спасибо Стиву Берману за помощь в проработке линии Бенджамина. Спасибо Паоло Бачигалупи, что вышел со мной на связь и выразил понимание касательно сроков. Спасибо Кассандре Клэр, которая постоянно заверяла меня, что книга, в конечном итоге, будет написана, а отчаяние — неотъемлемая часть процесса. Спасибо Саре Риз Бреннан за ее советы по структуре и за то, что столько раз перечитала роман. Спасибо Келли Линк за то, что

тоже много раз читала книгу и подсказывала, куда лучше вставлять поцелуи. Спасибо Либбе Брэй, что выстрелила со своим проектом, и это позволило мне еще целую неделю поработать над моим. Спасибо Робин Вассерман, которая сидела со мной и с новорожденным ребенком в «Старбаксе», слушала мое нытье о сюжете, пока он плакал над своей бутылочкой, и за то, что жестко, но справедливо редактировала мою книгу в Сочельник. Спасибо Джошуа Льюису, что помог определиться с развязкой. Спасибо Лей Бардуго, которая билась, чтобы сделать мой сюжет, конфликт и темп лучше, — я ценю это больше, чем могу выразить словами, и гораздо больше, чем могло показаться. Спасибо Синди Пон, что беседовала со мной о книге за великолепной русской едой и имбирным пивом. Спасибо Ками Гарсиа, которая позволила мне околачиваться в ее гостиничном номере и съесть всех ее мармеладных мишек, пока мы обе заканчивали наши проекты. Спасибо Элли Картер, что готова была говорить со мной, не считая своего времени.

Я хочу сказать отдельное, огромное искреннее спасибо сотрудникам «Литтл, Браун букс для юных читателей», особенно моему любимому редактору Альвине Линг, которая верила в мою рукопись, хоть она безбожно задерживалась и была очень грязной.

Спасибо Бетани Струт, что была удивительным, великодушным читателем, и Амбер Каравео из британского «Орион букс» за чутье того, что хорошо, а что плохо. Спасибо Лизе Мораледа, необыкновенному журналисту, которая всегда знала, где перекусить, и Нине Дуглас, путешествовать с которой — одно удовольствие. И, конечно, спасибо Виктории Стэптон за всю ее удивительность и выпивку.

Спасибо моему агенту Барри Голдблатту за поддержку, советы, поиски эпиграфа и веру в то, что я действительно смогу закончить эту книгу.

Спасибо всем, кто верил, что я закончу ее писать — потому что я, если честно, не верила.

А самое большое спасибо — моему мужу Тео и нашему сыну Себастьяну, которые терпели мое бесконечное сидение перед компьютером и мученически слушали, когда я читала им всю книгу вслух (окей, Себастьян в это время в основном спал). Я превыше всего ценю вашу поддержку и любовь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	30
Глава 4	49
Глава 5	59
Глава 6	71
Глава 7	90
Глава 8	104
Глава 9	119
Глава 10	134
Глава 11	157
Глава 12	165
Глава 13	188
Глава 14	210
Глава 15	224
Глава 16	242
Глава 17	256
Глава 18	273
Глава 19	296
Глава 20	324
Глава 21	349
Глава 22	356
Эпилог	376
Благодарности	378

*Литературно-художественное издание
Для широкого круга читателей*

МАСТЕРА МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Блэк Хоаи

САМАЯ ТЕМНАЯ ЧАЩА

Заведующий редакцией *Сергей Тишков*
Ответственный редактор *Мария Рожнова*
Ответственный за выпуск *Ирина Данзьян*
Технический редактор *Татьяна Тимошина*
Корректор *Татьяна Бородоченкова*
Верстка *Веры Брызгаловой*

Подписано в печать 11.07.2017. Формат 76х100/32

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8

Тираж 3000 экз. Заказ № 6258

ООО «Издательство АСТ»

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1, ком. 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 белме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-
талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,

Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Если пойдешь тропинкой, что ведет в самую
глухую чащу, — мимо ручья и поваленного дерева,
кишащего мокрицами и термитами, —
неприменно увидишь... стеклянный гроб.
Гроб стоит прямо на земле, и в нем спит
мальчик — с рогами и острыми, как ножи,
ушами...

Когда-то Хейзел думала, что этот мальчик —
принц, и мечтала, что однажды он проснется
и станет мудро и справедливо править своим
царством и не будет таким жестоким
и коварным, как многие феи и эльфы.
Хейзел выросла и забыла истории, которые
сочиняла о рогатом мальчике.
Он никогда не проснется, и это известно всем!
Но однажды мальчик открыл глаза...
И мир перевернулся.

В этой книге темно и опасно.
Kirkus Reviews

Холли Блэк —
признанный мастер магического реализма.
Серия ее фэнтези-романов «Хроники
Спаyderвика», созданная в соавторстве с Тони
ДиТерлицци, возглавила список бестселлеров
газеты «Нью-Йорк таймс».

www.ast.ru
www.vk.com/ast_mainstream

ISBN 978-5-17-982491-6

9 785179 824916